

28.6
К.94

Ж.-И. КУСТО

И. ПАККАЛЕ

ЖИЗНЬ НА КРАЮ ЗЕМЛИ

ГИДРОМЕТЕОИЗДАТ

ЖИЗНЬ НА КРАЮ ЗЕМЛИ

JACQUES-YVES COUSTEAU
ET
YVES PACCALET

LA VIE
AU
BOUT DU MONDE
PATAGONIE,
TERRE DE FEU,
ARCHIPEL MAGELLANIQUE

FLAMMARION

Ж.И. КУСТО
И. ПАККАЛЕ

ЖИЗНЬ НА КРАЮ ЗЕМЛИ

ПАТАГОНИЯ,
ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ,
АРХИПЕЛАГ
ЮЖНОЧИЛИЙСКИХ
ОСТРОВОВ

28.69 + 63.5
К 94

Кусто Ж.-И., Паккале И.

К 94 Жизнь на краю земли. Л., Гидрометеиздат, 1984. 304 стр. с илл.

Книга всемирно известного исследователя Мирового океана Жака-Ива Кусто и молодого биолога Ива Паккале рассказывает об очередной экспедиции „Калипсо“, которая проходила у берегов Патагонии и на островах архипелага Огненная Земля. Основной целью экспедиции было изучение южных гладких китов, приплывающих на сезон размножения в заливы Сан-Хосе и Гольфо-Нуэво. Авторы сообщают много новых интересных подробностей о нраве, играх и брачных церемониях этих морских исполинов. Кроме того, авторы повествуют о встречах с другими животными этого уголка света — гуанако, нанду, броненосцами, разнообразными морскими птицами. Перед экспедицией стояла и другая задача — отыскать в лабиринте островов архипелага Огненная Земля последних индейцев вымирающего племени кауашкаров. Члены команды „Калипсо“ встретились с ними и убедились, что этот народ находится на грани полного исчезновения.

К 1903030100-022 59—84
069(02)-84

28.69 + 63.5

Перевод с французского М. Г. Таракановой
Научный редактор А. С. Соколов, канд. биол. наук

© Flammarion, 1979
© Перевод на русский язык,
Гидрометеиздат, 1984

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая: ВЕТЕР ПАТАГОНИИ

1. Сокровенная жизнь полуострова Вальдес

ЖЕЛТАЯ МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ПТИЦА — ЛАГЕРЬ У ПЕРЕСОХШЕГО АРРОЙО — НЕБОЛЬШОЙ ИСПАНСКИЙ ФОРТ — ИСТРЕБЛЕНИЕ ИНДЕЙЦЕВ — ПАНЦИРЬ ГЛИПТОДОНТА — МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ ХАРКУН 9

2. Игры исполинов, игры карликов

ХВОСТОМ ВВЕРХ — МИРОЛЮБИВЫЕ КИТЫ — КОГДА НАНДУ ИДУТ НА ВОДОПОЙ — ГНЕВ ПЕРЕСМЕШНИКА — КРОЛИКИ В МИНИ-ЮБКАХ — ПОСЕТИТЕЛЬ В ДОСПЕХАХ 29

3. Фонтан на горизонте!

ДЕЛЬФИНЫ-ВЕСЕЛЬЧАКИ — ДОКТОР АГУАЙО, СТОЛЬ ЖЕ СВЕДУЩИЙ, СКОЛЬ И ДОРОДНЫЙ — ПЯТЬ ЛЕТ НА ВАЛЬДЕСЕ — ВСЕМИРНАЯ ПОПУЛЯЦИЯ: 1500 ОСОБЕЙ — ГИГАНТСКИЙ БАШМАК — ЧЕПЧИК 49

4. Миллионы крыльев и ластов

СМОТРА КАКОЙ БУДЕТ ВЕТЕР — СЛОНОВЬИ ХОБОТЫ — СЛОЖНАЯ ЖИЗНЬ СТАДА — ВЗМАХИ КРЫЛЬЕВ НАД АТЛАНТИКОЙ — ЛЬВИНЫЕ ГРИВЫ — МЫ НЕЛЕПЫЕ ПИНГВИНЫ 71

5. Брачные игры гладких китов

КИТЫ И СВОБОДА — КИТЫ: ВИД СВЕРХУ — С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ С КИТОМ — ЛЕВИАФАНОВО БРЮХО — ЗАИГРЫВАНИЯ — ГИГАНТСКИЙ ЦВЕТОК — МОРСКИЕ СЕПАРАТОРЫ — ИНТЕЛЛЕКТ 95

часть первая

ВЕТЕР ПАТАГОНИИ

Идем на юг. „Калипсо“ снялась с якоря и отправляется в экспедицию к полуострову Вальдес в Аргентине, а затем к Огненной Земле и южночилийским островам.

СОКРОВЕННАЯ ЖИЗНЬ ПОЛУОСТРОВА ВАЛЬДЕС

ЖЕЛТАЯ МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ПТИЦА
ЛАГЕРЬ У ПЕРЕСОХШЕГО АРРОЙО — НЕБОЛЬШОЙ
ИСПАНСКИЙ ФОРТ
ИСТРЕБЛЕНИЕ ИНДЕЙЦЕВ
ПАНЦИРЬ ГЛИПТОДОНТА
МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ ХАРКУН

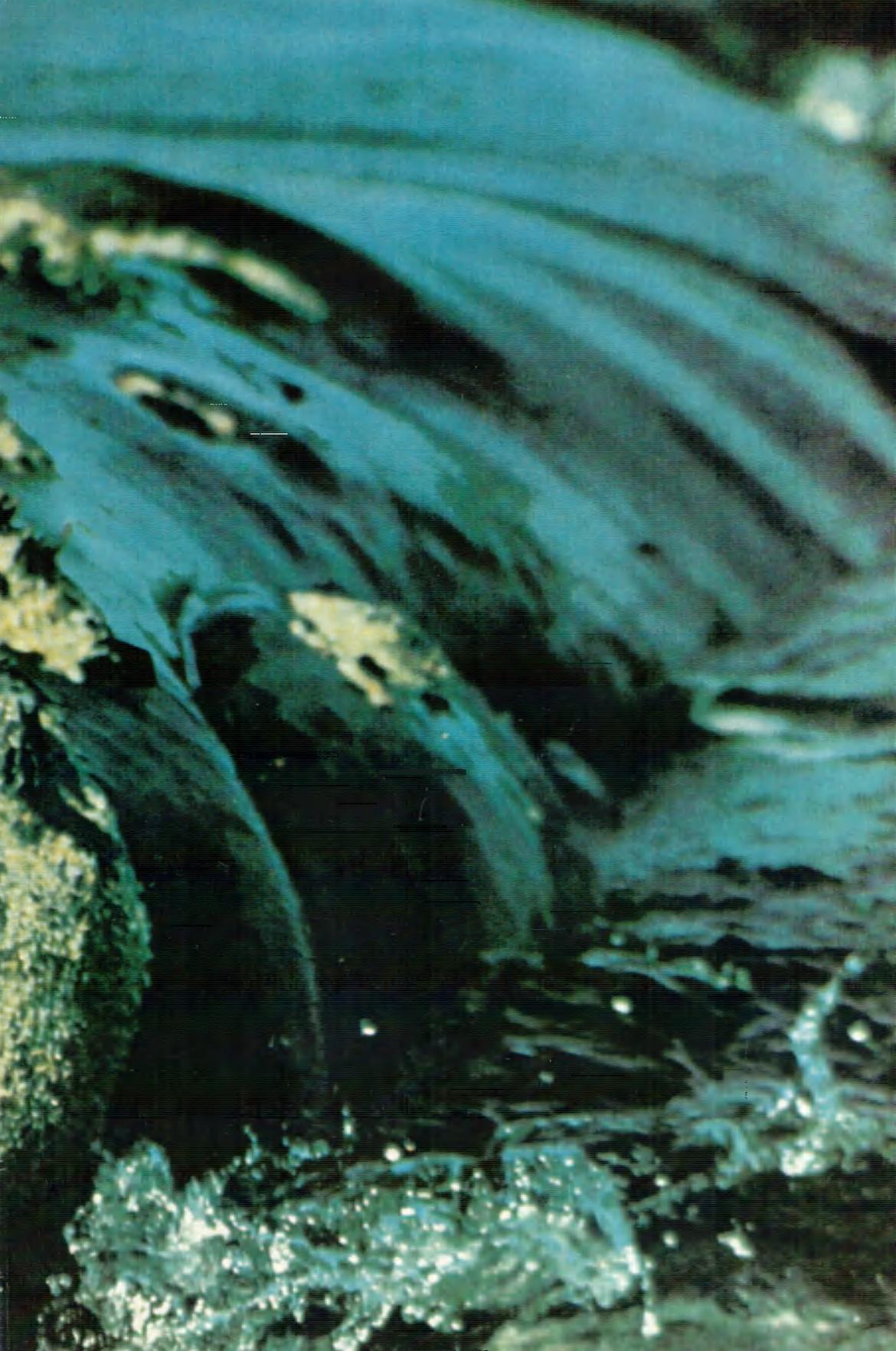
„Темная холодная ночь, — рассказывает Филипп Кусто. — Я неподвижно сижу на берегу и слушаю, как пускают фонтаны *гладкие киты*. Они совсем рядом. Хотя в темноте трудно различить их массивные формы, я знаю, что они плавают недалеко от берега, задевая порой брюхом дно на мелководье. А вот они выпрыгивают метрах в двухстах от меня. Их огромные тела со страшным шумом обрушиваются на воду. В промежутках между всплесками слышны глубокие вдохи китов: для меня этот мощный хоровой концерт — самая прекрасная музыка в океане.

Так проходит моя первая ночь в Патагонии, на южном берегу залива Сан-Хосе, а точнее, на перешейке, соединяющем полуостров Вальдес с материковой частью Аргентины.“

Мы с Филиппом давно собирались исследовать дикое побережье Патагонии. Патагония... Кто не мечтал о ее безграничных просторах, легендарных *пампасах**, где сливаются в единое целое *гаучо** и конь, где беспрерывно дует ледяной *памперо**?

На развороте: Южный кит — властелин вод, омывающих полуостров Вальдес; его вес достигает порой 70 т.

Аргентинские друзья привили нам „патагонский вирус“ — и нас неудержимо влекло к обширным равнинам южной оконечности Америки, сопоставимым по площади с Англией и Францией вместе взятыми... Друзья разожгли наше воображение рассказом о величественном зрелище появления китов у полуострова Вальдес, в разговоре упоминались и другие необычные представители местной фауны. Не обошли они и представителей человеческого рода, обитающих на этом краю света; и этот краткий рассказ о жизни нищих индейцев и белых, потомков европейских колонистов, тоже захватил нас.

Филипп только что вернулся из Замбии, где изучал бегемотов и снимал про них фильм — с какой подкупающей легкостью передвигаются в речной воде эти *амфибионтные животные**, столь неуклюжие на земле! Теперь он ничем не занят и располагает временем. Всю организацию экспедиции Филипп берет на себя. Он уезжает с небольшой группой. И в конце сентября — для южного полушария это начало лета — Филипп уже на пути из Буэнос-Айреса, пункт назначения — полуостров Вальдес.

Я же должен еще целый месяц убить на скучнейшие административные дела. А мне не терпится снова почувствовать, как ходит под ногами палуба „Калипсо“. Мы отправимся в путь на нашей милой старушке в конце октября, а в самом начале ноября уже встретимся с Филиппом в водах полуострова. Закончив работу на Вальдесе, пойдем к Огненной Земле и будем бороздить воду архипелага, открытого Магелланом, в поисках последних индейцев, оставшихся на этом краю света, — тех, кого называют *морскими кочевниками*.

Желтая металлическая птица

Полуостров Вальдес напоминает очертаниями плоское бобовое зерно, лежащее в Атлантическом океане как раз за 42° южной широты. С материком его связывает перешеек Карлоса Амегино, разделяющий два довольно закрытых участка океана — залив Сан-Хосе с севера и залив Гольфо-Нуэво с юга. Это дикая и суровая земля, все ее немногочисленные поселения — Пуэрто-Сан-Хосе, Пунта-Норте, Пуэрто-Вальдес, Пунта-Дельгада, Пуэрто-Пирамидес — стоят на побережье, только Салинас-Гранде возвышается на краю необычной котловины, расположенной в глубине полуострова. Глубина этой впадины достигает 40 м ниже уровня моря. Это самая низкая точка Южной Америки.

Мелководный, овальной формы залив Сан-Хосе, миль тридцати в длину и самое большое миль пятнадцати в ширину, является частью обширного залива Сан-Матиас, с которым его соединяет на севере узкий проход. С незапамятных времен в эти уединенные тихие воды (и реже

Теперь у нас есть незаменимый помощник в наших исследованиях — вертолет, который Филипп учится пилотировать.

в воды залива Гольфо-Нуэво) приплывают, чтобы любить друг друга и дать жизнь потомству, гладкие киты. Они появляются зимой (в июле) и остаются до конца весны (до ноября), а на лето и осень возвращаются на обильные пастбища южных морей. С декабря 1974 года власти аргентинской провинции Чубут, в состав которой входит полуостров Вальдес, объявили его заповедником. Это удачное начинание полезно не только

для китов, которые находятся под угрозой исчезновения (ведь много веков подряд они были добычей китобоев и до сих пор, вопреки официальным запретам, промышляются браконьерами), но и для всей местной фауны.

Филипп давно мечтал о такой машине, которая помещалась бы на борту „Калипсо“ и развивала бы значительную скорость в погоне за редкими животными (и продовольствием — частенько птицей куда более редкой!). Для киносъемок с воздуха мы долгое время пользовались монгольфером. Но наполненный теплым воздухом шар слишком зависит от воли ветра. Он капризен, плохо управляем; единственное же его преимущество — бесшумность, но и она относительна. (Чтобы держаться в воздухе, надо время от времени зажигать газовую горелку, а ее не назовешь образцом сдержанности.)

Идеальный вариант такой машины (если позволяют средства) — *вертолет*. И вот наконец мы приобретаем этот ценный рабочий инструмент. Наша изящная металлическая птица ярко-желтого цвета прибыла в Буэнос-Айрес в разобранном виде. Ее пилот американец Боб Маккиган — исключительно опытный летчик, ветеран войны во Вьетнаме, где он обеспечивал эвакуацию раненых в госпиталь. Боб принял вертолет в столице Аргентины и быстро собрал его благодаря дружеской помощи группы компетентных механиков, обкатка же вертолета начнется в патагонском небе. На „Калипсо“ для него будет оборудована посадочная площадка (на носу вертолет, на корме ныряющее блюдо — наш старенький минный тральщик не становится просторнее!); а пока судно в пути, вертолет будет базироваться на специальной небольшой площадке недалеко от Пуэрто-Мадрина. Отсюда в случае надобности его сможет вызывать работающая на полуострове группа Филиппа.

Лагерь у пересохшего арройо

Пуэрто-Мадрин — всего лишь скромный поселок в несколько десятков низеньких домиков, через который проходит знаменитая панамериканская автострада, связывающая единой линией Аляску и Огненную Землю. Пуэрто-Мадрин интересует Филиппа и его товарищей прежде всего потому, что он расположен неподалеку от перешейка Карлоса Амегино, который связывает полуостров Вальдес с материком. Поэтому его и выбирают отправным пунктом.

„До Пуэрто-Мадрина — никаких трудностей с доставкой оборудования, — рассказывает Филипп. — А вот потом все становится сложнее... Несколько дней пространных переговоров, то забавляющих, то раздражающих нас, — и мы нанимаем в поселке грузовик. Набиваемся в него как попало вместе с продовольствием, кастрюлями, гидроко-

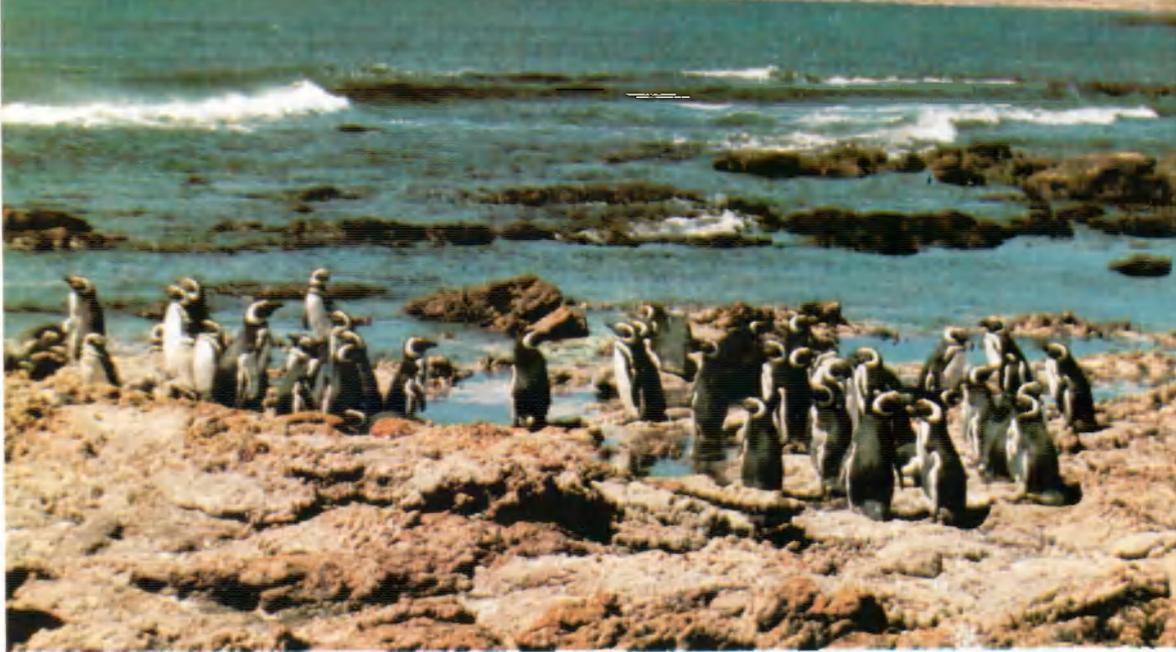
стюмами, баллонами со сжатым воздухом, измерительными приборами, фотоаппаратами, кинокамерами и спальными мешками. И вперед, на встречу приключениям!”

Вертолет снует туда-сюда между базой и маленьким лагерем. Он облетает район, приземляясь там, где попадает свободная площадка. Пилот мгновенно осваивает машину. А у Филиппа при шуме винтов вертолета, как свидетельствуют все очевидцы, каждый раз загораются глаза. Приобретение вертолета буквально переполняет его радостью. Филипп долго борется с искушением — и вот, когда Боб Маккиган приземляется в третий или четвертый раз, он забирается в машину и садится рядом с пилотом. Неделю спустя он пытается сам сесть за штурвал. К концу пребывания на Вальдесе Филипп управляет вертолетом не хуже профессионала.

Как обычно, в первую очередь исследователи должны найти . . . подходящую площадку для лагеря. В таких случаях сначала мечтаешь об идеальном варианте: чтобы устроиться в месте, хорошо защищенном от ветра и с проточной водой у порога, — то есть мечтаешь о первоклассном отеле посреди пустыни . . . Но постепенно становишься менее требовательным и довольствуешься тем, что соблаговолит предложить Госпожа Природа. Вид у полуострова Вальдес не слишком гостеприимный — сплошь камень, песок и колючий кустарник. Это обширное пространство, открытое ледяным ветрам и проливным дождям, где на бурых и серых почвах произрастает скудная растительность — бледно-желтые злаки* и кусты с корявыми ветвями. Построек здесь почти нет — равнина отведена под пастбищное овцеводство. То и дело попадаются целые холмы окаменелых раковин. Часто встречаются также следы древних индейских культур, процветавших здесь до появления конкистадоров.

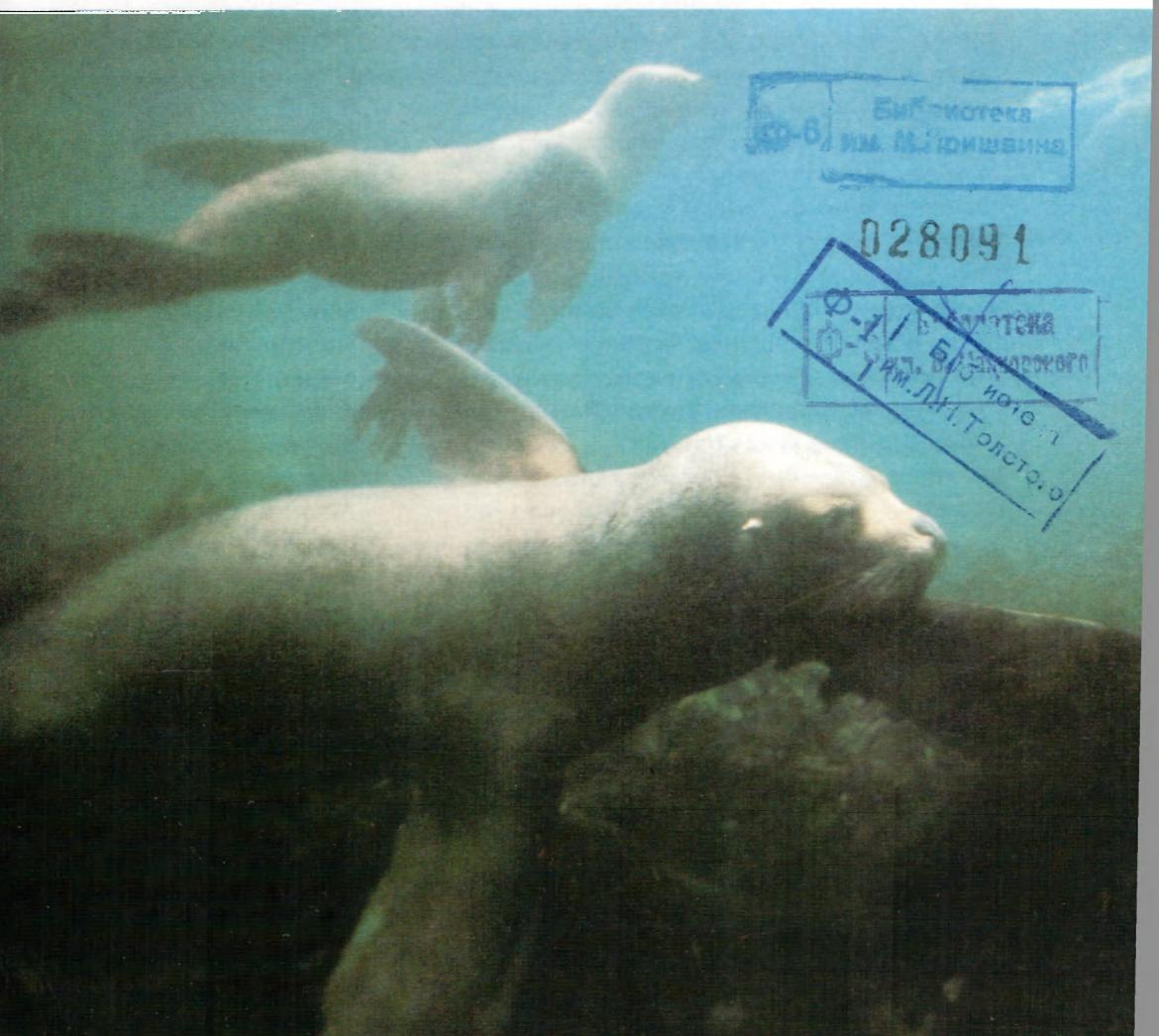
Отправившись в очередной раз на вертолете обследовать местность, Филипп и Боб находят место для будущего лагеря экспедиции. Это довольно ровный участок суши в двух шагах от устья пересохшего *арройо**, где русло впадает в защищенную двумя высокими мысами широкую бухту. Пляж здесь узкий, но уютный. Кажется, тут будет удобно подходить двум зодиакам, которыми располагает экспедиция.

Выбранное место обладает, по крайней мере, тремя достоинствами: во-первых, оно находится прямо на берегу залива Сан-Хосе, куда приплывают на сезон размножения гладкие киты. Во-вторых, его связывает с цивилизованным миром грунтовая дорога, по которой без особых трудностей может пройти грузовик. И наконец, здесь есть вода — ветряной двигатель приводит в действие насос, который качает воду в бак. Это оборудование установили овцеводы брата Фракасса, владельцы доброй половины полуострова. Мы просим их разрешения пользоваться оборудованием, а также поселиться ненадолго в этой местности. Они любезнейше дают свое согласие на то и другое.

Полуостров Вальдес — переходная зона между аргентинской пампой и просторами Атлантики. На его землях находит приют богатая и разнообразная, но скромная фауна. Здесь обитают магеллановы пингвины, белобрюхие бакланы, южные морские слоны и южные морские котики.

Небольшой испанский форт

Членам команды „Калипсо“, прибывшим в этот затерянный уголок Аргентины, не составляет особого труда разбить лагерь. Для этого достаточно расчистить посадочную площадку для вертолета, выкорчевать несколько колючих кустов, выровнять несколько квадратных метров земли, вбить колышки, натянуть веревки — и дело сделано. Вскоре вдоль арройо встают три брезентовых домика, не считая палатки-кухни. Специальная палатка, предназначенная для записывающей аппаратуры Ги Жуа и рации, установлена в самом русле высохшей речки, на бугорке.

Помимо уже упомянутых Боба Маккигана и Ги Жуа, с Филиппом Кусто сюда прибыли Жак Делькутер (аквалангист), Иван Джаколетто (второй аквалангист), Колен Мунье (оператор), Франсуа Шарле (оператор, ответственный за съемки с воздуха) и жена Филиппа Джан, исполняющая обязанности интенданта и агента по рекламе и пропаганде. Кроме того, в состав отряда вошел аргентинец по имени Марьяно, настоящий природный силач, аквалангист, знающий морское дно в этих краях как свои пять пальцев.

Вечером того же дня Филипп с товарищами замечают, что во время отлива море отступает очень далеко в бухту. Береговая полоса, показавшаяся сначала такой узкой и такой удобной для причаливания, растянулась теперь больше чем на километр! Обстоятельство пренеприятное... Чтобы в отлив спустить зодиаки на воду или, наоборот, поднять их на сушу, придется перетаскивать лодки на значительное расстояние. Стремясь хотя бы частично устранить это неудобство, члены отряда „Калипсо“ решают оборудовать якорную стоянку для лодок в таком месте, чтобы зодиаками можно было пользоваться, по крайней мере, во время прилива и начала отлива. Причальной бочкой послужит большой упаковочный ящик, доверху набитый галькой, — его установят посреди бухты.

Погода стоит отличная, что на Вальдесе, кажется, случается нечасто. Ни малейшее дуновение ветерка не нарушает спокойствия в лагере и его окрестностях. После ужина, когда погасли одна за другой керосиновые и газовые лампы и все постепенно заснуло, на суше и на море воцаряется величественная тишина. И вот во мраке все отчетливее начинают раздаваться громкие голоса китов. Филипп, очарованный благородными звуками ночного концерта, не может уснуть. Он идет на пляж, садится там, закутавшись в одеяло, и до рассвета слушает мощные глухие хоры огромных представителей китообразных*.

„Разве можно остаться равнодушным к этой дикой и нежной музыке, идущей из глубины времен и подобной самому дыханию мира! — говорит он. — Человек потерял способность чувствовать каждой своей клеточкой великое биение пульса Природы, ее важнейшие ритмы. И, мо-

жет быть, пение китов лучше, чем что-либо другое, поможет ему вернуть это чувство, которое он утрачивал по мере того, как становился технократом, а потом потребителем.“

На следующий день с утра весь отряд отправляется изучать свои новые владения. Прежде всего обследуются мысы, ограничивающие пляж с обеих сторон. Они представляют собой нагромождения устричных раковин. Сотни тысяч тонн известковых раковин красноречиво говорят о том, сколь богаты жизнью воды Вальдеса.

Днем члены экспедиции отправляются в противоположную сторону, в глубь полуострова. Обойдя систему ложбин и выветренных холмов, они находят остатки водоема и *испанского форта*, вокруг которого полным-полно кремневых наконечников стрел. Не нужно быть гениальным историком, чтобы расшифровать эти следы. Здесь на горе коренным жителям пожелали обосноваться иберийские колонисты. Они построили форт, откуда совершали вылазки и где укрывались ночью от нападения „дикарей“. Вероятно, в одной из стычек индейцы взяли крепость и разрушили ее строения, истребив сначала колонистов. Однако впоследствии их, в свою очередь, уничтожили другие европейские завоеватели.

Истребление индейцев

История Америки в целом и Аргентины в частности — это история истребления индейцев. Известно, что выстрадали „краснокожие“ в Северной Америке, пока их не загнали в жалкие резервации. Что же касается Латинской Америки, то здесь достаточно одного примера: до появления белых земли, протянувшиеся от Мексики до Боливии, населяло 60—90 миллионов ацтеков, майя и инков. Через полтора столетия после начала завоевания их осталось лишь три с половиной миллиона . . .

Основные причины этой массовой гибели — жесточайшая эксплуатация вкупе с худшими проявлениями расизма и садизма. Европа признала индейцев „полноценными людьми“ лишь в 1537 году после буллы папы Павла III. Впрочем, официальное признание церкви несколько не препятствовало продолжавшемуся истреблению: в течение нескольких последующих лет только на серебряных рудниках Потоси в Боливии отошли в лучший мир восемь миллионов коренных жителей. И это не считая тех индейцев, которые погибли в лесах и горах, где на них устраивалась настоящая охота. Не считая тех, которых одаривали отравленными рисом, сахаром, зерном и одеялами, доставленными из мест, где недавно свирепствовали среди населения сифилис или оспа . . .¹

¹ Геноцид продолжается и до сегодняшнего дня, в частности в Амазонии, причем используются все те же старые методы истребления („охота“, отравы и т. д.).

В августе — в южном полушарии это конец зимы — у берегов полуострова Вальдес появляются южные киты.

Они приплывают сюда на сезон размножения и в тихих неглубоких водах заливов Сан-Хосе и Гольфо-Нуэво производят на свет потомство.

Эта мамаша уже родила, она плывет рядом со своим отпрыском, к которому относится очень бережно и нежно.

В Аргентине, за исключением района Ла-Платы, истребление индейцев началось позже, чем в Мексике и Перу, но было столь же безжалостным. В Патагонии в конце прошлого века солдаты правительственных войск, в задачу которых входило „восстановление порядка“, получали вознаграждение за каждую пару отрезанных у „врага“ мужских яичек или ушей — варварство под маской закона . . .

Полуостров Вальдес, сейчас почти никем не заселенный, кроме нескольких овцеводов, составлял когда-то часть территории индейцев *те-хуэльче*. Эти кочевники, разделенные на мелкие враждовавшие между собой кланы, населяли всю материковую часть Патагонии от Рио-Негро

до Магелланова пролива. На острове Огненная Земля жили *она*, а на архипелаге того же названия — три основные группы: *чоно*, *кауашкары* и *яганы* (яганы занимали также часть острова Огненная Земля).

Техуэльче, первые хозяева пампы (они появились здесь, вероятно, несколько тысяч лет назад), зимой уходили на север своей „империи“, а летом отправлялись охотиться на юг. В отличие от своих сородичей-островитян, техуэльче не умели пользоваться лодками. Питались они в основном мясом гуанако и нанду (южноамериканских страусов), не пренебрегая, однако, устрицами, мидиями и другими дарами моря, которые находили на берегу. Но вот крупным землевладельцам-белым (*эстансьерос*) пришлось на ум разводить в Патагонии овец, и это решило судьбу техуэльче — они должны были исчезнуть. Техуэльче считали, что овцы — это обыкновенная дичь. Они постоянно попадались на краже скота, и их приговаривали к смертной казни (иногда судьи, чаще сами колонисты). В начале нашего века индейцев объединили под властью последнего старейшины касика Мулато, отведя им резервацию площадью приблизительно 10 000 га и запретив вести исконный кочевой образ жизни. Но они все равно разбредались кто куда и в конце концов были истреблены почти полностью. В настоящее время осталось лишь несколько десятков индейцев техуэльче, большей частью метисов, бедных *пеонов**, служащих в *эстансиях**, или изгнанников, живущих в каком-нибудь парке провинции Чубут. И только язык, на котором они иногда еще говорят, свидетельствует о высоком уровне их утраченной культуры.

Мысли о геноциде и уничтожении целых культур вызывают в воображении самые мрачные картины, но они сами собой приходят на ум, когда ступаешь по земле Южной Америки. Эти ужасы составляют такой контраст с величественной природой, что путешественник быстро теряет четкие ориентиры в своих взглядах на жизнь. Из Латинской Америки уезжаешь не таким, каким приехал. Сочетание великолепия и жестокости потрясает душу.

Панцирь глиптодонта

Географические границы так называемой Патагонии менялись от эпохи к эпохе и от автора к автору. В настоящее время Патагонией считается обширная сухая пампа между Рио-Негро на севере и Магеллановым проливом на юге, то есть между 40-м и 52-м градусами южной широты. Это громадный треугольник суши, повернутый вершиной вниз, с высотой 1500 км и основанием 1000 км; одну его сторону составляет кордильера Анд, а другую — берег Атлантического океана.

Земля контрастов . . . На западе — непроходимая цепь Анд, царство вечных снегов и кондоров; самая высокая вершина кордильеры в этом

треугольнике — гора Тронадор (3410 м), которая находится в Аргентине, а самая красивая вершина, настоящая жемчужина природы, — гора Фицрой (3375 м).

В центре — полупустыня, нескончаемые каменистые плато, скудно поросшие злаками — ксерофитами* и кое-где ошетилившиеся колючим кустарником; малейший ветерок взметает здесь в воздух черные облачка редкого чернозема. Небо с его вереницами облаков дарит глазу больше разнообразия, чем эта земля.

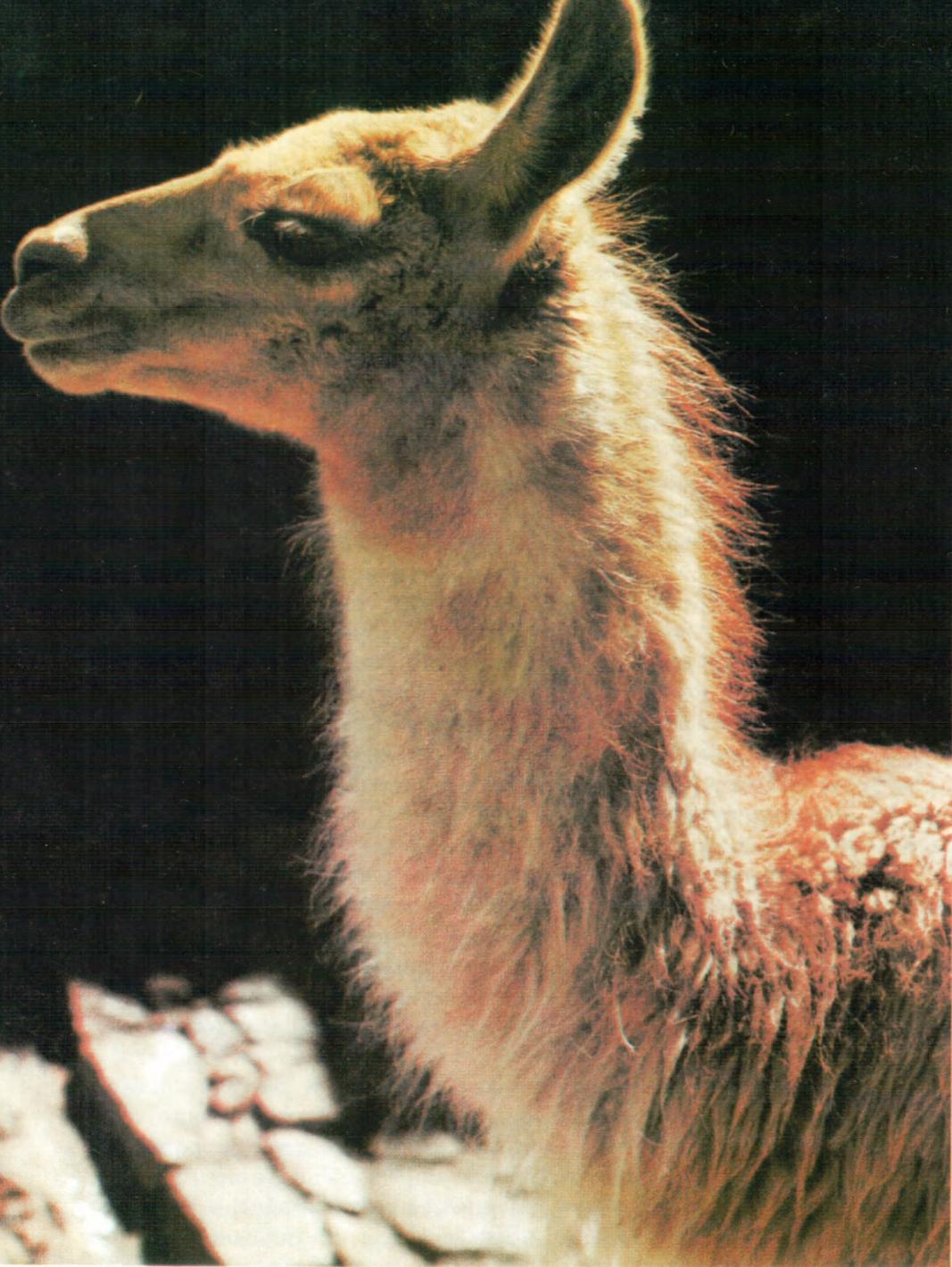
Наконец, на востоке, на атлантическом побережье — на стыке океанического и материкового миров — невероятное богатство жизни. На узкой полосе побережья сосредоточены огромные колонии птиц и млекопитающих, находящих обильную пищу в водах Фолклендского течения, которое омывает эти берега, возникнув у самой Антарктики.

Обследуя окрестности лагеря, Филипп и его товарищи размышляли о судьбе обитающих здесь людей и животных. Первые поселившиеся на этих землях индейцы застали еще те времена, когда можно было охотиться на некоего огромного представителя семейства кошачьих, на доисторическую лошадь рода *Hippidum*, на весьма крупного наземного ленивца — так называемого *милодона* (чей скелет и даже кусочек кожи с остатками волосяного покрова были найдены в Чили, в гроте неподалеку от Ультима-Эсперанса) и на *глиптодонта*, одного из гигантских броненосцев.

Глиптодонт, представитель неполнозубых*, высотой 2 м и длиной более 3 м, выглядел, должно быть, как настоящий бронированный корабль равнин. Его голову, которую он мог втягивать внутрь, защищал панцирь из костных щитков, составляющих единый купол. Как и остальные упомянутые животные, глиптодонт исчез несколько веков назад, во всяком случае гораздо раньше, чем у берегов Америки появился Магеллан.

Для других млекопитающих, а также для птиц стала катастрофой колонизация континента европейцами. Пока Патагонию населяли враждебные племена индейцев техуэльче и здесь не было дорог, европейцы использовали в качестве путей сообщения морские воды, и поэтому поначалу пострадали виды, приспособившиеся к жизни в воде, — дельфины, морские котики, морские львы, морские слоны, пингины и, конечно, киты. Когда же коренных жителей в конце концов истребили и проложили на континенте пути сообщения, пришла очередь заплатить дань цивилизации и тем животным, которым до той поры удавалось избежать уничтожения. Эта же участь постигла и *гуанако*.

Вскоре Филиппу и его рекогносцировочному отряду, к величайшему их удовольствию, во время одной из пешеходных вылазок в глубь полуострова попало на глаза небольшое стадо гуанако.

Гуанако — южноамериканские родичи верблюда; в отличие от своих близких родственников лам, они так и не были одомашнены.

Во время одной из пеших вылазок в глубь полуострова Филипп и его товарищи встретили небольшое стадо гуанако.

Млекопитающее харкун

„Это произошло во время второй или третьей вылазки, — рассказывает Филипп. — Пробравшись наконец через беспорядочные заросли колючего кустарника к лабиринту песчаных дюн, углубляемся в дюны, с трудом продвигаясь вперед.

Огибаем один из нанесенных ветром холмов и неожиданно видим, как удирает целое стадо изящных гуанако. Оно состоит из взрослого самца (вожака стада), пяти самок и трех молодых особей. Рыжевато-бурый с золотистым отливом волосистой покров, чисто-белые брюхо и подбрюшье, длинная шея, гордая линия рта и легкий бег — что за чудное зрелище эти убегающие зигзагами южноамериканские родичи верблюдов.“

В Южной Америке семейство¹ верблюдовых* представлено двумя дикими видами — *гуанако* и *викуньей* и двумя одомашненными формами — *ламой* и *альпакой*, не считая ископаемых. Гуанако — эти длинноухие пальцеходящие* безгорбые верблюды — обитают на высокогорных плато и в пампасах, в экваториальных же и тропических лесах они не водятся.

Гуанако (*Lama huanacos* или *Lama glama guanicoe*, как их называют разные авторы) распространены от южного Перу до Огненной Земли, причем они не поднимаются выше чем на 4000 м, викунья же, наоборот, ниже этой высоты не спускается. Оба вида, гуанако и викунья, делят между собой естественные биотопы* латиноамериканских гор и равнин.

Гуанако избегают скал и крутых склонов и никогда не заходят в леса, проводя всю жизнь на злаковых пастбищах под открытым небом. Они держатся небольшими группами по 4—10 самок во главе с вожаком-самцом. Самцы без гарема (и молодые, и зрелые) группируются в стада по 15—25 особей. Дарвин во время своего путешествия по Патагонии встречал стада, состоявшие более чем из 500 особей. Сейчас такого уже не увидишь.

Гарем составляется после жестоких схваток между самцами, которые порой весят более 100 кг. Самцы наносят друг другу глубокие укусы острыми резцами и клыками. Победитель, собрав гарем, ревниво охраняет свой семейный мирок: пока самки питаются, он стоит на страже. У такого стада есть своя территория, куда не допускаются другие гуанако. (Случается, однако, что одинокие самки проникают в уже сформировавшийся гарем.) Установление территориальных границ гаремов, с экологической точки зрения, имеет очень важное значение: благодаря таким

¹ По современным представлениям, все мозолоногие (верблюды, ламы, гуанако и т. д.) составляют особый отряд. — *Прим. ред.*

границам удается избежать перенаселенности пастбищ и истощения почв в этой довольно уязвимой естественной среде.

Самки внутри клана соблюдают довольно строгие правила поведения. Если одна самка слишком близко подходит к другой, то она рискует получить удар копытом, укус или, по крайней мере, достаточно чувствительный плевок. В целях самозащиты плюются все представители рода лам. Они харкают в недруга смесью слюны и носовой слизи и, воспользовавшись его растерянностью, прячутся в укрытие.

Если стаду угрожает серьезная опасность, самец издает пронзительный свист. Все самки собираются впереди него и пускаются наутек, а он прикрывает их тылы.

Гон у гуанако приходится на летние месяцы — с ноября по февраль. На следующую весну каждая самка приносит одного детеныша, который становится на ноги и уже способен передвигаться буквально через полчаса после рождения.

Гуанако, как и обладательницы ценнейшего меха викунии, уничтожались на протяжении многих веков. Уже инки устраивали на них облавы, чтобы добыть мясо и шкуру. Излюбленной дичью были гуанако и у техуэльче, они называли их *нау*.

Но только с прибытием белых положение становится угрожающим. Европейцы особенно заинтересовались молодняком (они окрестили его словом *чуленгос*) — у молодых животных шерсть мягче и шелковистее, а следовательно, и торговля их шкурами прибыльнее. С приходом лета работники *эстансий* седлали лошадей и отправлялись охотиться на гуанако, вооружившись крепкими веревками с шарами на конце (*боласами*)... Да и овцеводы стреляли в гуанако, едва только завидев их, — они утверждали, что гуанако заражают скот разными болезнями. Во многих местностях гуанако исчезли полностью. И если они кое-где выжили, то только благодаря обитанию в труднодоступных и малонаселенных районах (кордильера Анд, Огненная Земля) и учреждению заповедников.

ИГРЫ ИСПОЛИНОВ, ИГРЫ КАРЛИКОВ

ХВОСТОМ ВВЕРХ — МИРОЛЮБИВЫЕ КИТЫ
КОГДА НАНДУ ИДУТ НА ВОДОПОЙ
ГНЕВ ПЕРЕСМЕШНИКА
КРОЛИКИ В МИНИ-ЮБКАХ — ПОСЕТИТЕЛЬ В ДОСПЕХАХ

В лагере у пересохшего арройо жизнь понемногу налаживается. Каждый создает свой собственный мирок, устраивается поудобнее. Появляются невинные, но такие нужные всем нам привычки. Вылазки на море чередуются с походами в глубь суши.

Передовой отряд „Калипсо“ проявляет интерес ко всем своеобразным животным полуострова, но „гвоздем“ ежедневного представления, которое дает природа, для Филиппа и его товарищей стали выпрыгивания гладких китов. Как только позволяет погода, зодиакиспускаются на воду. Филипп, стоя на носу своей лодки, исполняет роль наблюдателя. Ему помогает Делькутер, или Джаколетто, или же Марьяно-аргентинец. Если освещение подходящее, Колен Мунье отснимает метры и метры пленки. С ним соревнуется Франсуа Шарле, устроившийся на борту вертолета. Время от времени Ги Жуа, забравшись в надувную лодку, жонглирует там проводами и микрофонами: он записывает „беседы“ морских исполинов. В лагере Джан Кусто — с помощью Боба Маккигана — заботится о том, чтобы вовремя прибывало продовольствие, не было перебоев с кинопленкой, чтобы такая-то запасная деталь, предназначенная

В воде массивные киты кажутся на удивление легкими; так необычно киты выглядят из-за скопления мелких паразитов на коже.

для такого-то неисправного прибора, была доставлена как можно скорее . . .

«Мы выключили моторы, — рассказывает Филипп, — и ждем, пока нас тихонько отнесет ветром к киту. Вот уже больше часа мы наблюдаем, как он пускает фонтаны в нашей бухточке. Теперь до него осталось метров пятнадцать, что примерно равняется его длине . . . Я полагаю, что это самка, но без детеныша. В зеленой воде залива Сан-Хосе китиха кажется мне совсем серой, но, когда она высовывается из воды, чтобы сделать вдох, я вижу, что она почти черная с фиолетовыми отливами, — каприз игры света в океане! Порой волны и движения китихи позволяют мне различить ослепительно белый¹ китовый ус*, сверкающую округлую громадную губу, колонии паразитов*, облепивших кожные наросты, и двойное дыхательное отверстие — *дыхало* — в форме буквы „ф“, похожее на прорези в деке скрипки.

Китиха лежит на поверхности воды, делая пять-шесть вдохов в минуту и выбрасывая в воздух характерный фонтан пара — двойную струю, напоминающую букву „V“, высотой в несколько метров. Огромное обтекаемое темное тело, покрытое серыми и белыми пятнами, внезапно сгибается, и китиха ныряет вертикально вниз, показав в воздухе широкие лопасти хвоста, перед тем как скрыться в глубине. Она остается под водой четыре-пять минут, потом снова всплывает, пуская обильные фонтаны, но уже в сотне метров от наших зодиаков, и опять ныряет.

И тут же на горизонте добрый десяток китов — может быть, они повинуются невидимому сигналу одного из сородичей — начинают выпрыгивать из воды. Откуда они взялись? Не знаю. Мы не видели, как они сюда подплыли. Киты как будто внезапно возникли из ничего среди волн. Какое ни с чем несравнимое зрелище являет собой это стадо морских левиафанов, резвящихся среди морской пены с таким же восторгом, с каким играют дети в школьном дворе!

Один из китов, по-видимому, немолодая самка, поворачивает в нашу сторону и на большой скорости несется к нам; за ней следует вся группа — и вскоре мы оказываемся в окружении исполинских животных . . . Китиха подплывает к зодиакам, тыкается в один из них мордой и начинает потихоньку, очень осторожно подталкивать его головой. Может быть, она приняла лодку за игрушку или за своего младшего сородича? Трудно сказать, тем более, что через минуту она исчезает с поверхности.

А вокруг нас начинаются самые настоящие игры. Ветер усиливается, и некоторые киты плывут, поднимая широкие хвостовые лопасти

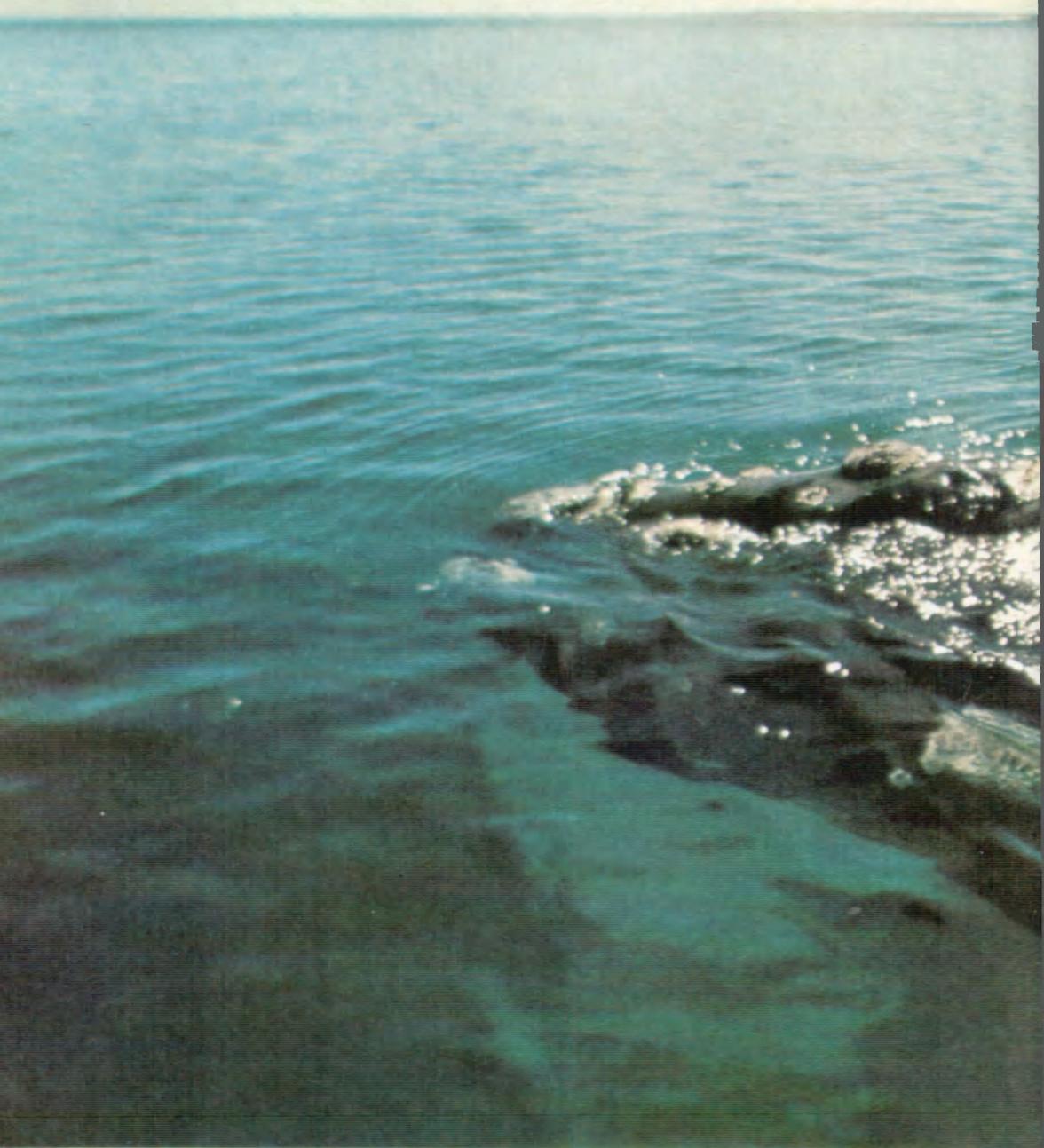
¹ Следует заметить, что роговые пластины белого цвета встречаются довольно редко; как правило, у южных китов они бывают черные или серые. — *Прим. ред.*

над волнами, — такое впечатление, будто в заливе Сан-Хосе проводятся *парусные гонки!* Южные гладкие киты, насколько я знаю, единственные китообразные, которые занимаются этим видом спорта . . .»

Хвостом вверх

«Другие особи, — продолжает Филипп, — предпочитают бесконечные блестящие каскады прыжков. Выпрыгивание (англичане называют такие прыжки словом *breaching*) состоит в следующем. Пробыв несколько секунд под водой, кит на бешеной скорости устремляется к поверхности, метеором прорывает толщу воды, взмывает как можно выше в воздух и потом падает с оглушительным шумом на бок, на живот или на спину, вздымая пену. Иногда кит так разгоняется, что даже отрывается от воды на один-два метра. Существуют разные объяснения выпрыгивания китов. Одни считают, что таким способом кит избавляется от паразитов, от слишком крепко прицепившихся прилипал* или налипших водорослей. Другие же утверждают, что это своеобразный способ проглотить пищу, так как у кита сравнительно узкий пищевод. И так далее. Все это не слишком убедительно. Однако я совершенно уверен, что между скоростью ветра и количеством выпрыгивающих китов (следовало бы сказать „играющих китов“: чем сильнее ветер, тем оживленнее и охотнее они резвятся) существует прямая связь — на этот счет у меня накопилось достаточно наблюдений со времени нашего приезда сюда. Можно предположить, что ветер создает помехи в работе сонара* китов, особенно на мелководье; и, плавая и общаясь друг с другом, им приходится больше полагаться на зрение и чаще прибегать к языку „жестов“ — движениям и позам, чем обычно. Но нередко киты резвятся и без всякого основания . . .

Окружающие нас киты, не занятые парусным спортом или прыжками, со страстью предаются *lobtailing*, что с английского можно перевести как „стояние на голове“. Эта игра выглядит так: кит буквально втыкается в воду вниз головой, так что над волнами торчит только хвост. Некоторое время кит мерно покачивает хвостовыми лопастями, а затем страшным ударом обрушивает их на воду — настоящий пушечный выстрел. Смысл *lobtailing* тоже пока не разгадан. Во всяком случае, эта поза не является ни сигналом опасности, ни угрозой, как считалось раньше. Мелвилл дал поэтическое объяснение такого поведения китов, и, вероятно, он был ближе к истине. Вот что он писал в „Моби Дике“: „Чем больше я думаю о могучем китовом хвосте, тем горше я сетую на свое неумение живописать его. Подчас ему свойственны жесты, которых не постыдилась бы и человеческая рука, хотя значение их остается неразгаданным. В большом стаде эти таинственные жесты бывают порой на-

Солнечные блики играют на широкой черной спине гладкого кита, отдыхающего на поверхности воды. Еще есть китобой, которые осмеливаются вонзять гарпуны в этих великолепных и безобидных животных.

столько очевидны, что китоловы, как я слышал, считают их сродни масонским знакам; они полагают, что таким способом кит вполне сознательно беседует с внешним миром“¹.

¹ Мелвилл Г. Моби Дик, или Белый кит. — М.: Худож. лит., 1967/Пер. с англ. И. Бернштейн. — *Прим. перев.*

Парусные гонки, прыжки и стояние на голове — не единственные игры, которыми киты позволили нам любоваться в заливе. В действительности игр очень много, самых разных видов, а их правила зависят от личного „вдохновения“. Некоторые киты обожают отдаться на волю волн и, лежа на боку, помахивать над водой грудным плавником — „рукой“, как бы надолго прощаясь. Другие устраивают великолепные ката-

ния на волнах. Третьи весело вращаются в воде, или плавают кругами, или мчатся напрямиком друг на друга, чтобы в последний момент благополучно разминуться. Развлечением нет конца.»

Миролюбивые киты

(Отрывки из „Дневника“ Филиппа, середина октября)

«Пока наши зодиаки в очередной раз бесшумно дрейфуют к китам в заливе Сан-Хосе, я вспоминаю всех огромных китообразных, которых мне приходилось гладить своими руками в самой их стихии *на свободе* в море. Закрываю на мгновение глаза и снова мысленно вижу кашалотов Индийского океана, серых китов Калифорнии, горбатых китов Бермудских островов и величественных полосатиков Северной Атлантики и моря Кортеса . . .

Каждый раз я приближался к китам с радостным волнением. Вот и сейчас испытываю те же чувства: тревогу и восторг одновременно, и страх, что безвозвратно исчезнут редчайшие виды, и счастье при мысли о том, что „купаюсь в одной купели“ с одним из крупнейших животных, которые когда-либо населяли нашу планету.

Экспедиция „Аргентина“ сделала одно чудесное, неожиданное открытие — ни разу киты не испугались нашего появления. А им было чего опасаться! Ведь мы — люди, а значит, обладаем, если можно так сказать, тяжелой „противокитовой наследственностью“ . . . И все же они нас не боятся! Даже сейчас, когда мы вплотную подошли к ним, киты продолжают пускать фонтаны, плавать, играть, общаться друг с другом с помощью жестов (и, наверное, *эхолокации*), как будто нас нет рядом.

Со мной в зодиаке Жак Делькутер и Ги Жуа, они молчат, видимо, находясь во власти тех же чувств, что и я.

Когда, приблизившись к стаду китов, справишься с первым впечатлением от „чужовидности“ их размеров, начинаешь поражаться чрезвычайной *терпимости*, проявляемой этими животными как по отношению к другим видам, так и по отношению к своим сородичам. Многие философы до Эммануила Канта и после него пытались сформулировать „Проект вечного мира“; но человечество до сих пор не перестало воевать. А вот общество китов, не имея ни гражданского кодекса, ни договора о нерушимой дружбе, ведет мирную жизнь и, по-моему, может служить образцом *миролюбия*. Даже если в разгар брачного сезона пять-шесть самцов притязают на одну и ту же самку, вам не удастся обнаружить у них ни малейшего проявления враждебности. Не считать же доказательством агрессивности дружелюбные шлепки, чересчур настойчивые ласки или легкие толчки носом, которыми китихи изредка награждают своих непослушных отпрысков! Впрочем, такого рода нака-

занятиям подвергаются только те „малыши“, которые рискуют или застрять на мели, или потеряться в открытом море, где их подстерегают косатки и акулы. В остальном мамыши-китихи проявляют ангельское терпение. По нашим меркам их детям „следовало бы“ то и дело задавать трепку, настолько „несносно“ они себя ведут. Некоторые часами играют с матерью — то скатываются с ее плавников, то снова и снова заплывают ей на спину, иногда закрывая ее дыхало своим хвостом, а то с разгону врезаются ей в бок. Никогда в таких случаях не увидите вы у самки даже едва уловимого жеста раздражения . . .»

Когда нанду идут на водопой

Не всегда гладкие киты являются в залив на место встречи. Иногда по совершенно непонятным для Филиппа и его товарищей причинам их не видно там сутки и больше. Но и тогда передовой отряд „Калипсо“ не сидит без дела. Многоликая и своеобразная фауна Вальдеса дарит удивительные находки.

Однажды утром отряд Филиппа совершал очередную вылазку к впадине, расположенной в глубине полуострова. После изнурительного перехода по камням, песку и колючкам исследователи очутились на вершине небольшого гребня, возвышающегося над пресноводным прудом. И тут перед ними неожиданно открылась необычная картина.

На противоположном берегу пруда они увидели целое стадо южноамериканских страусов, то есть нанду, а точнее *нанду Дарвина (Rhea pennata)*. Одни нанду пили воду, как это делают домашние куры: они погружали клюв в воду, потом высоко поднимали голову, чтобы вода прошла в горло. Другие наблюдали за окрестностями. Стадо состояло примерно из пятнадцати молодых и пяти взрослых особей — мощнейшие ноги, куполообразное туловище, коричневые с белыми концами перья, посаженная на длинную шею маленькая голова. По серебристой поверхности пруда, безразличные к этому зрелищу, плавали взад-вперед патагонские утки с гребешком . . .

Обнаружив у водопоя нанду, все члены отряда как один ложатся в колючую траву и минут десять наблюдают за этими животными. Но стоило нанду открыть присутствие людей, как они тут же помчались прочь, словно метеоры, оставляя за собой след пыли.

На южноамериканском континенте, где поначалу не было плотоядных млекопитающих, эволюционировали многочисленные виды очень крупных птиц, в частности хищник* *Phororhacos* эпохи миоцена. Рост этой птицы превышал 2 м; длина одной только головы, завершавшейся страшным крючкообразным клювом, составляла 60—70 см.

В настоящее время, кроме андского кондора, на материке водится

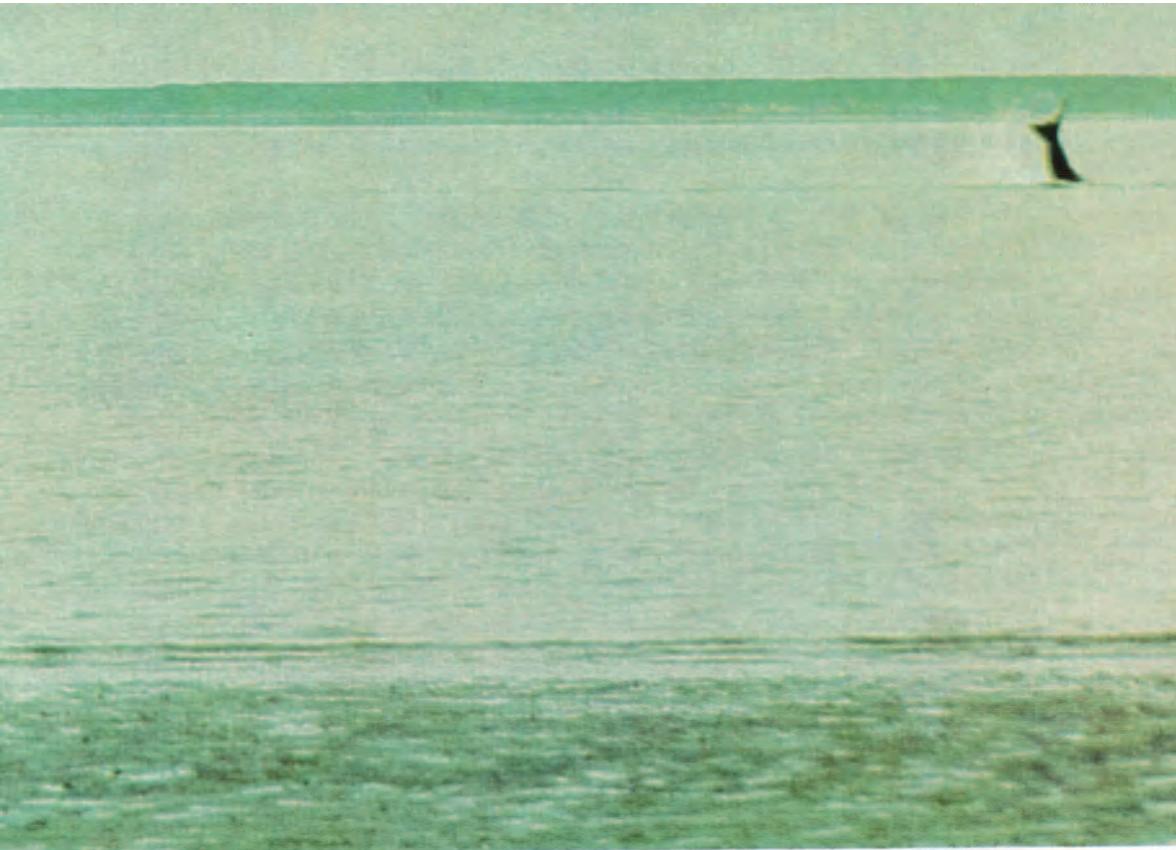
Филипп и Жак Делькутер спускают на воду зодиак. В глубине залива кит демонстрирует позу „стояние на голове“.

всего лишь два вида гигантских птиц — два нанду, *Pterocnemia* и *Rhea*.¹ От своего сородича страуса эти представители надотряда бескилевых* отличаются прежде всего тремя пальцами на ногах (у страуса их два), покрытой перьями шеей и более скромными размерами (рост — 1 м 30 см, вес — 30 кг). Они превосходно приспособлены к жизни в открытых пространствах степей и полукаменистых пустынь. Как все бескилевые, нанду лишены килля* и, следовательно, не способны летать, хотя обладают хорошо развитыми крыльями, зато бегать они могут со скоростью 50 км/ч. И так как нанду обитают на пересеченной местности, хищникам их трудно догнать. У нанду нет рулевых перьев, при поворотах они прибегают к помощи крыльев.

Нанду, как и другие аборигены этого края — гуанако, образуют гаремы. Самцу-вожаку подчиняется от трех до десяти самок. В брачный

¹ По представлению большинства современных орнитологов, два вида нанду объединяются в один род *Rhea*: *Rhea (Pterocnemia) pennata* — нанду Дарвина и *Rhea americana* — северный нанду. — Прим. ред.

Мама-китиха разговаривает с китенком с помощью языка телодвижений и эхолокационных сигналов.

период самки откладывают в одно общее гнездо от 20 до 50 желтых (*Pteroglossinia*) или зеленых (*Rhea*) яиц размером 13 на 9 см и весом 600 г. Самец сам в течение 35—40 дней высидывает яйца. С момента, когда птенцы вылупятся, и до тех пор, пока не встанут на ноги, о них заботится тоже папаша. Дам этот вопрос больше не волнует . . . Подобная „инверсия полов“, как — задолго до современного подъема движения феминизма — ее называли натуралисты, удел и других бескилевых, в частности обитающих в Австралии эму.

Как и на гуанако, на нанду издавна охотились индейцы техуэльче — ради мяса, перьев и яиц. Из убитых птиц охотники очень осторожно извлекали желудок и готовили из него магический отвар, который слыл лучшим средством от болей в животе. Однако индейцы убивали на охоте ограниченное число птиц, так что между количеством погибших нанду и их ежегодным приростом существовало равновесие. Появление европейцев нарушило этот хрупкий баланс. На нанду стали охотиться ради перьев и просто „искусства“ ради (!) — с помощью, например, боласов, — и они постепенно исчезли. Хотя еще Дарвин в своем путевом дневнике¹ отмечал, что в Патагонии повсюду встречаются крупные стада нанду.

Сегодня же, если вам не так повезет, как повезло отряду Филиппа, вы не увидите даже просто большого семейства нанду на водопое.

Гнев пересмешника

Нет смысла долго распространяться о каждодневных тяготах лагерной жизни — о дежурствах на кухне, мытье посуды, доставке воды и т. д. Любителям отдыхать в палатке „дикарем“ они хорошо знакомы. Но суровое величие природы Патагонии, ее хозяева-животные быстро заставляют вас забыть про все эти скучные обязанности.

Вид окрестных дюн и серых камней на сером фоне штормового неба, когда море, внезапно придя в ярость, вздымает в бескрайнем просторе зеленые волны с серебристыми гребешками пены, переполняет душу восторгом. Вы наслаждаетесь симфонией охристых, золотистых, кирпично-красных и жемчужно-серых красок, что дарит глазу земля, залитая солнцем, на фоне чистой синевы Атлантики.

Если Филипп и его команда не идут к зверям Вальдеса, то звери Вальдеса идут к ним. *Патагонский пересмешник (Mimus patagonicus)*, дальний родич европейского жаворонка, проявляет удивительную непринужденность в общении. Семья этих птиц гнездится в низком кустарнике совсем рядом с палатками. И самец, и самка не боятся красть еду

¹ См. „Приложения“.

прямо со стола, когда отряд обедает . . . Однажды Франсуа Шарле собрался снять мадам, высиживающую яйца в жилище из веточек и травинок. Вне себя от ярости, разгневанный супруг — комочек серых и бежевых перьев с черной полоской у глаз и черным хвостом с белой каемкой — с писком спикировал на плечо фотографа и обрушился на него всей своей 20-граммовой мощью . . .

Передовой отряд „Калипсо“ постепенно начинает понимать, что живет среди птиц, которые поначалу ничем не обнаруживали своего присутствия. Однажды мимо лагеря пролетает *рыжеголовый зук*; у него длинный и тонкий клюв и покрытая коричневыми и черными крапинками спинка (эта защитная окраска* помогает ему маскироваться на каменистых россыпях). На следующий день появляется *американская хохлатая мухоловка*. Эту неутомимую пожирательницу мух проще услышать, чем увидеть, — она заливается песнями, спрятавшись в зарослях. В колючих кустах вьет себе неприступные гнезда *атагонский корзижник*. Попадаетея им на глаза и *южный чибис*, или *теру-теро* (*Vanellus cauapus*), — в отличие от большинства других птиц он имеет на крыльях ярко-красные загнутые коготки, которыми, как шпорами, безжалостно пользуется в схватках. Самая быстрая хищная птица Вальдеса — *красноспинный сокол*, он питается ящерицами и мелкими млекопитающими.

Но самая удивительная птица этих мест — *тинаму с гребешком*, которая благодаря своему мраморному кремово-черному оперению совершенно незаметна для хищников. Эта небольшая птица (длиной сантиметров 40) — вероятно, дальний родич нанду. Самка тинаму откладывает под каким-нибудь кустом пять — семь зеленых яиц — по цвету они напоминают самые ценные породы нефрита, а скорлупа их словно покрыта слоем блестящего лака. Самец сам высиживает яйца. Все тинаму обитают в Центральной или Южной Америке. Летают они плохо, хотя киль у них есть. Неспособность летать объясняют небольшими относительно величины птицы размерами сердца.¹ В лагере не проходит и дня без какой-нибудь новой зоологической или ботанической находки. Конечно, прежде всего аквалангистов „Калипсо“ интересуют морские представители животного мира. Тем не менее никто не упускает случая познакомиться поближе с животными, отдавшими предпочтение суше. Полуостров Вальдес представляет собой биотоп, пограничный между океаном и материком; с экологической точки зрения, было бы ошибкой пренебречь специальным изучением тех форм, которые распространены в этой „переходной“ зоне. Этим-то и занимаются члены отряда в свободные минуты или в тех случаях, когда плохая погода не позволяет выйти на зодиаках в залив.

¹ Скорее дело обстоит наоборот: у тинаму потому маленькое сердце, что они практически не летают — только в случае крайней опасности. Все же остальное время они проводят на земле, где добывают корм, строят гнезда, укрываются от врагов. — *Прим. ред.*

Наш знакомый броненосец каждую ночь приходит „обследовать“ помойку. Броненосцы, тело которых защищено толстым панцирем, за несколько секунд могут зарыться в землю. На снимке — *Dasypus septemcinctus*.

Пришел час, когда нанду идут на водопой к пруду . . . На снимке — американский нанду, а не нанду Дарвина; эти виды очень похожи.

Время от времени киты высовывают голову из воды и осматривают все вокруг — это поза „разведки“.

Однажды утром Колен Мунье наткнулся (в переносном смысле, к счастью для него) на множество странных коричневых кактусов с длинными иглами, немного напоминающих „растения-камни“ мексиканских пустынь. В другой раз Боб Маккиган, выпрыгивая из вертолета, чуть не раздавил великолепную ящерицу, которая, как ни странно, не испугалась звука винтов и не убежала. Или, например, возвращается Жак Делькутер и утверждает, что видел лису; наводим справки — если он и вправду видел лису, то речь может идти о *серой патагонской лисице*, главном хищнике Вальдеса. У этого обитающего на краю света зверя изящная голова, густая шерсть (скорее рыжая, чем серая) и пушистый хвост. Лиса любит полакомиться пресмыкающимися, птицами и мелкими млекопитающими, но как и ее европейские и североамериканские родичи, обычно довольствуется насекомыми и дикими ягодами.¹

Кролики в мини-юбках

Однажды вечером члены отряда „Калипсо“ увидели под кустом небольшого зверька и долго наблюдали за ним при тусклом свете ламп. Серое, с рыжеватым отливом животное поначалу приняли за крысу. На самом же деле это был *карликовый мышевидный опоссум* (род *Mattonia*). Опоссумы — сумчатые млекопитающие, то есть родичи кенгуру и коала. Их тысячами истребляли ради ценного меха, и теперь они стали редкостью.

Самки опоссумов через несколько дней после оплодотворения производят на свет малыша, который больше похож на зародыш. Чтобы выжить и продолжить свое развитие, зародыш должен самостоятельно вскарабкаться от влагалища к материнским соскам. Малыш лишен даже уютной и надежной выводковой сумки, какой пользуется детеныш кенгуру. Чтобы не потеряться — а для него это равносильно смерти — маленький опоссум вынужден цепляться за материнскую шерсть. Детеныш обвивает своим хвостом хвост самки, чтобы, цепляясь за мать, лучше сохранять равновесие — и в этом, как считали раньше, и состоит основное предназначение хвоста; но это ошибочное мнение. Хвост опоссумов выполняет две, совершенно отличные от указанной функции: во-первых, он очень цепкий, поэтому помогает хозяину передвигаться среди ветвей; во-вторых, в благоприятный период на хвосте откладываются запасы жира, которые опоссум сможет израсходовать в голодное время.

Фауну Южной Америки отличает разнообразная специфическая популяция грызунов*. Здесь встречаются (или встречались, так как некото-

¹ Что касается европейских и североамериканских видов лисиц, то в их питании главное место занимают мышевидные грызуны. — *Прим. ред.*

рые виды были почти полностью истреблены охотниками на пушного зверя) шиншилла и вискача (горные районы Анд), нутрия и водосвинка-капибара (болотистые местности), морская свинка-кавия и агути (леса), пака и мара (степи и полупустыни).

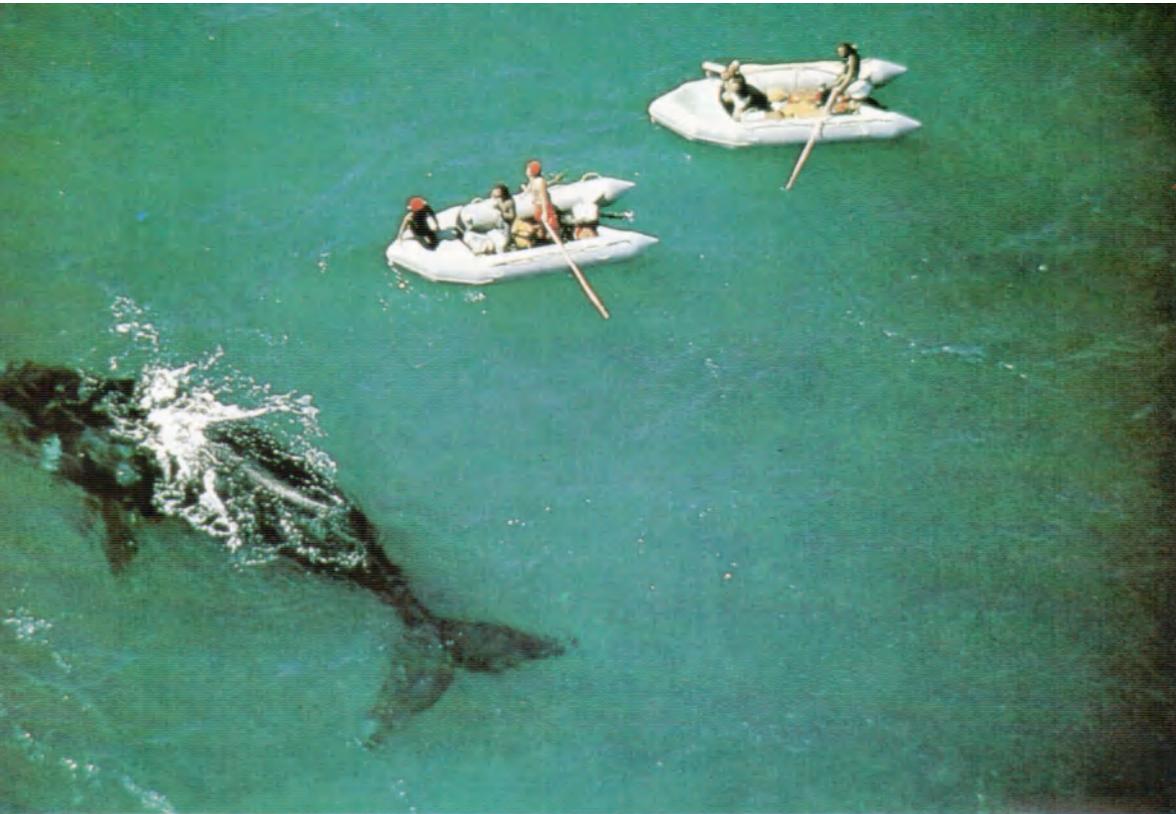
Было бы странно, если бы аквалангисты „Калипсо“, превратившиеся ради интересов дела и в исследователей суши, не нашли хотя бы одного представителя этого отряда. Отправившись в поход на поиски еще одного стада нанду, Филипп и его товарищи знакомятся с марами.

Этих животных называют еще *патагонскими кроликами*, или *зайцами пампасов* (род *Dolichotis*), но в действительности они не имеют ничего общего ни с зайцами, ни с кроликами. Просто в результате приспособления к условиям пустынной равнины у мар развилась сходная с зайцами морфология. Обитая на равнине, они были вынуждены научиться быстро бегать — и в результате их задние конечности (согласно обычным законам эволюции) стали длинными и мускулистыми, а объемистые когти стали больше похожи на копыта, чем на когти. И, как и у зайцев и кроликов, у них появились длинные уши. Мары достигают 60 см в длину. Волосистой покров у них серовато-рыжий, и только задние ноги черно-белого цвета, причем шерсть на ногах растет таким образом, что кажется, будто мара одета в мини-юбку, — и это делает зверька очень забавным. Мары живут группами и ведут дневной образ жизни, что позволяет тем, кто занимается их изучением, без особого труда наблюдать их повадки. Порой они попадаются вам на глаза прямо в полдень — сидят себе на задних лапах, как собаки. (Это их любимая поза, самки даже кормят детенышей в таком положении.) Убегая, мары петляют, как зайцы, делая прыжки в разные стороны, чтобы как следует запутать возможного преследователя.

В период размножения мары роют норы, но как только рождаются малыши, взрослые перестают пользоваться семейным жилищем; в час кормления мать подходит к норе и зовет своих отпрысков. Когда мать прекращает кормить их молоком, молодые мары, как и их родители, начинают питаться исключительно растительной пищей. Марам не надо пить — им хватает влаги, содержащейся в травах и корнях.

Посетитель в доспехах

Членов отряда „Калипсо“ поражает резкий контраст между почти полным безлюдьем этих мест сегодня и обилием попадающихся им следов, оставленных жившими здесь когда-то племенами. Местами землю устилает буквально целый ковер из наконечников стрел, скребков, ножей, осколков глиняной посуды, орудий и всякого рода обломков. Может быть, во времена техуэльче местная фауна была богаче? В изобилии

Чтобы не напугать китов, Филипп и его товарищи выключили моторы зодиаков и легли в дрейф.

Исполняя ритуал брачной церемонии, два морских исполина обнимают друг друга плавниками. Рядом с ними третий участник любовных игр.

Киты удивительно спокойные и миролюбивые животные: плывая среди них, аквалангисты „Калипсо“ ни разу не почувствовали ни малейших признаков опасности.

водились пернатая дичь и крупные звери? Не исключено, но скорее всего индейцы больше рассчитывали на дары моря, чем на дары суши. В пищу употреблялись и моллюски*, и иглокожие*, и пернатые, и морские млекопитающие, населяющие воды Атлантики.

С одним из таких вероятных объектов охоты индейцев техуэльче — *броненосцем* — Филипп и его товарищи встречались каждый день, начиная приблизительно с середины октября, и относились к нему, в отличие от индейцев, с большой симпатией.

Однажды посреди ночи Франсуа Шарле и Ги Жуа внезапно просыпаются от необычного шума, который доносится как будто с помойки, устроенной рядом с лагерной палаткой-кухней. Они осторожно встанут и видят, что какой-то смешной зверек, что-то вроде черепахи с головой ежа и волосатым панцирем, увлеченно роется в кухонных отбросах. Они едва успевают понять, что это броненосец: тяжеловесный и неуклюжий на вид зверек с ошеломительной быстротой бросается в заросли и скрывается там.

Но нора броненосца вырыта метрах в десяти от лагеря, и поэтому он не в силах долго сопротивляться пленительному запаху помойки. На следующую же ночь он опять приходит угоститься кухонными отходами. Потом, набравшись храбрости, осмеливается покидать свой кров даже днем. В конце концов наш броненосец настолько привыкает к аквалангистам, что уже не обращает на них никакого внимания и, если нужно, спокойно пробирается у них под ногами к своему „столу“, чтобы приступить к трапезе!

В своем панцире броненосец чувствует себя отлично защищенным. Как и его предок *глиптодонт*, броненосец принадлежит к отряду непонзубых, семейству броненосцев*. Характерный панцирь, из-за которого испанцы прозвали броненосца *армадиллом* (*armadillo*, что в переводе с испанского означает „маленькие доспехи“), состоит из ряда ороговевших костных пластин. Эти пластины образовались из глубокого слоя кожи (дермы). Они составляют три пояса — пояс головы, пояс плеч и пояс таза. Пояс плеч и пояс таза связаны многочисленными перемычками из спинных пластин (их число разнится в зависимости от вида). Щитки панциря соединены между собой поросшими грубыми волосками участками кожи — они-то и делают панцирь подвижным. Если броненосец чем-то обеспокоен, он сворачивается в шар, и тогда ему не страшны никакие хищники на свете.

Броненосцы — всего насчитывается 21 вид этих животных — обитают в Центральной и Южной Америке (только граница распространения девятипоясного броненосца проходит севернее — у самого Техаса). Некоторые виды бывают размером с поросенка (гигантский амазонский броненосец) — это настоящие тяжеловесы, большинство же видов — не более крысы или кролика. Конечности этих зверьков заканчиваются

мощными когтями. Броненосцы с поразительной скоростью роют норы, помогая себе мордой. Известны случаи, когда они закапывались в землю за две минуты, причем грунт был такой твердый, что человек не обошелся бы тут без кирки. Зарывшегося броненосца невозможно извлечь из земли: инстинкт самозащиты заставляет его растопыривать пластины панциря, и чем настойчивее его тащишь, тем глубже он зарывается в землю . . .

Броненосцы в основном насекомоядные животные. Кстати, они обладают поразительной способностью отыскивать личинок, спрятавшихся под 20 — 30-сантиметровым слоем почвы. Установив, где скрывается добыча, броненосец роет в этом месте коническую воронку и с помощью длинного липкого языка достает насекомое. Однако броненосцы не ограничиваются одними лишь насекомыми: их устраивают все беспозвоночные, при случае не откажутся они и от ящериц, змей, птиц и детенышей мелких млекопитающих. Любят они и мясистые фрукты, а многие не брезгуют и падалью.

Очевидно, ничего не имел против падали и наш приятель, который изо дня в день осчастлививляет своим посещением лагерь у пересохшего арройо. Наш броненосец относится к одному из видов *Zaedus* (*Zaedus* = *Dasypus minutus*), который хорошо известен Марьяно-аргентинцу, как и всем его соотечественникам, под обиходным названием „пичи“. Так и окрестили в лагере нашего гостя — *Пичи*, и хотя вид у Пичи угрюмый и непривлекательный, аквалангисты питают к нему больше симпатии, чем можно было бы ожидать.

фонтан на горизонте!

ДЕЛЬФИНЫ-ВЕСЕЛЬЧАКИ
 ДОКТОР АГУАЙО, СТОЛЬ ЖЕ СВЕДУЩИЙ, СКОЛЬ И ДОРОДНЫЙ
 ПЯТЬ ЛЕТ НА ВАЛЬДЕСЕ — ВСЕМИРНАЯ ПОПУЛЯЦИЯ:
 1500 ОСОБЕЙ
 ГИГАНТСКИЙ БАШМАК — ЧЕПЧИК

„Всем привет, я привез почту! И две коробки для спутника.“

Эти исторические слова я произношу, спрыгивая с вертолета на палубу „Калипсо“ . . . Я прибыл из Франции через Буэнос-Айрес, куда за мной прилетел Боб Маккиган. Я нагнал по воздуху нашу милую старушку „Калипсо“, покинувшую берега Франции намного раньше, чем я. И хотя мое приветствие не блещет наполеоновской отточенностью слога, я тем не менее испытываю в эти минуты все удовольствия сразу.

Прежде всего, удовольствие — доставлять удовольствие. В экспедиции и для экипажа судна, и для аквалангистов время тянется томительно долго. Уже на следующий день после отплытия почту принимают как некий дар небес. Каждый лихорадочно, но стараясь при этом казаться равнодушным хватает свой конверт и, вскрыв его, уходит в себя. На мгновение он снова с женой, детьми, родителями, друзьями, оставшимися на другом конце света. На „Калипсо“ работают только люди крепкой закалки. Но в такие минуты и на их лицах радость разглаживает морщины, которыми избородил их океан.

Затем — удовольствия „технического“ порядка. Во-первых, я сам

Филипп прыгнул из зодиака как раз над головой кита; некоторое время он пытается угнаться за исполином вплавь.

На развороте: Мощные фонтаны китов всегда поражали воображение людей; в прошлом считалось, что кит может поднять на своем фонтане шлюпку с китобоями.

убедился в том, какое прекрасное приобретение — наш вертолет. Машина, которую Филипп столько лет видел в мечтах, покорила меня плавностью хода и простотой управления. Другая причина радости — мы подписали договор о научном сотрудничестве с НАСА*. Американское Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства в обмен на наши услуги предоставило нам оборудование, которое позволит прямо на борту „Калипсо“ получать изображения как в видимых, так и в инфракрасных лучах с пролетающих над нами спутников. На фотографиях будут видны облачные системы, и это поможет нам узнавать о зарождении циклонов и их вероятных траекториях. Таким образом, мы будем предсказывать погоду . . . может быть! Это оборудование будет оказывать нам ценную помощь не только в течение всей южноамериканской компании, но и позже, когда мы отправимся в Антарктику. Те „коробки для спутника“, что я привез с собой, — просто-напросто картонные ящики со специальной пленкой. Благодаря этой пленке очень четкие „карты погоды“ через посредство сложной аппаратуры будут *буквально* падать нам с неба.

Однако самое большое счастье для меня — то, что начинается еще одна экспедиция. После долгих месяцев административной работы в Монако, Париже, Нью-Йорке и Лос-Анджелесе ничто не может доставить мне большую радость, чем встреча с „Калипсо“, идущей в те моря, где мы прежде не бывали . . . Я следил издали за открытиями отряда Филиппа и брежу гуанако, нанду, марами и броненосцами. Но больше всего я мечтаю о китах — мои товарищи уже видели их, подходили к ним вплотную, подружались с ними. А теперь нам предстоит изучать их поведение более подробно, используя для этой цели всю техническую и научную аппаратуру, которой вооружено наше океанографическое судно. Птицы Южной Америки, пингвины, морские котики, морские львы, морские слоны, дельфины и, конечно, гладкие киты! Мне не терпится познакомиться с вами, посмотреть на ваши игры, изучить ваши повадки — одним словом, мне не терпится увидеть, как вы живете на свободе, в своей стихии.

Дельфины-весельчаки

Начало ноября. Вот уже месяц Филипп и его товарищи находятся на Вальдесе. „Калипсо“ — на пути к полуострову.

Оставляя позади бурные топкие просторы Ла-Платы, корабль взял курс на юг; капитан Бугаран ведет его по Атлантическому океану тем же путем, каким впервые в 1519 году отважился пройти Магеллан. Вот форштевень нашего судна рассекает воды *моря Мрака*, названного так спутниками великого португальского мореплавателя, которые боялись,

В лагере у пересохшего арройо мы по примеру гаучо соорудили ограду из густого кустарника, чтобы защититься от свирепого ветра Вальдеса.

что из пучин этих вод поднимутся гигантские змеи и проглотят людей вместе с их кораблями.

Я спускаюсь с вертолета на палубу „Калипсо“, как раз когда судно подходит к 42-й параллели южной широты. Теперь, чтобы попасть в залив Сан-Матиас, соединяющийся с заливом Сан-Хосе, мы должны взять курс на запад. Несколько недель назад гладкие киты, завершив большой летний круиз, во время которого они побывали, в частности, на субантарктических планктонных* пастбищах, приплыли в укромные воды залива Сан-Хосе наслаждаться любовными играми.

Мы следуем путем Магеллана. И я с иронией думаю о том, что киты знакомы с этим побережьем целую вечность, а португальские моряки опасались, как бы в этих подозрительных краях их судно не опрокинулось вдруг на ту сторону мира: каких-то 450 лет назад еще мало кто верил, что Земля круглая.

Погода стоит ясная, и на фоне лазурных вод залива Сан-Матиас мы замечаем узкий проход, за которым открываются просторы залива Сан-Хосе. Почти весь экипаж „Калипсо“ поднялся на палубу. Каждый, по примеру старинных китобоев, хочет первым крикнуть знаменитое „Фонтан на горизонте!“ Но если гарпунщики ждали этого крика, чтобы сеять смерть, мы — только, чтобы любоваться жизнью. Мы — *мирные* посланники человеческого рода в царство вод. Времена Магеллана и первооткрывателей, времена охотников на тюленей и китов остались по-

зади, и мы надеемся, что теперь наступила новая эпоха исследований — эпоха науки и дружеских отношений с обитателями суши и моря.

Входя в залив Сан-Матиас, проплываем на небольшом расстоянии от двух стай дельфинов разных видов — обыкновенных дельфинов (*Delphinus delphis*) — с черной спиной, светлым брюхом и узким рострумом и бутылконосых дельфинов, или афалин (*Tursiops truncatus*), — с серой окраской тела и характерным бутылковидным клювом (такое впечатление, будто бутылконосые дельфины постоянно улыбаются). Афалины содержатся в океанариумах всего мира.

Как раз в ту минуту, когда мы входим в воды залива Сан-Хосе, появляются дельфины еще одного вида и, словно нарочно, чтобы поприветствовать нас, устраивают великолепный акробатический спектакль. К нашему великому удовольствию, они и прыгают назад через спину, и кувыркаются, и делают сальто над волнами. Темный дельфин (по-английски *dusky dolphin*, на языке науки *Lagenorhynchus obscurus*) — настоящий весельчак, так что в этом названии отражен вовсе не его нрав, а всего-навсего окраска¹. Благодаря своим исключительным способностям к вольным упражнениям темный дельфин считается в океанариуме лучшим артистом — после бутылконосого дельфина. Сейчас, кроме тех акробатических упражнений, которые я уже назвал, он развлекает нас резкими разворотами, разгоном — торможением, самыми разными пируэтами в воздухе и в воде и катанием на носовой волне „Калипсо“.

Доктор Агуайо, столь же сведущий, сколь и дородный

Темные дельфины держатся группами, численность которых сильно колеблется — от 5 до 200 особей, и охотятся они тоже коллективно. Дельфины окружают косяки рыбы, постепенно тесня свою добычу из глубины к поверхности, где и приступают к трапезе (даровой добычей спешат воспользоваться чайки, поморники, крачки и множество других морских птиц).

Внешние отличительные признаки вида — очень темная спина и серовато-желтые или чисто-серые бока. Голова похожа не на бутылку, как у афалины (то есть у бутылконосого дельфина), а на плужный лемех, почему дельфинов рода *Lagenorhynchus* (короткоголовые дельфины) прозвали по-английски *plow-share-headed dolphin*².

¹ Здесь игра слов: *sombre* в переводе с французского (так же как *dusky* в переводе с английского) означает „темный, сумеречный; угрюмый“. — *Прим. перев.*

² Буквальный перевод с английского означает „дельфин с головой, подобной плужному лемеху“. — *Прим. перев.*

Все эти подробности я узнал здесь же, на палубе „Калипсо“, от человека, олицетворяющего саму скромность, но тем не менее „авторитета“ в зоологии — доктора Агуайо. Доктор Агуайо, специалист по морским млекопитающим (маммолог-океанограф), значительную часть круиза по Южной Америке будет нашим наставником. Этот округлый, как шар, жизнерадостный человек весь проникнут любовью к людям и зверям. Несмотря на свою дородность, он не побоится влезать в узкое горлышко нашего ныряющего блюдца. И всякий раз нам будет казаться, что выбирается он оттуда с таким же звуком, с каким вылетает пробка от шампанского: „Хлоп!“ Так как время доктора Агуайо, в отличие от нашего, ограничено и его ждут другие обязательства, позже его сменит французский коллега доктор Дюги.

«В Южной Атлантике, где мы сейчас находимся, — продолжает доктор Агуайо, — обитает, кроме видов, распространенных во всех океанах, большое число эндемических* форм мелких зубатых* китообразных. В самых южных водах Патагонии и в Магеллановом проливе обитает южный дельфин (*L. australis*), близкий родственник темного дельфина (*Lagenorhynchus obscurus*); я думаю, на подходе к Огненной Земле „Калипсо“ встретится с ним.

В Ла-Плате обитает лаплатский дельфин (*Pontoporia blainvillei*), однако по мере загрязнения большого эстуария этот вид встречается, увы, все реже и реже; пока его еще можно увидеть у берегов Уругвая. Очковые морские свиньи (*Phocaena dioptrica*), насколько известно, более многочисленны, границы их ареала лежат между водами южной Бразилии и Огненной Земли; своим названием очковые морские свиньи обязаны темной пигментации вокруг глаз. Есть и другие виды, пока еще плохо изученные из-за скрытного образа жизни, — например, такие, как пестрый дельфин (*Cephalorhynchus commersoni*) или дельфин Хэвисайда (*Cephalorhynchus heavisidei*).»

Не успел доктор Агуайо договорить последнее слово, как раздались дружные крики: „Фонтан на горизонте! Фонтан!“

Кто же заметил его первым? Наверное, я этого так никогда и не узнаю: десятки голосов слились тогда в один согласный хор. Но как бы там ни было, перед нами гладкий кит, он плывет всего в нескольких метрах от корабля. Его голова то показывается на поверхности — и тогда к небу взлетает величественный двойной фонтан, то снова исчезает в волнах.

Специалисты долго спорили о природе фонтанов у китов, однако, вопрос этот не решен и до сих пор. Первое объяснение было, разумеется, таким: это вода, которая выталкивается языком изо рта через дыхательные отверстия; однако подобная гипотеза не выдерживает критики, так как известно, что анатомически между ртом и носом кита не существует

Стая дельфинов катается на носовой волне „Калипсо“; это излюбленная игра дельфинов-весельчаков.

Это темные дельфины. Их можно узнать по серым бокам и характерному носу, из-за которого дельфинов этого вида окрестили „плужным лемехом“.

Южный кит отдыхает в вечерней тишине. Хотя южные киты находятся под охраной, браконьеры до сих пор убивают этих редких и великолепных животных.

никакой связи ¹. Позже появилось другое объяснение: китовый фонтан — это влажный конденсированный воздух, и потому он становится заметным на холоде; но облачко, о котором идет речь, наблюдают как у полюсов, так и в тропиках. В конце XIX века наиболее широкое распространение получила гипотеза, утверждавшая, что это облачко представляет собой густую аэрозольную смесь воздуха и мельчайших капелек влаги. Спустя какое-то время появилась новая гипотеза — о „расширении“ газов, которые перед этим сжимаются в легких во время погружения.

Возможно, истина кроется в сочетании двух последних гипотез: по-

¹ У зубатых китообразных такой связи действительно нет. Однако у усатых китов, в частности у южного кита, дыхательная система не отделена полностью от пищеварительного тракта. — *Прим. ред.*

видимому, фонтан кита обязан своим происхождением как расширению воздуха, углекислого газа и паров воды, находившихся в легких, так и аэрозолю из микроскопических маслянистообразных капелек, образующихся в дыхательной системе кита.

Долго еще мы наблюдаем с палубы „Калипсо“, как резвится первый приветствовавший нас в этих водах южный кит. Но вот он скрывается на горизонте. А мы продолжаем свой путь, осторожно лавируя между песчаными отмелями, и наконец наш корабль бросает якорь почти напротив бухты, в глубине которой расположился лагерь отряда Филиппа.

Пять лет на Вальдесе

Я покидаю борт „Калипсо“ и через несколько минут приземляюсь на вертолете в лагере у пересохшего арройо, где меня ждет не только радостная встреча с Филиппом, его женой Джан, Жаком Делькутером, Ги Жуа и другими членами отряда, но и знакомство с гостем высокого ранга — широко известным ученым доктором Роджером Пэйном.

Этот симпатичный американец, хотя и выглядит бродягой, — настоящий кладезь науки, выдающийся цетолог*. Несколько лет доктор Пэйн изучал поведение „поюших“ китов (горбчатых китов, или горбачей) в Северной Атлантике, он записал на пленку их грустные величественные песни, а затем приехал на полуостров Вальдес, чтобы заняться наблюдениями за гладкими китами. Ко времени нашего прибытия доктор Пэйн, его жена Кэти и их четверо детей провели на полуострове уже пять сезонов. Сначала доктор жил в палатке, потом в лачуге из досок и толя, которая составила бы гордость любого бидонвиля, не будь она построена с таким размахом. Сейчас доктор Пэйн обосновался более комфортабельно — он живет в бетонном домике и даже имеет в своем распоряжении небольшой самолет, поскольку его исследованиям покровительствуют два научных общества — *Нью-Йоркское зоологическое общество* и *Национальное географическое общество США*. Но, по-моему, он вообще не очень заботится о комфорте. Вся его жизнь, как и жизнь его семьи, отдана океану и обитающим в нем животным. Доктор Пэйн знает каждого кита в заливе Сан-Хосе и каждому из них дал имя. К китам он подплывает в легкой байдарке: малейший толчок носом или взмах хвостом — и байдарка разлетится в щепки, но такого несчастья с доктором никогда не случалось.

Наши исследования морских животных на полуострове Вальдес начинаются как нельзя лучше. Киты уже прибыли на место встречи, а многочисленные дельфины, как бы составляющие их свадебный эскорт, дали в-нашу честь акробатическое представление. С такими экспертами, как доктор Пэйн и доктор Агуайо, с такой техникой и аппаратурой и с та-

ким опытом подводных погружений будет непростительно потерпеть неудачу!

Вечером в лагере у пересохшего арройо появляются члены команды „Калипсо“: Альбер Фалько, Раймон Коль, Франсуа Дорадо, Доминик Сюмьян, Кристиан Бонниси . . . Я надеюсь, что, приступив к работе со свежими силами, они помогут нам успешно завершить исследования, начатые отрядом Филиппа. Садимся обедать. Затем собираемся у лагерного костра, в котором потрескивает огонь, под полной луной, освещающей этот край света, и я прошу доктора Пэйна рассказать подробнее о том, как он отличает китов друг от друга. Не сомневаюсь, что сидящий напротив него доктор Агуайо непременно вставит свое слово.

„Как я узнаю китов? Нет ничего проще, надо только быть внимательным, — говорит доктор Роджер Пэйн. — Еще недавно крестьяне в деревнях без труда различали всех коров и давали им имена. Так вот, я утверждаю, что отличить одного гладкого кита от другого проще, чем двух молочных коров одной породы . . .“

Но прежде чем вернуться к этому вопросу, разрешите мне определить место гладких китов Вальдеса — южных китов — среди других китообразных.“

Всемирная популяция: 1500 особей

«В подотряде усатых*, или беззубых, китов, — продолжает доктор Пэйн, — три семейства. К семейству *полосатиковых* относятся голубой кит, малый полосатик, сейвал (или полосатик Рудольфа), полосатик Брайда, финвал и горбатый кит. Семейство *серых китов* состоит из единственного вида — серого кита. А к интересующему нас семейству *гладких китов* относят всех так называемых настоящих китов — так их называли китобой из-за спокойного нрава и легкости промысла, а также потому, что убитые гладкие киты держатся на плаву в отличие от полосатиковых, камнем идущих на дно.

В семействе гладких китов три рода, то есть столько же, сколько в подотряде усатых китов семейств. *Карликовый кит* (*Caperea marginata*) известен нам только по нескольким экземплярам, выбросившимся на берега Австралии, Новой Зеландии и Южной Африки; этот средних размеров кит (длина — 6 м, вес — 5 т) отличается от других видов прежде всего довольно неглубоким разрезом рта и наличием небольшого спинного плавника.

Гренландский кит (*Balaena* или *Eubalaena¹ mysticetus*) — самый крупный в этой компании: длина тела 15—20 м, вес до 100 т; его же на-

¹ Разные авторы называют его по-разному — *Balaena* или *Eubalaena*.

У гладких китов фонтан двойной, в форме буквы V.

зывают и обыкновенным настоящим китом (*common right whale*) или „голова дугой“ (*bow-head*); норвежцы окрестили его *nordwhal*, голландцы *wallfish*, немцы *whalfish*, японцы *ко-кудзира*, а эскимосы *арбек*.

Осталось упомянуть южного кита (*Balaena* или *Eubalaena glacialis*). Именно он приходит в сезон размножения к полуострову Вальдес; он-то, а вернее, подвид этого вида — австралийский южный кит, ежегодно посещающий заливы Сан-Хосе и Гольфо-Нуэво, нас и интересует.

Южные киты делятся на три подвида, точно так же как семейство гладких китов делится на три вида, а подотряд усатых китов — на три семейства. В Северной Атлантике обитает *Balaena glacialis glacialis*; его еще называют китом басков, бискайским китом, сардинским китом, или китом сардов (по-английски *black right whale*, по-голландски и по-немецки *nordkapper*, по-норвежски *hauswhal*, по-исландски *sletbag* или *sletback*); в античную эпоху этот кит был описан Плинием Старшим (натуралистом)¹, а в эпоху Возрождения — Конрадом Геснером², Пьером Бе-

¹ Плиний Старший, Гай Секунд (23—79) — видный римский ученый и писатель. Ему принадлежит ряд работ по естествознанию, истории, военному делу, филологии. Из них сохранилась „Естественная история“, являющаяся, по существу, сводом знаний того времени. — *Прим. перев.*

² Геснер, Конрад (1516—1565) — швейцарский естествоиспытатель, филолог. Автор „Истории животных“ — первой зоологической энциклопедии того времени. — *Прим. перев.*

Долгое время считалось, что фонтан состоит из воды; сейчас уже установлено, что это не так.

Когда кит поднимается на поверхность, воздух, находившийся в его легких (он представляет собой смесь паров воды и мельчайших маслянистообразных капелек), начинает стремительно расширяться — так возникает знаменитый фонтан кита.

лоном¹ и Гийомом Ронделе². В северной части Тихого океана водится японский южный кит — *Balaena glacialis japonica*; этот подвид стал в Японии персонажем великолепных гравюр и целой серии литературных произведений. И наконец, последним был описан подвид, обитающий в южных морях, — *Balaena glacialis australis* (австралийский южный кит). Это как раз те самые киты, к которым уже столько раз подходил в заливе Филипп и чьи фонтаны вы сегодня видели рядом с „Калипсо“.

Бискайский кит был первым из крупных китов, на которого решились охотиться. Спокойный, довольно ленивый, медлительный, доверчивый и любопытный — бискайский кит еще с IX века стал добычей жителей Биаррица и Сан-Жан-де-Люза. Вначале китобои уничтожили его популяцию в Бискайском заливе, потом у берегов Исландии и, наконец, в водах Ньюфаундленда, куда они отваживались плавать уже за один или два века до Христофора Колумба. Кстати, к столь прибыльному ремеслу Западную Европу (голландцев, французов, англичан и т. д.) приобщили баски. В XVIII веке китобои так преуспели в своем промысле, что североатлантический подвид южного кита оказался на грани полного исчезновения. Он так и не восстановил прежнюю численность. По-видимому, из трех популяций этого подвида, которые имелись до начала промысла, сохранилось только одно стадо — у Ньюфаундленда, да и здесь китов насчитывается всего несколько десятков, так что в любую минуту они могут исчезнуть. Хотя с 1937 года все гладкие киты и взяты под охрану, браконьерство не прекращается. А ведь хорошо известно, что, если численность популяции окажется ниже минимально допустимого предела, вид обречен на полное исчезновение. Если же охрана налажена хорошо, это дает самые положительные результаты, и тогда некоторые виды, например серый кит, демонстрируют чудеса восстановления численности — но это касается только тех видов, места размножения которых сосредоточены всего в нескольких районах Мирового океана. К сожалению, к гладким китам это не относится, и потому, как только их численность сокращается, они практически теряют возможность встретиться в необъятных просторах океана партнера — и тогда популяция вымирает.

¹ Белон, Пьер (1517--1564) — французский натуралист, один из первых сравнительных анатомов. Путешествовал по странам Средиземноморья и Ближнего Востока, был в Англии и Испании. Его основные труды — о водных животных и птицах. Описал 113 видов рыб — причем рыбами считал всех водных животных, в том числе беспозвоночных и млекопитающих. — *Прим. перев.*

² Ронделе, Гийом — натуралист эпохи средневековья. В 1555—1557 годах опубликовал „Естественную историю рыб“; согласно взглядам того времени, китов и дельфинов он относит к рыбам. *Прим. рел.*

Киты, собравшиеся стадом, часто подают друг другу такие „знаки плавниками“; это один из многочисленных способов, к которым прибегают киты, переговариваясь между собой.

В северной части Тихого океана подобная участь постигла японский подвид южного кита. На западе, у берегов Японии, подвид был полностью уничтожен. Может быть, несколько десятков представителей этого подвида еще осталось на востоке их ареала.

В южном полушарии истребление австралийского южного кита началось позднее, но было столь же безжалостным. Если в начале XIX века в одних только водах Новой Зеландии добывалось 14 000 австралийских южных китов, то в 1935 году было убито всего четыре кита этого вида. Кроме новозеландского стада, обреченного влачить жалкое существование без особой надежды выжить, есть второе стадо — в Индийском океане и третье — в Южной Атлантике, оно-то и собралось сейчас в водах полуострова Вальдес. Японские ученые утверждают, якобы „под“ экватором в общей сложности обитает 3000 южных китов; по их мнению, эта популяция увеличивается на 10% в год. Однако в настоящее время мало кто верит оптимистическим оценкам японских цетологов, потому что часть их просто-напросто находится на содержании у китобойных компаний! Я же считаю, что из первоначально существовавшей многотысячной популяции южных

китов осталось самое большое 1500 особей и нет ни одного мало-мальски серьезного факта, который бы подтверждал, что численность их растет.»

Гигантский башмак

Аквалангисты „Калипсо“, восхищенные познаниями доктора Пэйна, ловят каждое его слово. Чтобы не остаться в долгу, доктор Агуайо тоже излагает нам некоторые увлекательные подробности из жизни исполинов южных морей. Так что почти всю ночь продолжается плодотворный диалог — наполовину по-испански (доктор Агуайо), наполовину по-английски (доктор Пэйн), и, поскольку аудитория по преимуществу франкоязычная, в качестве переводчика приходилось выступать то одному, то другому из нас. Привожу основное содержание этого диалога, которое я попытался дополнить некоторыми собственными соображениями.

Южные киты очень красивы и очень упитанны. Слой жира у них, особенно после возвращения с субантарктических пастбищ, достигает в толщину нескольких десятков сантиметров. Именно подкожный жир больше, чем мясо или внутренности кита, послужил причиной всех их несчастий, поскольку в течение многих веков человек использовал китовый жир для освещения... Гладкий кит всегда намного толще полосатика, который и сам не отличается хрупким сложением! При таком же „росте“ он в 2—2,5 раза тяжелее. Скажем, „изящный“ южный кит, достигающий во взрослом состоянии 15 м в длину, весит „каких-нибудь“ 40 т... Как и у всех усатых китов, самка крупнее самца. У самых почтенных из этих дам от морды до хвоста 18 м, и весят они около 75 т.

Огромная голова кита составляет более четверти длины тела. Голова овальной формы, слегка сужается к затылку, на ней выделяется огромная нижняя губа с небольшой выемкой посередине. Как остроумно отметил в „Моби Дике“ Мелвилл, „голова настоящего кита, грубо говоря, напоминает не слишком-то изящный тупоносый башмак великана. Двести лет тому назад один голландский путешественник писал, что она формой подобна сапожной колодке. Только колодка эта настолько велика, что в башмак без особого труда можно упрятать знаменитую старушку из детской песенки со всем ее многочисленным потомством“.

Дыхала, то есть ноздри, расположенные наверху головы, похожи на два рогалика, повернутые выпуклостями друг к другу. Филипп говорит, что они как прорези в деке скрипки... В просторном рту нашего кита около 250 пар пластин китового уса, молочно-белого цвета с черными

Дыхало кита закрыто: провентилировав легкие, то есть сделав несколько вдохов и выдохов и набрав в них воздуха, он готовится нырнуть.

Наросты южных китов очень типичны, особенно знаменитый „чепчик“, расположенный на верхней губе.

Детеныш гладкого кита выбросился на песчаный берег залива Сан-Хосе. Филиппу и доктору Роджеру Пэйну остается только констатировать его смерть.

Доктор Пэйн, измерив китенка, пытается определить причины его гибели.

Тело гладкого кита буквально усеяно белыми наростами, и, вероятно, некоторые паразиты весьма досаждают ему; однако у него нет никакой возможности от них избавиться.

щетинками¹. Максимальная ширина пластин — 25 см, самые развитые достигают в длину 2 м 70 см. Язык же, покрытый очень тонкой и нежной кожей, весит полторы тонны.

От крохотного глаза до середины спины тело кита напоминает бочонок, что и делает движения южных китов неуклюжими и медлительными. Но это впечатление сглаживают широкие грудные плавники в форме трапеции, весьма подвижные и выразительные: и анатомически, и судя по тому, как киты ими пользуются, — это *руки* кита. На конце суживающегося хвостового стебля расположены две огромные уплощенные лопасти. Размах хвостовых лопастей составляет $\frac{3}{7}$ длины тела, то есть у средней взрослой особи он достигает примерно 7 м 50 см. Хвост китообразных представляет собой совершенно новый, выработавшийся

¹ Чаще всего роговые пластины у южного кита черного или серого цвета. — *Прим. ред.*

в процессе эволюции орган и не имеет ничего общего с органами плавания ластоногих*, которые появились вследствие видоизменения задних конечностей в ласты. Хвост китов образован широкими выростами кожи, которые в процессе эмбрионального развития появляются по обеим сторонам десяти последних позвонков.

Южных китов северной части Тихого океана (японский подвид) отличает особенно интенсивная черная окраска тела. Североатлантический подвид (бискайский южный кит) более светлый, с замысловатыми пятнами аспидно-серого цвета. Киты австралийского подвида имеют кожный покров голубоватого или фиолетового цвета; кое-где по нему разбросаны белые пятна, окруженные нежно-лиловой каймой, постепенно переходящей в доминирующий цвет. А от других китообразных южный кит довольно сильно отличается своей волосатостью — он самый *волосатый* среди всех видов отряда. По крайней мере, у этого животного после рождения остается больше волос, чем у остальных представителей отряда. Все зародыши китообразных имеют отдельные волоски, особенно в области головы, рострума и губ. Но из материнского чрева они выходят, уже потеряв эти волоски. У южного же кита часть этих волос сохраняется и у взрослых особей; при этом любопытно, что они растут у него в тех же местах, что и у человека (этой „голой обезьяны“). Таким образом, можно сказать, что киты носят „брови“, „усы“, „редкую бородку“ и т.д.

Челчик

Снова обратимся к Мелвиллу, он пишет: „Кстати сказать, у настоящего кита и в самом деле есть нечто вроде бакенбард, вернее усов, которые состоят из нескольких белых волос, разбросанных по верхнему краю нижней челюсти. Растительность эта придает иногда разбойничье выражение киту, имеющему, впрочем, весьма серьезный и важный облик“. (В описаниях Мелвилла строгость документальных сведений — чаще всего сведений из первых рук — всегда сочетается с остроумием. Последнее нередко отсутствует у современных ученых. Что касается меня, то каждый раз, когда мне предстоит предпринять изучение китов „на месте“, я перечитываю „Моби Дика“. Мне кажется, благодаря этому мои наблюдения, как по волшебству, становятся тоньше . . .)

На теле гладких китов всегда есть какие-нибудь примечательные наросты, образованные дермой кожи; причем наросты эти совершенно индивидуальны у каждой особи — как по числу и расположению, так и по размерам и форме.

„Вот вы спросили, как мне удастся безошибочно отличать друг от друга гладких китов, — говорит доктор Пэйн. — Ну что ж! . . . Это, навер-

ное, и будет самый точный из всех критериев, по которым можно распознавать китов. В 1971 году внезапно исчезла вместе со своим малышом мамаша-китиха, украшенная весьма оригинальным наростом в форме буквы У. Я звал ее *Аделью*. Я думал, что Адель погибла, тем более, что я не встретил ее ни в 1972, ни в 1973 годах. Но в 1974 году она опять появилась в заливе и привела с собой нового малыша — я узнал ее с первого взгляда . . . Хочу добавить, что раз кожные наросты позволяют *мне* без труда распознавать отдельных особей из группы, то вполне вероятно, что и *сами киты* между собой прибегают к этому способу.“

Нарост представляет собой вырост кожи с уплотненными тканями, лишенными пигментации. Обычно он бывает толщиной в несколько дюймов и с довольно неровной поверхностью. Именно поэтому нарост усеян некоторыми морскими животными, для которых он представляет идеальное убежище. Среди наиболее многочисленных приживальщиков назовем китовых вшей. Эти паразиты вопреки своему вульгарному названию относятся не к насекомым, а к ракообразным* (отряд бокоплавов *Amphipoda*, род *Cyamus*). Разнообразные морские желуди (род *Balanus*, *Chthalamus* и др.) — их тоже тысячи на каждом ките — используют своего хозяина-исполина только как средство передвижения; они не извлекают питательных веществ из организма кита. Несмотря на наличие у морских желудей двустворчатой раковины, как у моллюсков, их тоже следует отнести к классу ракообразных (отряд усоногих раков). На наростах встречаются иногда небольшие актинии, губки различных видов, ковер из водорослей и т. д. Настоящий японский садик!

Почти у всех гладких китов есть по каждому наросту над каждым глазом. И все они без исключения носят великолепный нарост на верхней губе, который называется „чепчиком“ (северные китобои называют его еще „короной“). Название говорит само за себя: это большой округлый вырост, покрытый микроскопическими животными и утыканный щетинистыми волосками; он и на самом деле похож на головной убор, хотя анатомически расположен не на макушке. Мелвилл (опять он . . .) сравнивал его с „птичьим гнездом в развилке“. В прежние времена китобои срезали „чепчик“ и бережно его хранили, ибо он служил им трофеем и амулетом.

МИЛЛИОНЫ КРЫЛЬЕВ И ЛАСТОВ

СМОТЯ КАКОЙ БУДЕТ ВЕТЕР — СЛОНОВЬИ ХОБОТЫ
СЛОЖНАЯ ЖИЗНЬ СТАДА
ВЗМАХИ КРЫЛЬЕВ НАД АТЛАНТИКОЙ
ЛЬВИНЫЕ ГРИВЫ
МЫ НЕЛЕПЫЕ ПИНГВИНЫ

Уже далеко за полночь, а доктор Пэйн и доктор Агуайо еще продолжают свой рассказ о гладких китах; по их мнению, они сообщили нам лишь самые общие сведения. Члены отряда „Калипсо“ возбуждены, как дети накануне рождества. Сейчас им больше всего на свете хочется поближе познакомиться с царственными китами Вальдеса, любоваться ими, гладить их. Никто и не думает идти спать: все хотят остаться на пляже и, как это сделал Филипп в первый день своего пребывания на полуострове, ждать рассвета, слушая, как пускают фонтаны эти крупные млекопитающие . . . Но утром мне нужны бодрые люди: я наметил сразу несколько вылазок на встречу с китами. В конце концов благоразумие берет верх, и все отправляются отдыхать.

Наконец на горизонте светает, но все предвещает совершенно пасмурный день! Всего несколько часов назад погода была великолепная, и вот, пожалуйста, — хуже не придумаешь. А на этих широтах непродолжительных осадков не бывает . . . Громадные черные тучи, проливные дожди, насыщенный влагой воздух с Атлантического океана и, конечно, свирепый ветер, причем чем дальше он дует, тем сильнее становится.

Пока отряду Филиппа везло: погода, не считая нескольких дождей,

стояла отличная. Похоже, Патагония до сих пор не выдавала себя и теперь непременно должна проявить свой дурной нрав. Я давно уже подозревал, что хорошая погода тут долго не держится; на здешней земле, среди дюн и вечно бегущих волн, даже все растения и звери выглядят искореженными, искривленными, согнутыми, а во время шторма их еще и беспощадный ветер треплет . . . В такую погоду только и остается подражать животным — зябко забиться в свою нору и ждать затишья.

«Увы! — говорит доктор Пэйн за моей спиной, как будто услышав мои мысли. — В этих местах чаще, чем где бы то ни было, на вопрос: „Что мы делаем завтра?“ приходится отвечать: „Смотря какой будет ветер!“»

Смотря какой будет ветер

В самом деле, смотря какой будет ветер . . . Море разбушевалось вовсю, пена на гребнях волн мешается с китовыми фонтанами — какое захватывающее, прекрасное зрелище! Но в такую погоду не может быть и речи о том, чтобы выйти в море и наблюдать эту дикую пляску вблизи. Ни зодиаки, ни байдарки не выдержат волнения, да и под водой мы не сможем ничего ни увидеть, ни снять.

Киты же великолепно себя чувствуют в такую непогоду. Я уверен, что она им по душе . . . Разве не во время самых жестоких штормов, когда бушуют чудовищные валы, приобретают свой истинный смысл самая мощь и исполинские размеры китов?

Капитан Бугаран на „Калипсо“ понял, что приближается шторм. Впрочем, об этом его уже предупредили фотографии со спутника. Сообщив нам о своем решении по радио, он снялся с якоря и повел судно в залив Сан-Матиас, более глубокий и безопасный, чем Сан-Хосе, где „Калипсо“ в любую минуту рискует сесть на мель. А так как в шторм вертолет, разумеется, не летает, мы оказались заблокированными на полуострове до возвращения солнца.

Постараемся воспользоваться этим положением полуробинзонов, отправившись исследовать те районы побережья, куда не успел добраться Филипп со своим отрядом. Ветер и дождь поутихли. Одевшись как следует во всякого рода непромокаемые доспехи, мы садимся в грузовик и уезжаем в Пунта-Норте, поселение из нескольких одноэтажных домиков, расположенное неподалеку от мыса с таким же названием.

И вот мы подходим к источенным волнами скалам, обступившим небольшие пляжи серого песка, — здесь располагаются владения ластоногих. И первыми попадают на глаза самые крупные представители отряда (гораздо более тяжеловесные, чем даже моржи) — *морские слоны*.

Ветер благоприятствует нам, и потому без всяких затруднений мы подбираемся к пляжу, где лежат морские слоны. Укрывшись за скалами, мы замираем неподвижно и наблюдаем за животными в свое удовольствие. В каких-нибудь десяти метрах от нас теснятся десятки этих огромных живых колбас или гигантских гусениц . . . Они с трудом ползают по гальке и песку, при случае залезая на загораживающего дорогу сородича . . . Коричневая кожа с розоватым отливом вся в жировых складках. Конечно, бедняги морские слоны не слишком изящны на суше! Но ведь эволюция „задумала“ их вовсе не для того, чтобы они красовались на берегу. Они выходят сюда только два раза в год — в периоды размножения и линьки, а остальное время проводят среди пены и волн, в открытом океане.

В воде морские слоны превращаются в совершенно других животных — чрезвычайно подвижных и поразительно ловких. Центнеры жира становятся тут преимуществом. Позвоночник морского слона настолько гибок, что стоит ему только слегка прогнуться, как он достает мордой кончик хвоста. (На суше такая поза самца означает вызов или угрозу сопернику.)

Мы обходим стадо, надеваем гидрокостюмы и с масками и трубками погружаемся в воду, чтобы наблюдать морских слонов в море. Какое великолепное зрелище представляют морские слоны в родной стихии: обтекаемые тела то стремительно проносятся между скалами, то делают крутые повороты! Как приятно оказаться рядом со слонами в тот момент, когда они лениво плавают на поверхности, — животные нежатся, лежа неподвижно на спине, так что над водой видны только голова и задние ласты! . .

Слоновьи хоботы

Существует два вида морских слонов, которые мало отличаются друг от друга, однако никогда не смешиваются: это северный морской слон (*Mirounga angustirostris*), обитающий в северном полушарии, — его представителей нам уже довелось наблюдать с „Калипсо“ на Гваделупе, вблизи мексиканской Калифорнии; и южный морской слон (*Mirounga leonina*), обитающий в южном полушарии, — вот его-то мы как раз сейчас и наблюдаем на Вальдесе.

Как северных, так и южных морских слонов истребляли в прошлом веке в основном из-за жира (даже относительно небольшой трехметровый самец дает целых 360 л жира). Охота превращалась в невероятно жестокие боины. Умирая, морской слон теряет от 400 до 500 л крови — при описании подобных побоищ как нельзя более уместны выражения „ручь“ и „моря“ крови. Эти животные удивительно живучи — бывали

Составление гаремов не обходится без яростных схваток между взрослыми самцами: нередко при этом проливается кровь, но исход сражений почти никогда не бывает роковым.

Морские слоны относятся к семейству настоящих тюленей; в отличие от ушастых тюленей, у них нет наружных ушных раковин.

Довольно часто случается, что в своих сражениях за гаремы крупные самцы давят новорожденных.

случаи, когда морские слоны, с которых уже содрали шкуру, совершенно неожиданно „приходили в чувство“ и спускались по склону берега в море, чтобы там умереть . . . К счастью, в 1910 году были приняты меры по охране морских слонов, что спасло их от полного исчезновения (хотя до сих пор в южном полушарии, в основном на острове Южная Георгия, ежегодно добывается не менее 6000 особей).

„В настоящее время общее число северных морских слонов оценивается в 20—25 тысяч особей, — объясняет доктор Агуайо, — а южных морских слонов — в 300—500 тысяч. Южные морские слоны обитают около большинства субантарктических островов (Фолклендские острова, острова Южная Георгия, Кергелен, Маккуори и др.). Летом их можно встретить даже на Антарктиде — вплоть до 78° южной широты. Зимой же они уходят на север, добираясь иногда почти до Новой Зеландии,

Австралии и Южной Африки. В Латинской Америке морские слоны встречаются даже в районе Ла-Платы. Но залежки, которые образуют южные морские слоны во время размножения, не встречаются севернее полуострова Вальдес, где мы с вами имеем честь наблюдать их прибытие на сезон любви.“

Не знаю, все ли морские слоны прибыли на ежегодное большое брачное свидание. Но их уже столько, что пляжи и скалы Пунта-Норте кажутся мне сплошным морем тел . . .

Морские слоны очень миролюбивы. Более того, они даже одаривают людей совершенно незаслуженными знаками доверия — ведь люди и раньше истребляли морских слонов, и сейчас продолжают истреблять их. Выйдя из воды после кратковременного погружения, мы безбоязненно пробираемся между этими горами обтекаемых тел. Лишь крупные самцы, крайне возбужденные составлением гаремов, настроены более воинственно. Одни бросают на нас неприветливые взгляды. Другие встречают нас воинственным ревом. Третьи, которых мы приводим в ярость своим поведением, — очевидно, мы слишком близко к ним подходим — даже пытаются на нас напасть, однако гнев у них хоть и силен, но непродолжителен. Достаточно ретироваться метров на десять в сторону, как они тут же успокаиваются.

Морские слоны (они относятся к семейству настоящих тюленей*) не случайно получили свое название. Во-первых, это колоссальные животные — в три раза тяжелее моржей, так что весят они не намного меньше своих сухопутных тезок. Взрослый самец достигает в длину 5—6,5 м и весит 3—4 т. Самка изящнее (!): ее длина — 3 м, а весит она „всего лишь“ 1 т. У „него“ — редкий волосяной покров, светло-коричневого, темно-коричневого или серого цвета. „Она“ и дети, как правило, серые.

Другая причина, по которой ластоногих этого вида называли „слонами“, заключается в том, что у самцов морда заканчивается своеобразным хоботом. Хобот с годами растет и может достичь весьма внушительных размеров. Кроме того, в период размножения хобот способен приподниматься за счёт действия мышц и увеличиваться за счет прилива крови, так что достигает иногда 60 см в длину. Считается, что этот любопытный отросток делает более громким рев своего хозяина, играя роль резонирующей камеры.

Сложная жизнь стада

Кроме огромных размеров, морских слонов отличает от других тюленей небольшое число зубов и наличие редуцированных когтей на пальцах передних ластов; на задних лапах когти отсутствуют. Питаются они головоногими* — кальмарами и каракатицами, за которыми

ныряют на большие глубины, но не отказываются они и от рыбы. У морских слонов, как у всех животных, питающихся головоногими (экологи говорят, как у всех *теутофагов*, от греческого слова *teuthos* — „кальмар“), бесконечно длинный кишечник: в 30—35 раз длиннее тела.

Морские слоны — животные стадные*, поведение в стаде у них очень сложное, особенно в период спаривания и деторождения. Первыми в августе-сентябре на традиционные места размножения прибывают самцы. Они опережают самок недели на две. Сразу после прибытия самки рожают детенышей, которых зачали год назад на этом же месте. А самцы в это время затевают свирепые драки, нанося друг другу глубокие раны на шее, груди и боках; однако исход этих поединков редко бывает роковым. Победенные и слишком молодые для участия в турнирах самцы возвращаются в море, где пытаются — и зачастую успешно — спариться с запоздавшими яловыми самками или же с теми, что обманули бдительность секачей.

Секачи (по-английски *harem bulls*) собирают стадо из 10—50 самок. Они оплодотворяют их одну за другой, не слишком тревожась о том, что в любовном пылу могут раздавить неудачливых новорожденных. В течение всего периода размножения самки, в отличие от самцов, хорошо питаются. И детеныши получают молоко исключительной жирности — в нем содержится более 80 % жиров. Появляясь на свет, „мальши“ весят 40 кг и имеют в длину около 90 см, а через месяц, когда их перестают кормить молоком, они достигают уже внушительного веса — целых 350 кг; таким образом, они набирают в среднем по 10 кг в сутки . . . Матери погибли бы от истощения, выкармливая подобных обжор, если бы при этом не питались сами. (Лактационный период у морских слонов северного полушария существенно длиннее, но и вес детеныши набирают гораздо медленнее. Вероятно, эта разница в темпах роста объясняется тем, что в северных биотопах климатические условия благоприятнее.)

Первая линька у морских слонов наступает в возрасте одного месяца: коричневато-серый густой и пушистый мех новорожденного сменяется коротким коричневым или серым волосяным покровом, характерным для взрослых особей. У взрослых слонов линька начинается чуть позже — в январе; и животные снова вынуждены выходить на сушу. В это время у слонов весьма жалкий вид: омертвевший кожный покров отслаивается кусками, как будто расходясь по швам. Чтобы унять довольно болезненный зуд, морские слоны отлеживаются в лужах грязи на берегу. Но если лужа слишком глубока, слоны оказываются как бы в ло-

На развороте: Как все ластоногие, морские слоны приспособлены к жизни в море; грузные и неуклюжие на суше, в воде они становятся по-настоящему изящными.

вушке: им уже не удастся выбраться из нее; там они и погибают. Такое бывает редко, но все же бывает.

Уровень смертности среди детенышей необычайно высок — более 50%. Многие новорожденные, потеряв мать, — а это нередко случается в сумятице драк и спариваний — умирают от голода. Других давят распаленные страстью самцы. Третьи, растопив днем под собой лед, — если дело происходит в районах с суровым климатом — ночью вмерзают в эту лунку (на Вальдесе такого не случается). На слабых и больных нападают крылатые убийцы (гигантские буревестники, поморники). Когда в возрасте одного месяца молодые морские слоны попадают в воду, они могут стать добычей самых плотоядных из тюленей — морских леопардов (*Hydrurga leptonyx*). Но главный их враг — косатка (*Orcinus orca*), которая называется по-английски *killer whale* („кит-убийца“), — великолепный черно-белый дельфин, самый крупный и самый умный из всех дельфинов.

Если молодому морскому слону удастся избежать этих опасностей, а также не заболеть паразитарными болезнями, то в возрасте одного года он достигает уже 2 м в длину. Самка достигает половозрелости в два года, а самец — в четыре-пять лет. Самка живет не менее 10, а самец, возможно, и более 20 лет.

Взмахи крыльев над Атлантикой

В Пунта-Норте нас очаровало зрелище прибытия морских слонов, их бурной любви, и мы посвящаем наблюдению за ними несколько дней подряд. Да и погода все еще хмурится, упорно не давая нам встретиться с гладкими китами.

Ги Жуа подносит микрофоны к хоботам морских слонов, чтобы записать их рев: теперь в архивах наших фонотек будут храниться бобины с записями оскорблений и вызовов на языке морских слонов. Колен Мунье и Франсуа Шарле снимают на кинопленку соперников, дерущихся за гаремы. Филипп и Бебер Фалько вместе с Домиником Сьюмьяном и Франсуа Дельгадо пытаются отыскать самок-рожиц.

„Роды у морских слонов, — рассказывает Филипп, — по-видимому, столь же мучительны, как и у большинства самок, вынашивающих один плод. Лежа на животе или на боку, самка долго тужится, пока детеныш не появится на свет. Стоит только матери разрешиться от бремени, как тотчас же налетают птицы-стервятники и набрасываются на послед — предмет их яростных стычек. Малыш с трудом добирается до сосков. Когда же ему наконец удастся схватить их губами, его мордочка как будто озаряется выражением живейшего наслаждения.“

Морские слоны — чудо Вальдеса, но не единственное: полуостров

полон чудес, которые мы еще не успели открыть. Например, морские птицы. Чтобы получше с ними познакомиться, перебираемся на восточное побережье Вальдеса, в район между Пунта-Норте и Пуэрто-Вальдесом.

Это земля лагун и мысов, выходящая прямо в необъятные просторы Атлантики: если бы какой-либо мореплаватель отправился отсюда в путь, все время держа курс строго на восток, то он пересек бы не только Атлантический, но и Индийский океан в самой его широкой части, не встретив на своем пути ни материка, ни какого-либо острова до самой Тасмании...

Хотя идет дождь и дует ветер, пейзаж по-прежнему величествен. К темным скалам, влажным от морских брызг, подступают необозримые пространства песчаных дюн с поникшей скудной растительностью. В этих прибрежных районах обитают сотни морских птиц.

Вот над самыми волнами проносится большой альбатрос (*Diomedea exulans*) — розовый клюв, кремовые лапки и огромный размах крыльев: до 3 м 20 см от одного кончика крыла до другого... За ним появляется его сородич — чернобровый альбатрос (*Diomedea melanophris*), а может, то был желтоклювый альбатрос (*Diomedea chlororhynchus*) или сероголовый альбатрос (*Diomedea chrysostoma*). Широкие серые крылья — примерно 2 м 80 см в размахе — приносят к патагонским берегам и гигантского антарктического буревестника (*Macronectes giganteus*). Здесь он встречает близкого родственника — субантарктического буревестника (*Macronectes halli*). Вот мимо капского голубка¹ (*Daption capensis*) пролетает антарктический глупыш (*Fulmarus glacialis*). А вот пересеклись пути белоголового буревестника (*Pterodroma lessoni*) и шелковистого буревестника (*Pterodroma mollis*)...

Искушенный орнитолог узнал бы среди пролетающих птиц и серого буревестника, и буревестника Уилсона, различных качурок, прионусов трех или четырех видов, субантарктическую крачку, доминиканского поморника и еще множество других видов птиц, грациозно парящих над волнами.

Признаюсь, на расстоянии я различаю только некоторые из этих орнитологических родов. Разобраться же в путанице видов и подвидов еще труднее... Правда, хочу сказать в свое оправдание, что, пока эти великолепные птицы станут половозрелыми, они полностью поменяют цвет своего оперения, усложняя тем самым задачу натуралиста. Если вы не специалист, вам ни за что не разобраться в молодых представителях некоторых видов. Но это не мешает мне восхищаться разнообразием, изяществом и фантастической красотой зрелища, которое представляют парящие на ветру птицы.

¹ Капский голубок, несмотря на свое название, принадлежит к отряду трубконосых, как и все перечисленные здесь альбатросы и буревестники, и никакого отношения к голубям не имеет. — Прим. ред.

Осмелевшие самцы задирают хозяев гаремов; иногда им удается „совратить“ самку, но чаще всего секач ставит их на место.

Львиные гривы

Мы все увлеченно смотрим парад морских птиц над окруженной редкими скалами бухточкой, как вдруг Жак Делькутер отвлекает нас от этого зрелища. В тот день он пришел в эту бухточку раньше всех остальных и лег, затаившись у подножия большого камня. Жак подзывает нас к себе, показывая знаками, что мы должны передвигаться только ползком. Осторожно пробираемся к нему — и в нескольких десятках метров от нас видим стадо *южных морских львов*.

Южные морские львы (*Otaria flavescens*) — в старинных научных трудах этот вид часто описывали под названием *Otaria byronia* — поистине прекрасны. В отличие от морских слонов, они относятся к семейству ушастых тюленей*, а не к семейству настоящих тюленей.

Самки достигают 1,5—2 м в длину и весят 120—150 кг; у них чудесный мех темно-бурого, шоколадного или светло-желтого цвета с палевыми, соломенно-желтыми или светло-золотистыми пятнами. У самца

такой же великолепный мех бурого, а иногда почти черного или серого цвета. Самец достигает в длину до 2,5 м и весит в два-три раза больше, чем подруга, — 300—360 кг. Шею самца украшает пышная грива бурых, рыжих или желтых волос (длина волосков — сантиметров 8) — это один из признаков полового диморфизма*, так же как и разница в размерах. Грива особенно впечатляет наблюдателя . . . Видимо, именно этот замечательный атрибут сильного пола и стал причиной того, что тюленю с гривой дали название морской „лев“. (По-английски *sea lion*, по-испански *leon marino*, по-португальски *leao marino* и т. д. А в испанском языке есть еще общее название для всех ластоногих — *lobos*.)

Южные морские львы, вопреки своему названию¹, обитают в пустынных уголках вдоль всего побережья Латинской Америки: в Атлантике от Рио-де-Жанейро в Бразилии (23° южной широты, до Огненной Земли, а в Тихом океане — от Огненной Земли до Сорритос в Перу (4° южной широты). Однако надо отметить, что аргентинская популяция гораздо более многочисленна. Доктор Агуайо, знающий все места размножения этого тюленя, уточняет: в Бразилии осталось около 300 особей южного морского льва, в Уругвае 30 тысяч, на Фолклендских островах 30 тысяч, в Чили 25 тысяч и в Перу 20 тысяч, тогда как в одной только Аргентине насчитывается до 165 тысяч особей. „Но подобный учет, — добавляет он, — осуществляется методом экстраполяции оценки численности животных на отдельных участках, которая производится на глаз, зачастую с самолета, и поэтому он не слишком надежен . . .“

Южные морские львы держатся стадами и образуют крупные лежбища, как правило, более внушительных размеров, чем то, что мы видим сейчас. Пока не начался сезон размножения, животные относятся друг к другу весьма терпимо: крупный самец вполне благодушно соглашается послужить другому в качестве подушки . . . Однако по мере приближения периода спаривания отношения накаляются.

Как и у морских слонов, первыми на места спаривания прибывают самцы. Вслед за ними появляются самки. Самка рождает малыша, покрытого густым черным мехом; новорожденные имеют в длину 75—80 см и весят 11—15 кг. А самцы тем временем сражаются врукопашную за гаремы, стараясь первым делом добраться до горла друг друга. (Хотя кровь течет обильно, серьезных ран почти не бывает: побежденный, сдавшись, спасается бегством.) Победитель же завладевает примерно дюжиной самок, которые до следующего года будут вынашивать плод его страсти.

Малышей вскармливают материнским молоком около шести месяцев; в возрасте одного года они впервые линяют. Самки достигают по-

¹ На французском языке южный морской лев имеет название *lion de mer de Patagonie*, что означает „патагонский морской лев“. — Прим. перев.

Пока взрослые ищут себе пропитание в море, молодяк остается на берегу. Единственная его задача — как следует нагулять жирок!

ловозрелости в четыре года, а самцы — в пять лет. Смертность среди детенышей столь же велика, как и у морских слонов, и имеет те же причины: новорожденные теряют матерей, погибают, раздавленные самцами, служат добычей для поморников, буревестников, морских леопардов и косаток. Максимальная продолжительность жизни морских львов — около 20 лет.

Питаются южные морские львы самой разной рыбой, в основном стайной (сардины, килька, хек и т. д.). Кстати, именно поэтому их так люто ненавидят местные рыбаки, утверждающие, что морские львы

Сосать исключительно жирное молоко, дремать на солнышке или играть на пляже — вот и все заботы новорожденных.

Белобрюхий баклан так заинтересовался фотографом, что забыл про гнездо, которое строит.

Этот молоденький морской слон, который старается принять грозную позу, на самом деле еще совершенно безобиден . . .

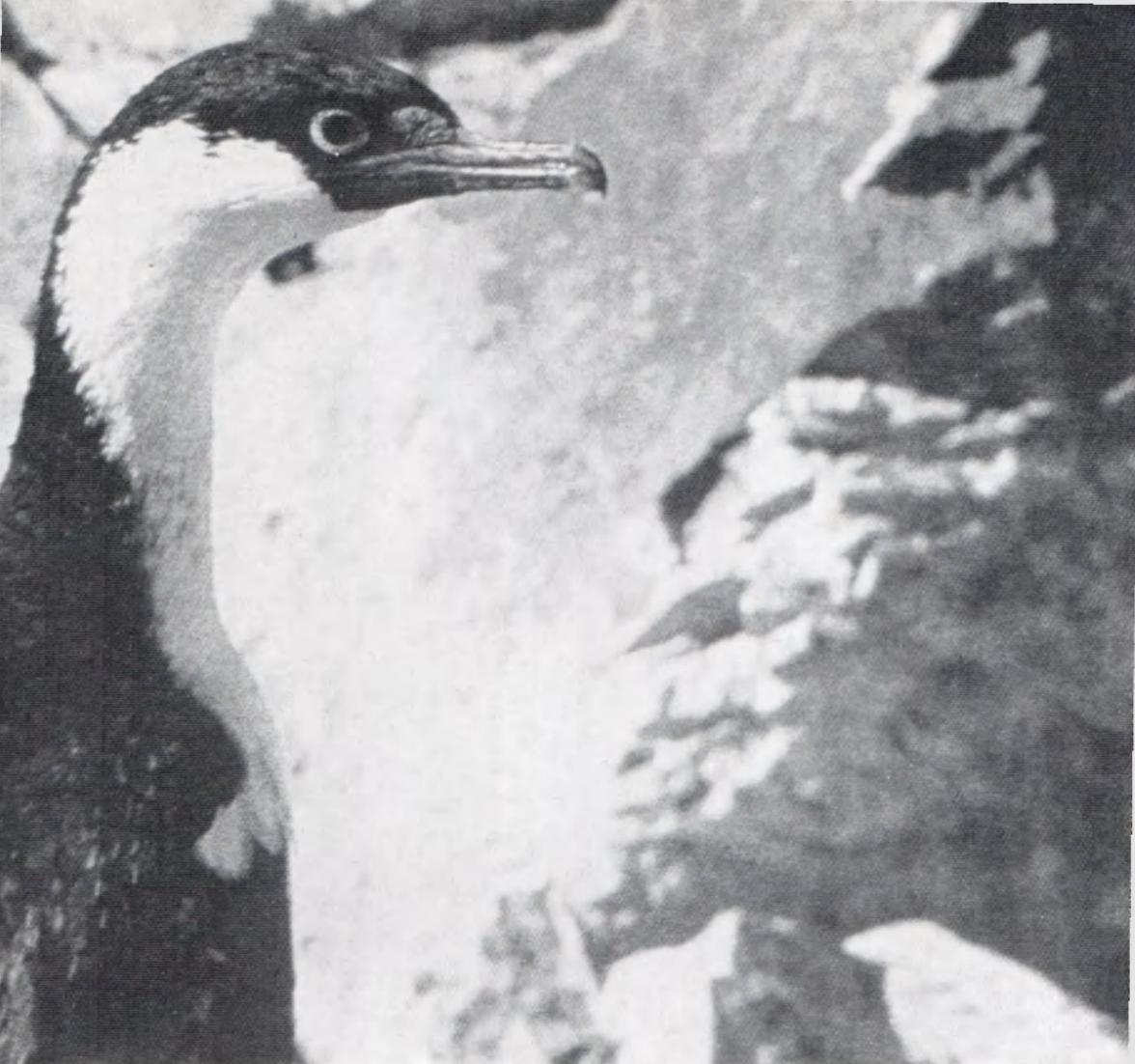
. . . чего не скажешь про этого огромного секача, хозяина гарема, обладателя внушительного хобота и покрытых шрамами боков.

преследуют рыболовецкие суда, рвут сети и крадут добычу. Но не брезгают морские львы и головоногими моллюсками (кальмарами, каракатицами, осьминогами), и ракообразными (*Heterocarpus reedi*), и даже . . . пингвинами. Не исключено, что они дополняют свой рацион морскими водорослями (рода *Durvillea*).

В желудках южных морских львов, как и в желудках других видов настоящих и ушастых тюленей (и даже как в желудках каланов), находят какое-то количество камней. Какова их функция? Некоторые зоологи утверждают, что они способствуют перемалыванию пищи, подобно камешкам в зобу птиц. Другие считают, что они помогают поддерживать нужную плавучесть во время ныряния. Высказываются предположения, что камни препятствуют проникновению паразитических червей в пище-

Белобрюхий баклан гнездится в скалах; от близких видов он отличается ярко-голубой каймой вокруг глаз.

варительный тракт. И наконец, существует мнение, что они нужны только для того, чтобы обманывать голод в периоды недоедания, особенно в сезон размножения. Однако окончательного ответа на этот вопрос нет.

Мы нелепые пингвины

Прелесть экспедиций „Калипсо“ состоит еще и в том, что, несмотря на серьезную подготовку и штудирование литературных источников, главную роль в открытиях и находках играет все же случай. Природа раскрывает нам свои чудеса постепенно, одно за другим, и мы не знаем заранее, что нас ждет впереди. Ступив на борт нашего судна, мы как буд-

Южные морские котики непередаваемо изящны в воде; дружелюбные, любопытные и непринужденные, они приветствуют аквалангистов, которые приплыли сюда навестить котиков в их родной стихии.

то превращаемся во взрослых детей, обретая свойственные детям везучесть и наивность, непредвзятость суждений и полную свободу, что позволяет нам видеть что-то яснее, чем это же видели до нас, а вернее, *видеть иначе*. Многие из тех картин, которые нам посчастливилось наблюдать, никогда не были описаны ни в одном научном труде, и о многих сценках, которые разыгрывались на наших глазах, никто прежде и не догадывался.

Я думаю, основная причина заключается в том, что мы смотрели на все увиденное новыми глазами. Никогда раньше моря, острова, полуострова, реки, озера не исследовались так, как это делаем мы. Никто не изучал их с помощью „метода“ подводного плавания, как это делаем мы. Никто, кроме нас, ежедневно наведываясь в колонии животных, не избирал путь, проходящий не по суше, не *по* морю, а *под* поверхностью водной стихии — в самой толще вод.

Только благодаря всему тому, о чем я только что сказал, восточное побережье Вальдеса подарило нам в день нашей первой встречи с мор-

Раньше южные морские котики водились почти во всех водах, смывающих Южную Америку; но человек вел интенсивный промысел этих животных ради их меха, и теперь они стали встречаться гораздо реже.

скими львами две неожиданные картины. Подобравшись ко львам ползком почти на расстояние вытянутой руки, мы долго лежали за скалами, наблюдая за животными, потом надели гидрокостюмы, взяли маски и трубки и нырнули в воду, чтобы получше изучить их движения в родной стихии. Мы без усталости любуемся, как они скользят между камнями и водорослями, гибкие и быстрые, словно бы сами сотканые из воды . . .

Затем, чтобы получить представление, сколь велика колония морских львов на этом побережье, начинаем плавать от бухточки к бухточке. Морских львов нам почти не встречается — лишь отдельные особи, ви-

димо, побежденные и на этот год уже исключенные из полового соревнования самцы. Зато наталкиваемся на восхитительное зрелище — колонию пингвинов. (Я знаю, что, соблюдая официальную французскую терминологию, я должен бы называть их *manchots*¹, но меня возмущает несправедливо пренебрежительный оттенок этого слова; англичане говорят *penguin*, немцы *pinguin*, испанцы *pinguino* и т. д. Не думаю, что их зоологи знают дело хуже, чем наши.)

Магеллановы пингвины, или, как их еще называют, *пингвины с ожерельем*, которых сам Магеллан описывал как „странных гусей“, — одни из самых северных представителей отряда пингвинообразных*. Подавляющее большинство их гнездится на Огненной Земле и Фолклендских островах, но какое-то их число, путешествуя вдоль патагонского побережья, достигает и Вальдеса. В прошлом веке, когда пингвинов истребляли ради мяса, жира и яиц (моряки хранили их в бочках с китовым жиром), этих птиц осталось очень мало. Но с исчезновением крупных китов обширные поля криля* в Антарктике остались в полном распоряжении пингвинов, и теперь в популяциях этих животных отмечается небывалый „демографический взрыв“. А ведь увеличение их численности еще несколько сдерживается . . . загрязнением. Трудно поверить, но некоторые фанатики умудряются распылять тонны инсектицидов в таких пустынных местах, как Вальдес! Какие они охраняют (?) сельскохозяйственные культуры? Загадка! . . . (Проведенные нами впоследствии анализы показали, что в печени и жире птиц, найденных мертвыми на песке, присутствуют пестициды.)

Но пока мы целиком поглощены своей великолепной находкой. Только все наоборот: на пляже стоят пингвины и смотрят, как выходим из воды мы. Наверное, они думают при этом: что за странные нелепые пингвины, эти черные двуногие существа с желтой полосой!

Магеллановы пингвины (*Spheniscus magellanicus*) — птицы средних размеров; спинка, щечки и поверхность крыльев у них черные или темно-бурые, а брюхо белое — настоящее подобие фрака. У одних видов этот фрак очень строгий, а у магеллановых пингвинов он украшен двумя очаровательными арабесками — белой линией на черном фоне (она идет от клюва в направлении затылка, огибает глаза и заканчивается „ожерельем“ на горле) и черной линией на белом фоне (эта линия образует что-то вроде очень широкой буквы М на грудке и боках.)

Зиму и весну магеллановы пингвины проводят на суше, здесь же спариваются и откладывают яйца, укрывшись в глубоких, вырытых в слежавшемся песке норах, — так что участок, на котором располагается колония, напоминает большой кусок швейцарского сыра. Малышей

¹ *Manchot* (франц.) — рохля, неуклюжий, неловкий; пингвин. — Прим. перев.

пингвины кормят различной морской живностью, в охоте за которой они и проявляют свою невероятную ловкость под водой. Крылья, неспособные держать пингвинов в воздухе, в воде служат им великолепными ластами. Вытянутые назад перепончатые лапы выполняют роль руля — движителями они не являются. С того самого мгновения, как я впервые в жизни увидел этих птиц под водой, я возненавидел слово „*manchot*“, когда его применяют к ним . . . Вот и на этот раз, заметив, что пингвины стройными рядами входят в воду, мы не можем отказать себе в удовольствии посмотреть, как они „летают“ в водной толще — столь же быстро и ловко, как другие представители их класса в воздухе . . .

Всего в нескольких кабельтовых от колонии пингвинов мы открываем второе чудо этого уголка Вальдеса — колонию *белобрюхих*, или *королевских бакланов* (*Phalacrocorax albiventer*). Мы прибываем в их владения все тем же способом — под поверхностью моря.

Стая, состоящая из нескольких десятков особей, расположилась на конце узкой косы. Выходим из воды и осторожно пробираемся между гнездящимися парами. Не стоит их беспокоить: им хватает забот с грабителями поморниками — те только и ждут случая стащить яйцо из гнезда!

Белобрюхого баклана, помимо признака, которому он обязан своим названием, отличает от других видов того же рода голубое кольцо вокруг глаз, золотисто-желтый нарост (гребень), украшающий его клюв у основания, и белая полоска на крыльях. В остальном же он похож на всех бакланов — черная, с зеленым отливом спинка, длинный, загнутый крючком клюв и широкие перепончатые лапы. Он так же отлично плавает и ныряет, как и другие виды бакланов: белобрюхий баклан может пробыть под водой на глубине 10—20 м около минуты. Так же, как и другие виды бакланов, белобрюхий баклан, выйдя из воды, долго сушит перья, наполовину развернув крылья, и вообще его повадки и позы характерны для всех птиц этого семейства.

Белобрюхие бакланы прибывают на Вальдес весной, в сентябре — октябре. Они строят вместительные гнезда, устилая водорослями и травами ямку в земле. Потом они спариваются. Самки откладывают два-три светло-голубых яйца, как бы покрытых известковой смазкой, и высиживают их пять недель. Вылупившихся птенцов родители выкармливают в течение семи недель.

Иногда к колониям белобрюхих бакланов подселяются и птицы очень близких видов — например, *патагонский баклан*; у этого баклана тоже белое брюхо, но горло черное, а кайма вокруг глаз красная. Селится рядом и менее крупный *скалистый баклан*; его алая мордочка напоминает карнавальную маску.

Альбатросы, властелины неба южных морей, имеют огромные крылья; на фотографии — два „горлана“ с крыльями размахом более 3,5 м.

брачные игры гладких китов

КИТЫ И СВОБОДА — КИТЫ: ВИД СВЕРХУ
С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ С КИТОМ
ЛЕВИАФАНОВО БРЮХО — ЗАИГРЫВАНИЯ
ГИГАНТСКИЙ ЦВЕТОК — МОРСКИЕ СЕПАРАТОРЫ
ИНТЕЛЛЕКТ

Странная вещь — судьба. Тщательнейшим образом подготовленные экспедиции, случается, проваливаются из-за какого-нибудь непредвиденного стихийного бедствия. Погода, кажется, вот-вот установится, и мы уже готовимся к новым встречам на зодиаках с гладкими китами, как вдруг по милости какого-то противного „хвоста бури“ оказываемся на грани катастрофы.

Менее чем за сутки лагерь у пересохшего арройо превращается в лагерь у слишком мокрого арройо, а затем и в лагерь у горящего арройо . . .

Все начинается с громадных, необыкновенно плотных, черных туч, которые ветер будто нарочно гонит на полуостров. Все вокруг становится сумрачным. В тот вечер я был у доктора Пэйна и через окна его домика увидел, как упали на землю крупные капли надвигавшегося ливня. Мгновенно темнеет, и на равнину обрушиваются тысячи кубометров воды. И на суше, и на море я не раз попадал в сильные ливни, но

никогда я не видел, чтобы с неба низвергались такие потоки. Проливной дождь с адским грохотом барабанит по крыше домика доктора Пэйна. Вокруг, как Ниагарский водопад, парит земля, прибитая тяжелыми каплями.

Представляю, что сделал этот потоп с нашим лагерем. Едва ливень начинает стихать, я отправляюсь к своим, кругом стоит кромешная тьма. Придя в лагерь, тут же убеждаюсь, что результаты превосходят мои самые пессимистические прогнозы. Дождь мгновенно наполнил арройо водой, и оно превратилось в бурный ручей. Наводнение унесло палатку, где Ги Жуа хранил свою записывающую аппаратуру и рацию. К великому счастью, аквалангисты тут же бросились в бушующий поток и сумели спасти большую часть приборов... Но этим дело не кончилось. Вода по-прежнему продолжает прибывать. Мы вынуждены спешно приняться — кто с лопатами, кто с голыми руками — за постройку запруд, иначе и остальные палатки уплывут по мутным волнам в залив Сан-Хосе... Но, несмотря на все наши старания, остаток ночи мы проводим в спальных мешках, напоминающих пропитанные водой губки. Пол в палатках похож на сплошные озера, а с потолка струями льется вода — короче, как говорит Филипп, роскошными наши апартаменты не назовешь.

Утром все еще дует штормовой ветер. Кому-то из нас приходит в голову построить вокруг лагеря, чтобы уберечь его от сокрушительных порывов ветра, ограду из колючего кустарника — такие ограды сооружают обычно гаучо, ночуя в пампе под открытым небом. Все находят, что это отличное предложение, да и ничего не стоит претворить его в жизнь, так как кусты легко выдергиваются из земли. Плохо только, что они вспыхивают, как пакля. Так что не успеваем мы закончить строительство ограды, как она загорается: мы поставили ограду слишком близко от кухонного очага, и стоило выстрелить угольку, как... Ветер мгновенно раздувает пожар. Того и гляди сгорит весь лагерь, и на какое-то мгновение нас даже охватывает страх, как бы не запылал весь полуостров! К счастью, сейчас прилив — вода (на этот раз спасительница!) в двух шагах, и, работая, как одержимые, мы укрощаем стихию.

Во-первых, все вокруг выпачкано в грязи — после наводнения, вторых, повсюду пепел — после пожара... Нельзя сказать, что в этот день в моем распоряжении были бодрые и веселые люди... С „Калипсо“ за нами прилетает вертолет — решено провести сутки на борту корабля, чтобы как следует отдохнуть. Все принимают это решение, мягко говоря, с некоторым облегчением.

Но на следующий день погода улучшается. Драматические эпизоды борьбы с огнем и водой тут же забываются. И снова на горизонте фонтаны китов.

Киты и свобода

Над полуостровом Вальдес занимается новый день. Ветер совсем стих. Шторм позади. Дождь омыл и словно оживил все вокруг. С травинок на дюнах испаряются миллионы водяных жемчужинок.

Мы с Филиппом медленно бредем по узкому пляжу вдоль лагеря у высохшего (вновь!) арройо. Вот солнечный луч пробивается сквозь облака, окрашивая небо в волшебные тона — фиолетовые, пурпурные, розовые. И тут мы замечаем, что в волнах резвится необычно много китов. Это стадо со сложившейся структурой; в нем, по меньшей мере, двенадцать взрослых особей и пять-шесть малышей. Киты плывут четким строем, и создается такое впечатление, будто у них есть довольно строгие правила поведения. Однако совсем не похоже, что это сообщество управляется диктатором. Напротив, когда наблюдаешь за китами, самое яркое ощущение — их безграничная *свобода*. Никаких мук и никакой рисовки, как говорил поэт, в этой бродячей жизни, полной непродолжительной любви и бесконечных игр. Группа соблюдает дисциплину, чтобы оградить себя от двух единственных опасностей, которые подстерегают их в море (не считая гарпунов китобоев), — от навигационных ошибок, которые приводят к выбрасыванию на берег и гибели, и от касаток, которые нисколько не боятся нападать даже на китов весом 40 т.

Погода налаживается, теперь наши дела пойдут веселей. Вернувшаяся в залив Сан-Хосе „Калипсо“ — куда более удобная экспедиционная база, чем лагерь у пересохшего арройо. К тому же снова можно пользоваться вертолетом.

Когда пишешь книгу или монтируешь фильм, стараешься, чтобы сюжет был насыщенным. Оставляешь в стороне многочисленные второстепенные эпизоды приключений, о которых идет речь. Опускаешь технические детали, временные трудности, ошибки, поражения — словом, все то, что может наскучить читателю или зрителю.

А для членов отряда „Калипсо“, как и для всех искателей приключений такого рода, „второстепенные эпизоды“, „технические детали“, „временные трудности“, „ошибки“ и „поражения“ составляют существенную часть ежедневных перипетий, и порой именно они приобретают решающее значение. Более того, за незначительными, на первый взгляд, мелочами подобного рода нередко таится смертельная опасность.

Чтобы читатель живее представил себе нашу „мирную охоту“ на гладких китов и других животных Патагонии, я хочу дополнить рассказ отрывками из личных „Дневников“, которые вели многие аквалангисты. По ежедневным записям легче понять, сколько трудностей стоит за каждым начинанием, и легче почувствовать радость побед.

„Лагерь у затопленного арройо“ . . . Сильнейшая гроза мгновенно наполнила русло водой, и бушующий поток чуть было не унес палатки и снаряжение.

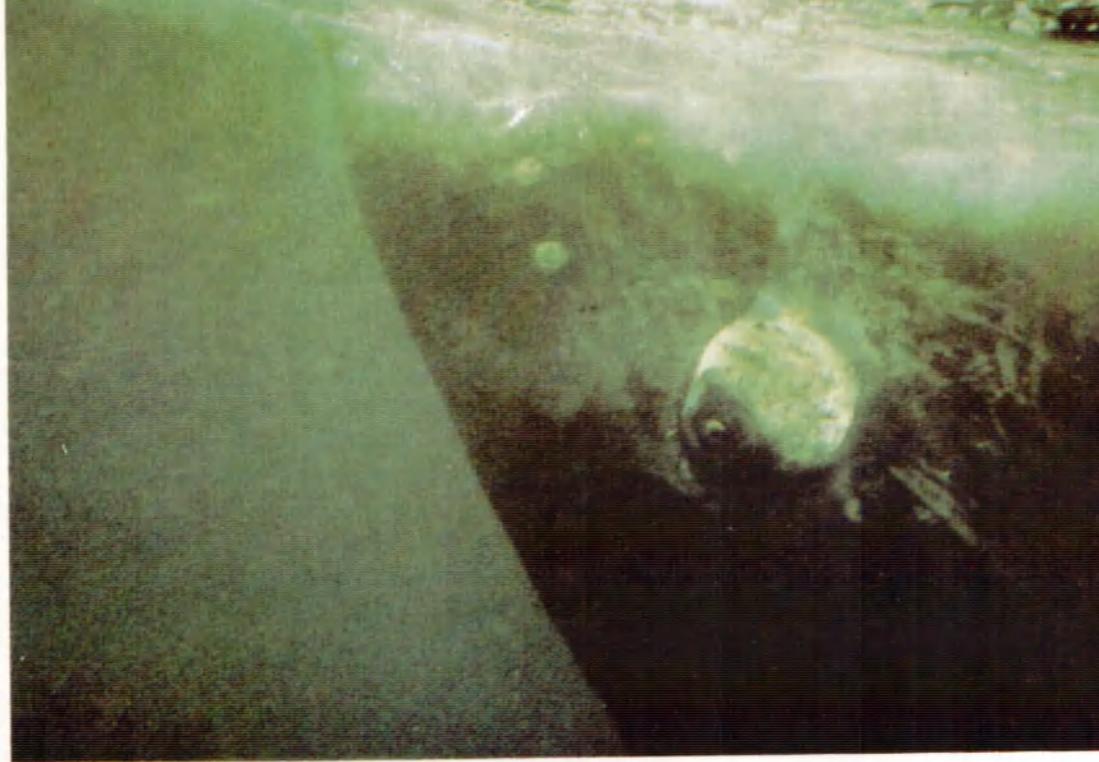
„У самой поверхности, — говорит Альбер Фалько, — на меня смотрит кит . . .“ Над крохотным глазом кита полукруглый белый кожный нарост.

„Кто посмеет утверждать, встретив в прозрачной воде взгляд кита, что эти животные не обладают разумом?“ — спрашивает Филипп.

Киты: вид сверху
(„Дневник“ Фалько)

«11 ноября. Вот уже почти месяц, как Филипп со своим передовым отрядом изучает фауну Вальдеса. Мы на „Калипсо“ давно пришли в назначенное место, но из-за шторма вынуждены бездействовать. Только сегодня судно возвращается в залив Сан-Хосе. Паша с Филиппом и большей частью отряда — в лагере у пересохшего арройо. А мне поручено провести целый ряд рекогносцировочных полетов. Забираюсь в вертолет и сажусь рядом с Бобом Маккиганом. Мы не собираемся облетать залив Сан-Хосе — нам и так известно, что киты там есть, нас интересует залив Гольфо-Нуэво, где их встречали реже.

Оставив позади Пунта-Пирамидес, то есть едва оказавшись над целью, мы замечаем первое стадо китов. Боб подлетает к нему как можно ближе. Китов всего пятнадцать особей, и с ними нет ни одного малыша. Мы очень рады, что сразу наткнулись на эту группу. Однако сколько затем мы ни кружили над заливом, больше ни одного стада обнаружить нам не удалось. Отчаявшись, берем обратный курс на залив Сан-Хосе,

но теперь идем вдоль атлантического побережья полуострова. Внизу под вертолетом бушует море, сильные порывы ветра вздымают огромные волны. На пляжах и скалах отдыхает довольно много морских слонов и южных морских львов. При звуке винтов вертолета бросаются врассыпную небольшие колонии пингвинов и белобрюхих бакланов.

Вот мы снова оказываемся над заливом Сан-Хосе и сразу же замечаем несколько групп гладких китов, одна из них состоит из десяти самок, и каждая с детенышем. Некоторое время забавы ради следуем за этими поразительными морскими яслями... Залив Сан-Хосе, являясь излюбленным „местечком“ китов, — отнюдь не идеальное „местечко для съемок“. Вода в нем мутно-зеленая (думаю, из-за обилия микроскопических водорослей). Видимость здесь всего 3 м. Так что если мы хотим получить хорошие кадры с изображением наших 15—18-метровых друзей, снятых общим планом, лучше заниматься съемками в заливе Гольфо-Нуэво, где вода значительно прозрачнее...

Киты поистине великолепны. Если смотреть с неба, они похожи на большие веретена темно-серого или темно-синего цвета (в зависимости от освещения), которые медленно движутся в воде под неторопливый, но мощный ритм громадного хвостового плавника.

На обратном пути, сами не понимая, как это случилось, попали в редкостной силы грозу. Боб почти ничего не видит. Он вынужден снизиться на высоту ниже 50 м над поверхностью моря и вести вертолет, так сказать, при свете молний... Однако держится он уверенно. А я, наверное, позеленел от страха. Интересно, как мы погибнем — от удара молнии или утонув в бушующем море? Но Боб, проявив потрясающее хладнокровие, выбирается из грозы. Мне кажется, он ориентируется в воздухе не хуже, чем почтовый голубь. Десять минут мы блуждали в облаках на грани гибели — и вот Боб находит „окно“ и выводит вертолет из грозы на солнце.»

*С глазу на глаз с китом
(„Дневник“ Фалько)*

«12 ноября. „Калипсо“ покидает залив Сан-Хосе и, обогнув полуостров Вальдес, направляется к Пуэрто-Пирамидес, расположенному рядом с мысом Пунта-Пирамидес, в глубине залива Гольфо-Нуэво. Около полудня милях в пяти от нашей будущей якорной стоянки встречаем группу китов. Опознать вид нетрудно: фонтаны в форме латинской буквы „V“, спинного плавника нет и у каждого на голове *челчик*. Дует основательный юго-западный ветер, и волнение усиливается. Держим курс к группе китов. Один из них отделяется от стада и направляется к судну — понаблюдать за нами. Спускаем на воду зодиак. Я хватаю широко-

угольную 16-миллиметровую камеру, за мной в зодиак прыгает Кристиан Бонниси. Видимость лучше, чем в заливе Сан-Хосе, но все же далеко не идеальная — 6—8 м. И вода зеленая... Минута-другая — и кит уходит восвояси.

„Калипсо“ пускается в погоню за одиночными гладкими китами — и в течение трех часов мы видим лишь их хвосты и фонтаны! Но вот часа в четыре пополудни замечаем неподалеку четырех китов, занятых, по всей видимости, увлекательным делом — любовным ухаживанием. Зодиак снова на воду, мотора не включаем — ждем, пока нас отнесет ветром к китам, как делаем всегда в подобных обстоятельствах. Прыгаем в воду. И оказываемся... прямо посреди квартета исполинов, только что всплывших на поверхность, чтобы отдышаться! Взаимное удивление китов и аквалангистов не поддается описанию... Наверное, вид у нас под масками совершенно остолбеневший... Киты же смотрят на нас (как нам кажется) с большим любопытством, но без малейшей тени страха или агрессивности. „Застрять“ вот так между четырьмя гигантами, каждый из которых весит в 500 раз больше тебя, — ощущение неповторимое в своем роде! Но киты ведут себя удивительно спокойно. Ни одного нетерпеливого или раздраженного движения, ни одного удара плавником, чтобы оттолкнуть нас, — ни одного угрожающего взмаха хвостом... А ведь между нашими видами идет тяжелый спор. Если бы китам было ведомо то чувство, которое мы вкладываем в слово „месть“, они расправились бы с нами в одно мгновение.

Четыре кита, стараясь не задеть нас (не знаю, „сознательно“ ли это они делают, но мы действительно не рискуем ни малейшей царапиной), продолжают заниматься своим увлекательным делом. Мы находимся слишком близко от места действия и поэтому не можем понять его общий смысл — как Фабрицио на поле Ватерлоо¹, а потому снимаем все подряд: глаза, губы, обнимающиеся *руки* и колышущиеся в зеленой воде хвосты... В этих игрищах принимает участие добрая дюжина дельфинов, и каждый раз, проплывая мимо, они приветствуют нас.

Трижды заряжаем камеру новой пленкой. Около пяти часов совершенно без сил возвращаемся на борт. Вечером за ужином собираемся все вместе — вертолет „подобрал“ и доставил на борт „Калипсо“ разбросанные по полуострову отряды наших исследователей. Допоздна обмениваемся рассказами про китов.

13 ноября. Небо пасмурное, слабый юго-восточный ветер. „Фонтан!“ в заливе Гольфо-Нуэво. „Калипсо“ тут же снимается с якоря и направляется в его сторону. Но начинается дождь, и кит теряется в серой дымке... Когда дождь кончается, мы замечаем, как нам повезло: непо-

¹ Имеется в виду главный герой романа Стендаля „Пармская обитель“. — Прим. пер.

Кожные наросты гладких китов, снятые крупным планом; у разных особей они разные. Немного практики — и по ним можно научиться легко отличать одного кита от другого.

далеку от судна в сопровождении дельфинов плывет целая группа китов. Мигом надеты гидрокостюмы — и мы готовы. В половине десятого спускаем на воду два зодиака. В первый прыгают Иван Джаколетто, Франсуа Дорадо (с фотоаппаратом) и Раймон Коль (с широкоугольной 35-миллиметровой камерой), а во второй — капитан Бугаран, Кристиан Бонниси (с 16-миллиметровой камерой) и я (с широкоугольной 16-миллиметровой камерой).

Вскоре становится ясно, что киты идут к тому же месту, где мы вчера снимали четырех исполинов, — то есть к самой глубокой части залива Гольфо-Нуэво, где глубины достигают 150 м. У китов в разгаре брачная церемония. Совершенно спокойно подплываем к ним под водой. Надо только стараться не попадать в мощные водовороты, которые возникают во время их забав. Входим в круг, где уже плавают десятки дельфинов. Что они здесь делают? Пришли ли они просто из „любопытст-

ва”, как мы, или их привела сюда какая-нибудь причина биологического порядка?

Вокруг нас сплошные буруны белой пены, перед нашими глазами проплывают огромные бока китов, мелькают шероховатые кожные наросты. В течение секунды на нас пристально смотрит крошечный умный глаз, еще секунда — и мы видим лишь две широкие хвостовые лопасти, которые, удаляясь, мерно колышутся в мутной воде. Насколько можно судить, мы присутствуем при спариваниях — недолгие объятия живых гор, открытые влагалища самок и поднятые, как длинные шесты, половые члены самцов . . .

К половине одиннадцатого любовный пыл китов охладевает, и они удаляются, а одна из самок, почему-то к нам привязавшаяся, остается. Море совершенно успокоилось. Светит солнце. Китиха лениво плавает на поверхности. Я могу погладить ее бока, ощупать плавники, заце-

питься за хвост, рассмотреть обитающих на ней паразитов, полюбоваться огромной пастью и чуть ли не пересчитать сомкнутые пластины усов... Китиха позволяет мне дотронуться до толстой губы, и вот — мы добрые полминуты в упор смотрим друг на друга (она — одним левым глазом!)... Китиха проводит с нами примерно полтора часа. И эта „беседа“ прерывается только по нашей вине: шлюпка с „Калипсо“, в которой Пино и наш сегодняшний гость аргентинский лейтенант Николас везут нам новые киноплёнки и баллоны со сжатым воздухом, дрейфуя, нечаянно больно задела китиху за хвост. Испуганная китиха, внезапно выведенная из дремотного состояния, резко поворачивается и одним движением хвоста сминает гребной вал подвесного мотора — мощного 40-сильного двигателя! Идиллия кончилась. Китиха безвозвратно исчезает.

Во второй половине дня невозможно подойти ни к одному киту, хотя на горизонте полно фонтанов. Может, их беспокоит поднимающийся юго-восточный ветер? Не уверен. А вот что среди групп китов нет ни одного дельфина, — это точно. Может, киты терпят нас, только когда рядом их меньшие братья — зубатые киты? Может, они считают нас, аквалангистов, странными дельфинами с большим стеклянным глазом и украшенной желтыми полосами кожей?

В половине шестого ветер уже такой сильный, что это просто нечестно. Возвращаемся на стоянку в Пуэрто-Пирамидес.»

Левнафаново брюхо
(„Дневник“ Фалько)

«14 ноября. Кристиан Бонниси, Раймон Коль, Колен Мунье и я на зодиаке в северной части Гольфо-Нуэво, ветер 3 балла... Сегодня киты, кажется, не явились на место встречи. Вот уже час мы безрезультатно занимаемся их поисками. Но, возвращаясь вдоль берега, милях в десяти от Пунта-Пирамидес наконец встречаем стадо... Радость длится недолго: ветер крепчает, и мы вынуждены бросить китов и укрыться за мысом Нью-Хэд.

Клянем судьбу, и вдруг — о счастье! — замечаем, что наше убежище избрала и китиха с китенком. Малышу самое большее неделя или две. Мать и дитя медленно плывут бок о бок, почти у самого берега: вероятно, китиха даже задевает брюхом дно. Думаю, я могу утверждать, что мамы-китихи так близко держатся берега, чтобы уберечься от косаток, — мы только что видели, как несколько этих крупных дельфинов разрезали воду залива своими высокими спинными плавниками... Колен Мунье лихорадочно снимает нашу пару, пока внезапно киты по известной лишь им причине не покидают нас. Догнать их нам не удалось.

Через несколько минут, возвращаясь на „Калипсо“, делаем небольшой крюк, чтобы обследовать косу, которая и представляет собой мыс Пунта-Пирамидес. Это плато овальной вытянутой формы, примерно 300 м на 80, покрытое окаменевшими раковинами устриц. На самом конце косы на берегу поджидает добычу огромный черный паук. У основания косы находим целые залежи обработанных индейцами черных и красных кремней.

Однако мы устали. Вечером заметно похолодало. В 20.30 все уже лежит по своим койкам в каютах.

15 ноября. Погода такая же, как вчера. Ветер 18—22 узла. „Калипсо“ держит курс к мысу Пунта-Корморан, который, как это видно из названия¹, является местом сбора бакланов. Но нам не пришлось наблюдать за этими птицами. Мы вынуждены спешно уйти в укрытие: вот-вот начнется сильный шторм.

Около половины шестого Пино замечает недалеко от нас кита, который, кажется, прямым ходом идет на берег. Хотя нас болтает на волнах, как пробку, подплываем к нему на зодиаке, и Колен Мунье снимает его среди морской пены и валов.

Вернувшись на „Калипсо“, встречаемся с другим отрядом исследователей — они работали на суше и привезли, кроме находок, замечательно вкусные мидии. Для доктора Дюги, который сменил доктора Агуайо, это была первая вылазка. Доктору сразу же повезло: ему удалось почти вплотную подойти к великолепному самцу морского льва и сопровождавшим его изящным самкам и снять их в самых разных ракурсах. Кроме того, он нашел на пляже скелет кита. И, что печальнее, по словам его спутника Доминика Сюмьяна, на обследованном участке они обнаружили десятки мертвых пингвинов. „На каждые три метра по пингвину“, — уточняет Сюмьян. Что это: эпидемия или последствия сильного местного загрязнения?

В половине седьмого температура воздуха 11 °С. В каютах „Калипсо“ включены радиаторы: вечером после тяжелейших вылазок тепло — наша награда за труды.

16 ноября. Голубое небо, полный штиль. В шесть часов утра кофе на скорую руку — и за работу! Совсем рядом, в нескольких метрах от пляжа, напротив которого „Калипсо“ стояла ночью на якоре, резвится группа китов. Осторожно подбираемся к ним на зодиаках, бесшумно дрейфуя по ветру. Сначала животные проявляют некоторое беспокойство, но нам все же удается проникнуть в их ряды. И именно это подводное погружение останется моим лучшим воспоминанием о Вальдесе: я лежу на песчаном дне, надо мной проплывает огромное мягкое брюхо кита, на котором играют серебристые и золотистые блики света, отра-

¹ Cormoran (исп., фр.) — баклан. — Прим. перев.

Киты весьма миролюбивы . . . Никакой враждебности между китом и аквалангистом — только взаимное любопытство, а может быть, доброжелательство и восхищение?

Самец и самка плывут бок о бок, нежно „разговаривая“, прежде чем приступить к брачным играм в заливе Сан-Хосе.

Самец повернулся на бок и обнял самку (на фотографии ее не видно) обоими плавниками.

женного ото дна. Сказочное видение, которое длится всего несколько секунд . . .

Около девяти киты берут курс в облюбованный ими район — глубокую часть залива Гольфо-Нуэво. Они то и дело ныряют, проводя под водой по несколько минут, мы окончательно теряем их из вида.

Становится все холоднее: к одиннадцати лица и руки аквалангистов, сидящих в зодиаке, заметно синеют . . . В час я отправляю всех на „Калипсо“, а мы с Коленом Мунье снова уходим в залив. И не зря! Ибо вскоре встречаем группу из восьми китов, как раз занятых работой по продолжению вида . . . Вскипающая пена, мгновенные столкновения громадных тел, поглаживания плавниками, ласковые толчки мордой, поцелуи и объятия — увлеченные великолепным зрелищем, мы забываем о холоде. Расстаемся с китами нехотя и только потому, что, увы, кончился воздух в баллонах.

Вечером — сильное волнение. На ночь „Калипсо“ уходит на рейд Пуэрто-Мадрина. Через три дня мы снимемся с якоря и отправимся за южный полярный круг.»

Заигрывания
(„Дневник“ Филиппа)

«(Дата не указана.) Чем больше я имею дело с китами, тем чаще думаю, что они обладают счастливым характером. Наш зодиак в очередной раз входит в самую гущу собрания китов, и, как всегда, мы чувствуем себя в полной безопасности. Мы с Жаком Делькутером погружаемся в воду, а Ги Жуа, оставшийся на борту лодки, записывает тысячу и один звук, который производят изучаемые нами громадины. На поверхности слышится лишь мощное сопение, сопровождающее вдохи-выдохи. Но, опустив гидрофоны под воду, Ги Жуа улавливает и записывает на магнитной ленте тысячи разных шелчков, тресков, ударов, гортанных звуков, модуляций на одной ноте и т. д. — словом, настоящий концерт конкретной музыки. Она не столь выразительна, как у горбатых китов — чарующих морских сирен. Тем не менее в ней есть своя „фразировка“, ритм и мелодия, подтверждающие, что эти звуки производятся отнюдь не случайным образом. Когда слушаешь, как два кита поочередно, один за другим издают звуки, невозможно удержаться от мысли, что они разговаривают... Некоторые звуковые сигналы служат китам для целей эхолокации: кит посылает пучок сигналов определенной частоты и вернувшееся эхо позволяет ему обнаруживать на пути препятствия или пищу. (В таких мутных водах, как в заливе Сан-Хосе, подобный метод „навигации на слух“ просто незаменим.) Но эхолокацией дело не ограничивается. Киты издают и другие звуки, которые играют роль *языка*. Я не берусь утверждать, что китам доступно *понятийное мышление* — для этого у меня недостаточно доказательств. Однако сам я, пожалуй, думаю именно так. Слушая китов, приходишь к выводу, что они ведут между собой длинные переговоры. Те, кто выполняет в стаде роль „лидеров“, по-видимому, дают сородичам „указания“ относительно маршрутов миграции, кормежки на планктонных пастбищах или сборов в определенных районах для продолжения вида. Все киты прекрасно умеют оповещать друг друга о приближении моторной лодки или стаи косаток. Матери ведут с детьми связные беседы (которые, возможно, являются подлинными начатками воспитания). Я уже не говорю о том, как раненые киты призывают товарищей на помощь, или о том, каким любопытным способом они порой уходят от китобоев: какой-нибудь кит на виду у корабля плывет в одну сторону, а остальные, нырнув под воду, тем временем спасаются бегством прямо в противоположном направлении...

Оставляем Ги Жуа наедине с его проводами и наушниками и начинаем подводные кино съемки. Освещение сегодня отличное — дело только за нами.

Внезапно Делькутер знаками подзывает меня к себе. Ему удалось

вплотную подплыть к одной китихе спереди, и он ласково почесывает ей чепчик, стараясь снять с него часть паразитов (китовых вшей величиной с полногтя). Но вдруг китиха рванулась в сторону, хотя казалось, что ей приятны заботы Делькутера. Еще секунда — внушительный вдох, и китиха ныряет в глубину, оставляя за собой в зеленой воде огромные воронки и серебристые пузырьки воздуха. Нас, словно две пробки, крутит вверх тормашками в водоворотах. Однако мы целы и невредимы, китиха не задела ни одного из нас. Возвращаемся на поверхность и сразу же понимаем, что случилось. Киты, среди которых мы плавали и которые вели себя очень спокойно, вдруг как будто впали в любовное неистовство. И „наша“ китиха ушла под воду по той причине, что два самца, ничуть не скрывая своих намерений, хотели оказать ей честь, хотя и не получили на то разрешения.

Но самка пока не готова. Скажем, допуская некоторую долю антропоморфизма *, что она „кокетничает“. Она изяшно скользит в толще воды перед кавалерами, но, когда они приближаются к ней, устремляется к поверхности и ведет их напрямиком на отмель, где ложится брюхом на дно — тем самым сводя на нет попытку к спариванию. Потаскав за собой китов в нескольких метрах от берега, китиха возвращается на более глубокую воду, но все еще не проявляет готовности к спариванию. Она бросается из стороны в сторону, потом переворачивается на спину — в таких условиях два кавалера никак не могут продвинуться в своих ухаживаниях. В отличие от некоторых других крупных китообразных, южные киты совокупаются, когда самка на поверхности плывет на брюхе, а самец, набрав солидную порцию воздуха, подныривает под нее брюхом вверх.

Однако самка не может все время плыть на спине. Рано или поздно она перевернется, хотя бы затем, чтобы вдохнуть воздуха. Именно так и поступает красотка, за которой мы наблюдаем. Более предприимчивый самец тотчас поднимается к ней, осторожно гладит ей брюхо плавником и пытается ввести во влагалище половой член, находящийся в состоянии эрекции.

Как видно, самка все более поддается доводам (обаянию? уговорам? ласкам? натиску?) поклонника. Второй самец как будто сознает, что у него осталось мало шансов. Он хотя и продолжает плавать вокруг пары, но ведет себя все менее решительно.»

Гигантский цветок
(„Дневник“ Филиппа)

«Теперь новоиспеченная парочка (а может, они старые супруги) приступает к выполнению великолепных акробатических — или любовных

— фигур. Эти фигуры приведут китов как раз в то состояние, к которому стремится привести их природа. Самка плывет на брюхе, самец несколько раз проплывает под ней, поглаживая область ее гениталиев. Она ложится на бок — он поворачивается к ней и крепко обнимает ее плавниками. Когда самец отпускает красотку из объятий, она внезапно ныряет вниз головой, строго вертикально, взмахнув в воздухе только огромным хвостом; то же самое проделывает и партнер; и мы в течение трех-четырех секунд присутствуем при этом поразительном *lobtailing*, исполняемом дуэтом. К моменту завершения подводного гимнастического номера влюбленные достигают необходимой степени возбуждения. Впервые в мире мы наблюдаем и снимаем на пленку соединение морских левиафанов. Совокупление (самка сверху, самец снизу) длится не более полуминуты. Но эти два сорокатонных тела, словно сросшиеся брюхом и мерно плывущие в толще зеленой воды, представляют поистине величественную картину . . .

Хотя конечный акт любви краток, в целом свадебный обряд южных китов занимает много времени. Когда мы смогли наконец оторваться от наблюдения, оказалось, что воздух в баллонах кончился.

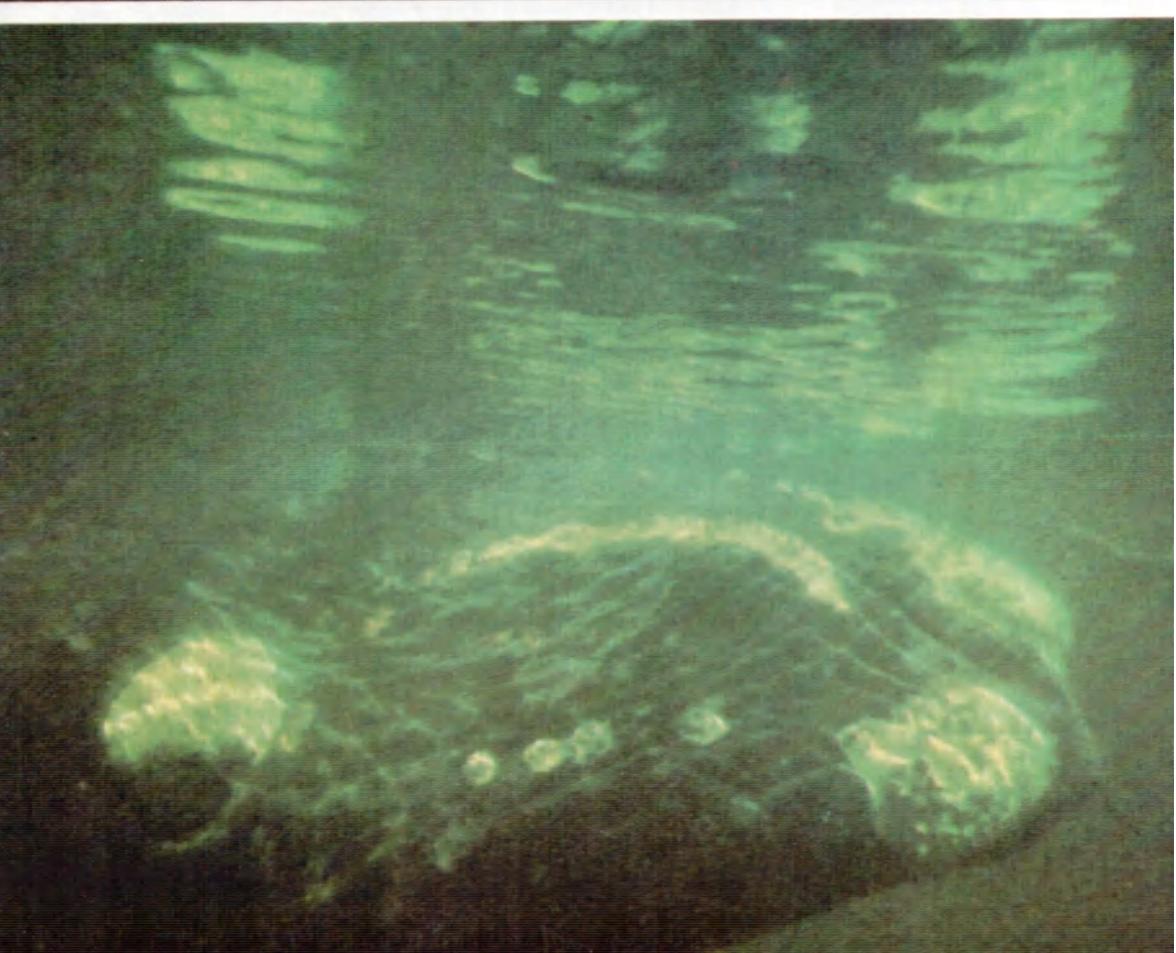
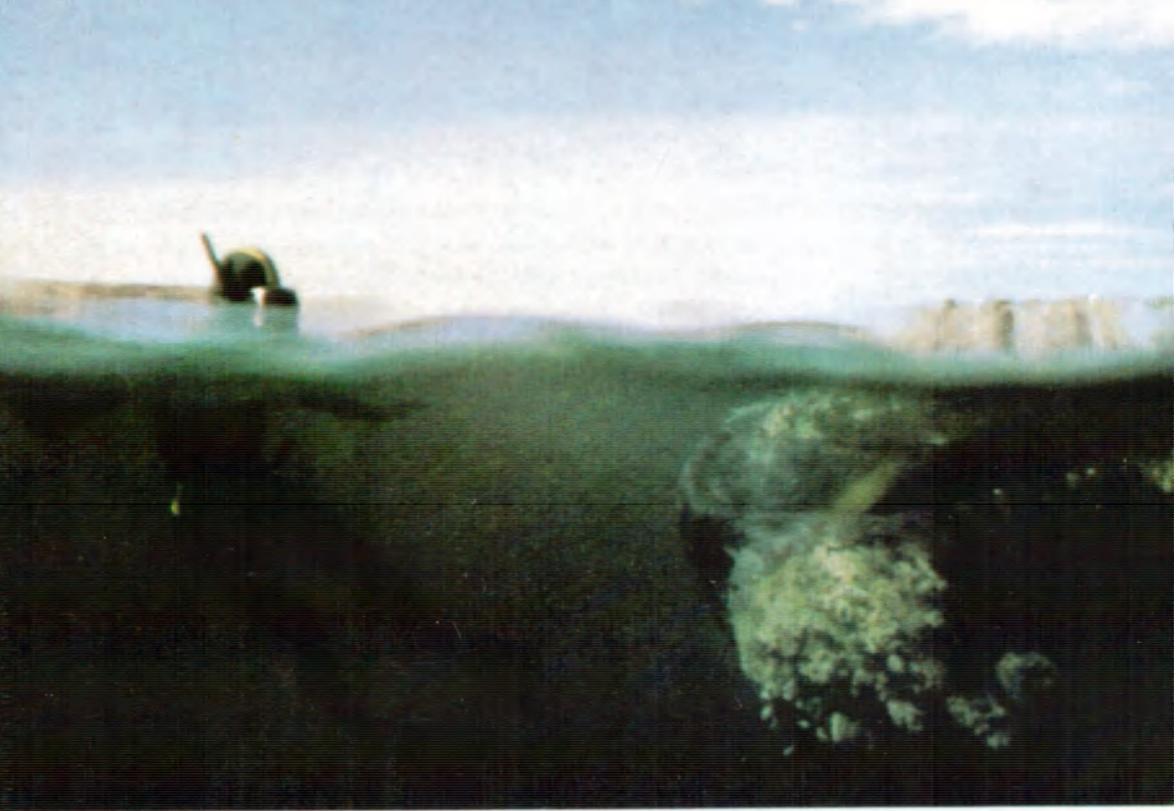
Забираемся в зодиак, где нас ждет Ги Жуа, и в это время над головой раздается шум винтов — это пролетает над нами вертолет с „Калипсо“. Франсуа Шарле хочет сделать хорошие снимки китов с воздуха, поэтому он не нашел ничего лучше, как прикрепить к дверцам вертолета резиновые амортизационные ремни и повиснуть на них над водой! Представляю, как ликует Франсуа, — позиция для фотографа действительно идеальная.

В ту минуту, когда я уже решаю было, что на сегодня с морскими наблюдениями покончено, случай распорядится по-своему. В нескольких метрах от лодки пронесится китиха, которую преследуют даже не два, а три самца . . . У меня кончился сжатый воздух, но за этим дело не станет! Спешно снимаю пустые баллоны, хватаю на ходу камеру, прыгаю в воду и вплавь, как одержимый, преследую квартет китов. Они идут с поразительной скоростью, и через минуту я уже выдыхаюсь. К счастью, они ушли недалеко. Зато как я вознагражден за усилия!

Самка резко ныряет, за ней следуют все три претендента. Я ныряю за ними вниз головой. Здесь глубоко, вода необычного зеленого цвета, то с синеватым, то с желтоватым оттенком. Головокружительное погружение приводит меня в середину *гигантского цветка*: наклонные тела кра-

У Филиппа кончился воздух в акваланге; он прыгает в воду с обыкновенной дыхательной трубкой и будет плыть следом за китом, пока у него хватит сил.

У самой поверхности голова огромного кита, снятого в профиль, как будто играет с бликами света.

сотки и ее кавалеров головами вниз слегка колышутся, наподобие лепестков огромного погруженного в воду венчика цветка. Вся сцена освещена каким-то потусторонним светом . . . Самый маленький самец, видимо, слишком молодой и неловкий, выходит из состязания. А остальные двое распаяются еще сильнее. Влагалище китихи раскрывается, словно чашечка цветка. Оба поклонника с обеих сторон направляют туда половые члены, находящиеся в состоянии эрекции . . . Половые члены китов — две длинные бледно-желтые тычинки — хаотично тычутся в брюхо самки. Наконец один из них нащупывает открытое половое отверстие и входит в него. Цветок, состоящий теперь только из двух лепестков, мгновение трепещет, будто под напором ветра, — и распадается.

Нырять за китами, я автоматически включил кинокамеру. И когда потом я буду просматривать текущий съемочный материал этого эпизода, то обнаружу, что в общей сложности он длится чуть более тридцати секунд. А тогда мне казалось, что прошла целая вечность.

К тому времени, как Ги Жуа и Жак Делькутер вытащили меня из воды, всеобщий любовный пыл в стаде угас. Но мы не в силах уйти отсюда — нас околдовал этот уголок океана и любовные игры исполинов, и мы продолжаем дрейфовать рядом с китами, пока на залив не опускается темнота.

Примечание. Только что я утверждал (как я понял, перечитав написанное), что южные киты спариваются в единственном положении — на поверхности воды, самка сверху, самец снизу. Об этом я читал и это же наблюдал на первых порах. Но случай с „гигантским цветком“ доказывает, что эротические приемы китов гораздо разнообразнее, чем предполагалось . . .»

Морские сепараторы

Отрывки из „Дневника“ Фалько, как и выдержки из „Дневника“ Филиппа не могут отразить все стороны жизни южных китов.

Чтобы немного дополнить репортаж отряда „Калипсо“ „с места событий“, я кратко изложу некоторые имеющиеся сведения о китообразных. Нет нужды подчеркивать, что все эти знания фрагментарны, хотя их „открыли“ нам такие видные ученые, как доктор Пэйн, доктор Агуайо и доктор Дюги. С китами случилось то же, что со многими другими видами: первыми явились охотники — и потому популяция южных китов была истреблена почти полностью. А натуралисты уже были вынуждены обходиться тем, что оставалось — если хоть что-нибудь оставалось.

Южные киты, как все китообразные, великолепно приспособлены

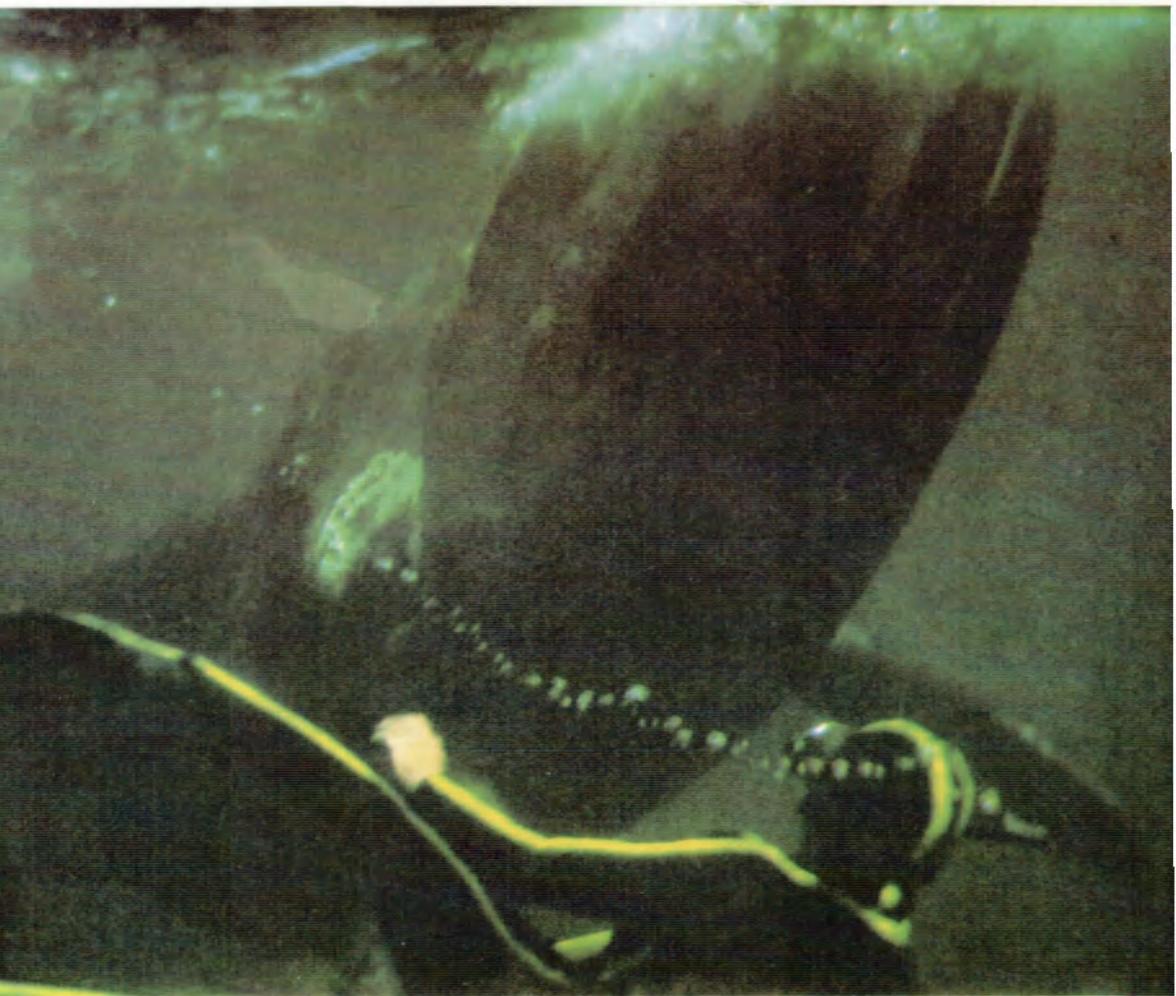
к жизни в открытом море. Обтекаемое тело, превратившиеся в ласты передние конечности, отсутствие задних конечностей и широкий плоский хвост делают южных китов великолепными пловцами. За счет вертикальных колебаний хвостовых лопастей, которые приводятся в движение мощной мускулатурой тела, киты могут развивать довольно большую скорость. При этом ласты помогают китам поддерживать равновесие в воде и делать повороты (кроме того, они обеспечивают терморегуляцию, а также позволяют . . . обнимать детеныша, подругу или любимого). Несмотря на замечательную приспособленность к жизни в море, представители семейства гладких китов плавают совсем не так быстро, как полосатики, косатки и другие дельфины. Их обычная скорость — порядка 3—4 узлов (примерно 6—7 км/ч), а максимальная скорость, которую они могут развивать на короткие дистанции, достигает 12—18 узлов (примерно 21—32 км/ч). Легкая добыча для гарпунщиков . . .

Гладкие киты дышат через дыхало — парные наружные ноздри, чем и объясняется характерная V-образная форма фонтана, достигающего 4—5 м в высоту. Дыхание китов вовсе не зловонное, как говорилось и писалось раньше. Филипп, не раз попадавший под фонтаны южных китов (и других представителей китообразных), говорит, что у этих фонтанов „тонкий, слегка мускусный запах“. О смрадном дыхании говорят китобои, друзья же китов это оспаривают, поэтому я думаю, что только у смертельно раненных китов фонтаны пахнут дурно . . . В этом есть своя логика!

Нырнув, гладкие киты проводят под водой в среднем четыре-пять минут. Но уходящие от опасности киты могут оставаться под водой гораздо дольше — в случае смертельной опасности, по крайней мере, минут сорок. Глубже чем на 150 м киты, видимо, не погружаются, да и это утверждение пока точно не доказано. Как все китообразные, под водой гладкие киты ориентируются при помощи осязания (видоизмененная „рука“ все же очень чувствительна ¹⁾, при помощи обоняния (хотя некоторые утверждают, что у китов оно полностью атрофировано), при помощи зрения, но главным образом при помощи слуха — посылая, как *сонар*, сигналы и эхолоцируя препятствия и добычу.

В процессе еды южные киты действуют в точности, как „сепараторы“: медленно пlying среди планктона, они отфильтровывают его от воды. Во время трапез скорость китов заметно снижается: выталкиваемая изо рта движением челюстей вода создает турбулентные завихрения, снижая тем самым гидродинамические свойства тела кита. Обратимся

¹ И все-таки основную роль в осязании играют сохранившиеся на голове усатых китов одиночные щетинковидные волоски — они выполняют ту же роль, что и вибриссы у наземных млекопитающих. Южный кит, например, с их помощью обнаруживает скопление крошечных рачков не только днем, но и ночью. — *Прим. ред.*

Филипп погружается в зеленую воду, от его акваланга кверху поднимается цепочка серебристых пузырьков. Китиха, за которой погнался сначала один, а затем второй самец, готовится нырнуть.

Филипп следовал за китами почти до самого дна. Один из китов, шишковатая, покрытая паразитами громадина, плывет прямо на него . . .

к автору прошлого века Бенедену¹. Вот как он описывает трапезу кита: „Встретив съедобное скопление, кит раскрывает пасть и медленно плывет; вода попадает в пасть, нижняя челюсть поднимается, губы смыкаются, язык тоже поднимается, и вода выдавливается через пластины китового уса; скопившаяся же во рту пища образует комок, поступающий в пищевод“.

У южных китов, как и у всех китообразных, желудок состоит из четырех отделов. Что же в него попадает? В основном тонны криля — животного планктона, состоящего из многочисленных видов ракообразных. С каждым глотком в чреве кита исчезают тысячи и тысячи организмов величиной с насекомое . . . Однако, чтобы подобный аппетит не показался чрезмерным, сравним его с размерами животных. И тогда он представится куда более скромным. Крупный кит за год поглощает пищи в четыре раза больше собственного веса, человек за такой же период — в 12—15 раз больше, а воробей — в 200—300 раз . . .

В течение года киты, как правило, устраивают перерывы в еде. Летом они откармливаются в богатых планктоном полярных водах, „нагуливая жирок“, а зимой и в начале весны — то есть в сезон размножения — фактически перестают питаться. Некоторые виды совершают ежегодный большой переход (летом — из средних широт к полюсам, а осенью — в обратном направлении) по строгим миграционным маршрутам, которые хорошо известны зоологам (и, увы! китобоям). С южными же китами дело обстоит иначе: все знают, где они размножаются зимой и весной, но никто не знает, куда они отправляются летом и осенью. Бискайские южные киты в Северной Атлантике не поднимаются выше 60° северной широты (севернее обитают гренландские киты). Тех же правил, видимо, придерживаются и австралийские южные киты *mutatis mutandis*² — в южном полушарии они не заплывают южнее 60-й параллели.

И тут возникает вопрос. Крилем богаты только субполярные воды, в которых южные киты не бывают, следовательно, у китов есть и какие-то другие источники питания. Но какие? На этот счет мы располагаем только сведениями, которые содержатся в трудах старых авторов. Граф де Ласепед³ — один из тех авторов, чьи сочинения отличаются весьма точными и достоверными фактами и наблюдениями, и, кроме того, человек, поистине влюбленный в китов, — указывает, что бискайские киты

¹ Бенеден, Пьер Жозеф (1809—1894) — крупный бельгийский биолог. Известен работами по общей биологии, изучал жизнь китообразных и их морфологию; один из соавторов капитального труда „Остеография китообразных“ (1880). — *Прим. ред.*

² *Mutatis mutandis* (лат.) — внося необходимые изменения. — *Прим. перев.*

³ Ласепед, Бернар Жермен (1756—1825) — французский натуралист, продолживший многоотомное издание Ж. Бюффона „Естественная история животных“. В 1804 году в очередном (37-м) томе дал полное для своего времени описание китов и дельфинов. — *Прим. ред.*

объедаются рыбой, в частности тресковыми (треской, пикшей, мерланом, хеком), скумбриевыми (макрелью) и сельдевыми (сельдью, сардинами, шпротами).

Нередко случалось, говорит граф де Ласепед, что китобой извлекали из желудка убитого кита до тонны только что проглоченной сельди.¹

Интеллект

После описания радостей гастрономических перейдем к радостям чувственным, радостям общественной жизни и радостям „интеллекта“ . . .

Семенники самцов китообразных скрыты в брюшной полости, позади почек; у гладких китов их длина составляет 30—35 см, а вес — 15—20 кг. Однако они вырабатывают сперматозоиды меньших размеров, чем семенники человека . . . Половой член морских исполинов — предмет разнообразных фривольных толков — составляет примерно одну десятую длины тела (то есть 1 м 80 см для 18-метровой особи) и имеет постоянную форму. В состоянии покоя он свернут в виде буквы S и находится в так называемой половой сумке* в горизонтальном положении. Когда начинается эрекция, половая сумка открывается в половое отверстие и он разворачивается самое большее на две трети. Половой член китов — орган фиброзно-эластичный, в отличие от полового члена человека, органа сосудистого.

У самок небольшое влагалищное отверстие расположено перед анальным отверстием: причем во влагалище различимы не только большие и малые половые губы, но также и клитор (уточняем для тех, кто может усомниться в наличии чувственного наслаждения у столь крупных животных). Овуляция провоцируется совместным действием нескольких эндокринных факторов, которые в свою очередь зависят от окружающих условий (температуры воды, освещенности и т. д.). По всей видимости, она блокируется лактацией, так что даже в идеальном случае самки гладких китов могут зачать малыша только раз в два года. (Низкая рождаемость не внушает оптимизма по поводу возможности восстановления сильно сократившихся популяций.)

¹ Достоверных сведений о том, что южные киты питаются рыбой, нет. Тонкобахромчатая структура китового уса вполне соответствует питанию только мелкими планктонными ракообразными. Старые же сведения об извлечении из желудков китов сельди, трески (и даже птиц), вероятно, следует отнести к другим видам — финвалу, горбачу. — *Прим. ред.*

На развороте: „Страстное“ (какое еще слово подобрать?) объятие гладких китов на поверхности. Иногда совокулление происходит именно в таком положении.

Не буду возвращаться к тому, как проходят брачная церемония и совокупление, которые подробно наблюдали Филипп, Фалько и их товарищи. Беременность длится примерно 12 месяцев. Самки выбирают для родов уединенное место с неглубокими и относительно теплыми водами. Как у всех китообразных, малыш появляется на свет хвостом вперед. При родах роженице помогает другая взрослая самка, которую шутливо называют „тетушкой“. Вес новорожденного составляет около 12% веса матери (то есть приблизительно 5 т для самки весом 40 т), а длина — одну четвертую длины матери (4,5 м для 18-метровой самки). Малыш получает молоко из двух молочных желез, расположенных у мамыши в паху в особых двух щелях (по бокам полового отверстия): в нем содержится в пять раз больше калорий, в десять раз больше жиров, в два раза больше белков, в четыре раза больше твердых веществ и в полтора-два раза больше минеральных веществ, чем в коровьем молоке. За семь дней китенок удваивает свой вес (теленок — за 47 дней, ребенок — за 180 дней) — явление исключительное среди животных, вынашивающих один плод. (Китиха, хотя у нее, как у большинства самок высших млекопитающих, матка двуорогая, вынашивает только одного детеныша.) Примерно с полгода китенок высасывает в сутки около 50 кг молока, на столько же прибавляет каждый день в весе и каждый же день вырастает на 3 см. Лактационный период заканчивается с прибытием на летние субполярные пастбища, где китенок должен как следует „запастись жирком“, чтобы благополучно перенести первую зиму.

Мать окружает малыша неусыпной заботой и ни за что на свете не бросает его. Китобои — увы! — прекрасно это знали. Уже в XVI веке Гийом Ронделе писал о самке бискайского кита: „По бокам у нее два больших плавника, она пользуется ими при плавании, а также прячет под ними своих детенышей, когда они напуганы (. . .) Самца поймать труднее, самку проще, особенно если она с детенышем, ибо в этом случае она пытается спасти его, а спастись самой ей уже не удастся“. В начале XIX века Ласепед сообщал следующее: „Самку этого вида убить легче, чем самца, когда она с детенышем: она так его любит, что никогда не бросит“. Однажды, сто с лишним лет назад, рыболовы-баски загарпунили где-то в районе Сан-Себастьяна малыша бискайского южного кита — тут же появилась мать, оборвала лить и освободила раненого детеныша; на следующее утро детеныша нашли мертвым недалеко от берега и отбуксировали его к порту; самка следовала за судном, а потом *шесть часов* ждала, несмотря на выстрелы, которыми ее отгоняли.

Подобное поведение — поддержка, помощь особи, находящейся в опасности, — отличает не только матерей, пекущихся о жизни своих детенышей. Это поведение свойственно членам стада в целом. Такое развитие первичного инстинкта, превращающегося уже в нечто почти „осознанное“, выливается, вероятно, в своего рода знание, а оно, в свою

очередь, предполагает наличие „языка“ — в той мере, в какой он требуется для предупреждения об опасности, ее „описания“, указаний о том, как ее избежать и т. д. Барон Кювье, известный естествоиспытатель, понимал это еще в прошлом столетии. Вот что он писал о морских исполинах: „Они склонны жить стадом, порой довольно большим; матерей связывает с малышами самая пылкая нежность, между некоторыми самцами и самками существует сильное чувство; все друг друга защищают, и нет никакого сомнения в том, что они помнят пережитые опасности, по едва уловимым признакам чувствуют их приближение и спасаются от них бегством“.

Никто не сомневается, что у китообразных огромный мозг — не только по абсолютным размерам, но и относительно размеров тела, как не сомневается и в том, что это обстоятельство является бесспорным доказательством наличия у них разума.¹ Однако в способности понимать, анализировать и делать выводы есть определенные градации. С этой точки зрения, усатых китов превосходят зубатые киты (кашалоты, дельфины, косатки). Но в общем и целом „интеллектуальный уровень“ китообразных (мы бы посчитали коэффициент умственного развития, будь у нас возможность провести тесты), видимо, чуть выше, чем у большинства других животных. . . Язык китообразных — это комбинация языка телодвижений („жестов“ — прыжки, различные способы плавания, знаки, подаваемые плавником и хвостом, ласки и т. д.) и звуков, а точнее — *звуковых импульсов*. И опять-таки это отметил еще граф де Ласепед: „Таким образом, можно было бы в буквальном смысле считать, что с течением времени и благодаря обществу себе подобных, а также благодаря непреодолимому влиянию тяжелых ощущений, постоянно обновляющихся впечатлений и длительных привязанностей китообразные приобрели некий несовершенный, но тем не менее достаточно явный зачаток языка в прямом смысле слова“. Работы современных ученых, за которыми я внимательно слежу, и выводы, сделанные на основе исследований отряда „Калипсо“ (мы изучали кашалотов, полосатиков, серых китов, горбатых китов², а теперь — и южных китов), подтверждают удивительную интуицию Ласепада. „Музыка“ китообразных — это организованная речь, которая обладает определенной структурой и достигает

¹ По степени цефализации (отношение массы мозга к массе тела), а тем более по абсолютным размерам мозга еще нельзя судить об уровне развития интеллекта у животных. Как раз именно по этому признаку киты занимают одно из последних мест среди млекопитающих (масса мозга относится у них в среднем к массе тела как 1 : 10 000: кгати, интересно заметить, что на одном из последних мест в этом смысле стоят и слоны). И только небольшие дельфины с массой тела около 100—150 кг по степени цефализации приближаются к человеку (1 : 35). — *Прим. ред.*

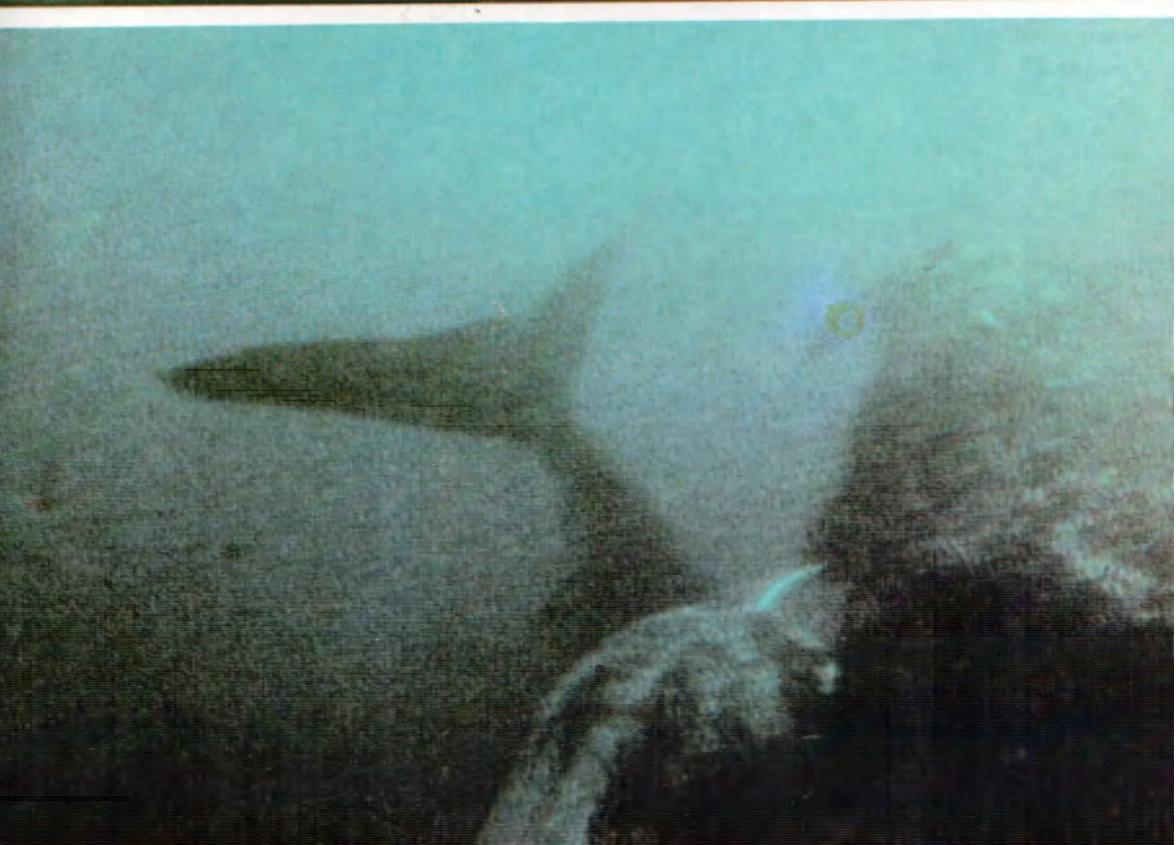
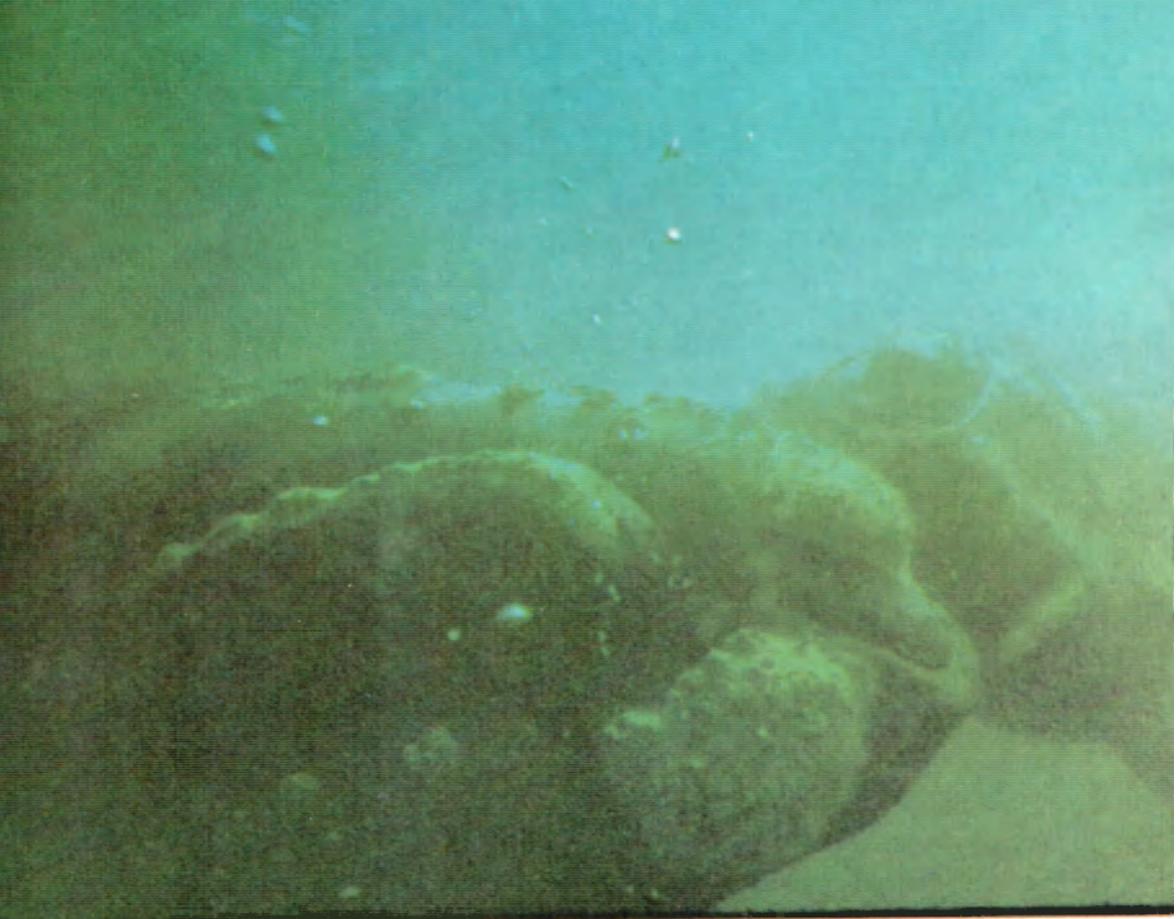
² О том, как изучались все перечисленные виды китообразных, Ж.-И. Кусто в соавторстве с Ф. Дюоле написана книга „Могучий властелин морей“, вышедшая на русском языке в издательстве „Мысль“ в 1977 году. — *Прим. ред.*

Филиппу удается не отставать под водой от самки, которую преследуют своими ухаживаниями два кита.

Вот „любовный поцелуй“ гладких китов Вальдеса . . . Потом киты повернутся друг к другу брюхом, чтобы соединиться и дать начало новой жизни.

Снимок, сделанный впервые в мире: подводное совокупление гладких китов: белесая дуга в центре фотографии — половой член самца в состоянии эрекции.

значительного уровня абстракции. Желаящие продолжить изучение этого языка столкнутся только с одним препятствием — исполины морей встречаются теперь исключительно редко. Может быть, среди морских животных у человека был единственный возможный собеседник, а он превратил его в масло для ламп. Самое же печальное состоит в том, что уничтожение китов продолжается — ради губной помады и консервов для собак и кошек.

часть вторая

ОГНИ НА БЕРЕГУ

море мрака

МИЛЛИОН ПИНГВИНОВ — ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ
УТКИ-ПАРОХОДЫ, ХОХЛАТЫЕ ПИНГВИНЫ
КОТИК С ДВУМЯ ШКУРАМИ
САМЫЙ ЮЖНЫЙ ГОРОД НА ЗЕМЛЕ

Всего несколько дней остается нам провести на Вальдесе. Киты уходят отсюда по одному и небольшими группами. Они покидают заливы Сан-Хосе и Гольфо-Нуэво, и члены команды „Калипсо“ грустят. Они прекрасно знают, что миграция для китов — важнейшее условие выживания, что на самом деле киты отправляются на пышную трапезу — на фантастическое пиршество из рыбы и планктона и что в это время года их неудержимо влечет на юг. Но все доводы разума тщетны: аквалангисты привязались к великолепным жизнерадостным животным, к этим ласковым левиафанам, к этим мирным чудовищам.

„Меня лично больше всего огорчает, — говорит Филипп, — что в открытом океане, покинув свое аргентинское убежище, киты становятся совершенно беззащитными. Да, конечно, официально убивать их запрещено с 1937 года. Но чего стоят рекомендации Международной китобойной комиссии*, когда нет реальной возможности проконтролировать добычу промышленяющих в море судов, когда повсюду процветает браконьерство и некоторые страны — члены вышеупомянутой комиссии — договариваются о передаче незаконной добычи государствам, не состоящим в ней?“

Почему на пороге 2000 года человечество, вступившее уже в эпоху

На втором этаже чайки, на первом — магеллановы пингвины: в богатых биотопах морей Южной Атлантики нет ни одной не занятой скалы, но разные виды никогда не путают свои „жилища“.

Этот лунный пейзаж — колония магеллановых пингвинов; вырытые в земле „кратеры“ — гнезда, которые пингвины поддерживают поколение за поколением.

постиндустриального развития, продолжает так интенсивно истреблять китов? Экономические выгоды от охоты на китообразных ничтожны. А все продукты китового промысла, даже знаменитый кашалотовый спермацет*, вполне можно заменить синтетическими веществами или производными из растительного сырья. Так в чем же тогда дело?

У меня есть довольно необычные объяснения этого факта. Вот, к примеру, одно из них. Я часто задумываюсь, не вызывают ли у людей — этих больших муравьев-трудяг, по полсутки растрчивающих силы на работе, в транспорте, перед окошками бюрократов, — не вызывают ли у них бешеную зависть свободные, как ветер, киты, которые лишь пять процентов времени отдают поискам пищи, а остальную часть жизни проводят в играх среди волн, любят друг друга, ласкают детей и ведут нескончаемые *эхолокационные беседы*. . . Как известно, зависть — мотив многих преступлений.

Но пусть даже люди более прозаичны, чем киты, — все равно, разве не следует осудить такой варварский и нелепый способ получения прибыли?

Миллион пингвинов

„Калипсо“ покидает побережье Патагонии. Впереди — путь длиною более тысячи километров. Мы берем курс на „далекий юг“, юг той самой Западной Атлантики, куда вслед за Магелланом столько поколений мореплавателей уходило, чтобы осуществить свою мечту или найти свою гибель. В этих краях даже метеорологические спутники не приходят на помощь морякам.

В самом „низу“ карты — крошечный уголок суши, от одного названия которого пробирает дрожь: мыс Горн . . .

Идем вдоль берегов Патагонии и лишний раз убеждаемся, что эта земля, которая, на первый взгляд, кажется такой однообразной, в действительности имеет тысячу разных ликов, и каждый по-своему интересен. Как каждую минуту здесь меняется цвет моря — то оно фиолетовое или зеленое, то лазурно-голубое или темно-синее! Как с каждой пройденной милей меняется облик побережья — то оно болотистое, то пестреет травами, то покрыто волнами дюн, то изрезано скалами; оно как будто стремится противостоять своим бесконечным разнообразием неизменности просторов пампы, подступающей к побережью.

Не менее многочисленны и разнообразны трудности и неудобства, которые поджидают путешественника в этих краях. Мы уже знаем, что такое климат Вальдеса, его внезапные сильные штормы, когда растения пригибаются к земле, а животные прячутся в норы, ибо ничто здесь — ни деревья, ни холмы — не преграждает путь шквалам (этот сумасшедший ветер с Анд просто валит с ног). И теперь заранее готовы к тому, что впереди нас поджидает много других неприятностей: влажный, пронизывающий до костей холод, ни на минуту не прекращающийся дождь, вечно затянутые туманом каменистые пустыни, внушающие страх обширные болотистые участки, где вязнешь, как в зыбучих песках.

На первом этапе плавания наша задача такова — выйти из залива Гольфо-Нуэво, обогнуть мыс Нинфас и, оставив позади устье Рио-Чико, достичь мыса Томбо.

Когда на фоне свинцовых вод океана появляется этот высокий серый мыс, ветер снова усиливается. Замечаем несколько гладких китов, направляющихся к летним планктонным пастбищам. Они в совершенном восторге резвятся среди огромных валов. Возбужденные волнением моря, киты как безумные выпрыгивают из воды и снова падают, вздымая огромные снопы белой пены.

В это время года на мысе Томбо воспитывают свое потомство *магеллановы пингвины* (*Spheniscus magellanicus*). Те колонии магелланова пингвина, которые мы видели на Вальдесе, не идут со здешними ни в какое сравнение. В брачный сезон на этом мысе собираются сотни, тысячи, а может быть, и миллион пингвинов. Они ищут себе партнера (партнершу) и гнездо — одну из тех узеньких глубоких норок, которые здесь отрывали и обновляли многие поколения пингвинов, чтобы отложить в них яйца.

Как интересно наблюдать за этим сборищем одетых в черно-белый наряд птиц с черным ожерельем, которые, переваливаясь с боку на бок, расхаживают по голой земле с редким низким кустарником, занимаясь своими делами! Как я говорил, размножению магеллановых пингвинов способствовало уменьшение численности крупных антарктических китов. А так как промысел самих пингвинов уже не ведется, то число их увеличивается довольно быстро. В настоящее время на мысе Томбо пингвинов несравненно больше, чем было в прошлом веке: британский орнитолог Генри Дернфорд, посетивший эти края в 1878 году, даже не упомянул о них. Однако из всего сказанного вовсе не следует, что жизнь пингвинов превратилась из борьбы за существование в синектуру. Демографический взрыв в популяции пингвинов дал толчок размножению тех хищников, для которых они составляют основу рациона, — чаек и буревестников, больших любителей яиц и птенцов. А взрослых особей поджидают в море тюлени¹ и косатки . . .

Это огромное скопище птиц порождает оглушительную какофонию, не затихающую ни на минуту. Однако, несмотря на шум, самцы и самки, не отличающиеся хорошим зрением, узнают друг друга по голосу. И именно по крикам родителей потерявшийся малыш отыскивает свое гнездо.

Когда члены отряда „Калипсо“ в первый раз высадились неподалеку от колонии пингвинов, все вели себя очень осторожно, стараясь не беспокоить птиц. Но вскоре поняли, что это совершенно излишняя предосторожность — пингины нисколько не смущались нашим присутствием! Кстати, чаще всего они сами окружают посетителей и изучают их с забавным любопытством! (Но разве это не естественно? Походка пингвинов напоминает нашу. Мы к этому сходству небезразличны — почему бы и им не проявить к нам интерес?)

На суше пингвины¹ передвигаются с большим трудом и выглядят очень неуклюжими. Зато в воде они так же ловки и грациозны, как ушастые тюлени. Во время подводного „полета“ крылья служат пингвинам движителями, а перепончатые лапы выполняют роль руля (так что они

¹ В этом повинен только один вид антарктических тюленей — морской леопард; он нападает даже на молодых тюленей других видов. — *Прим. ред.*

Магеллановых пингвинов, обосновавшихся на мысе Томбо, ничуть не беспокоит „Калипсо“, маячащая на горизонте. В период размножения на этом мысу собирается не меньше миллиона пингвинов.

плавают вовсе не так, как это делают, например, утки). Поразительна их бросковая скорость, но не менее поразительна и их выносливость: каждый год, прежде чем выбраться для гнездования на сушу, пингины целых пять месяцев проводят в открытом океане. Аквалангисты „Калипсо“ неумолимо сопровождают пингвинов в их подводных путешествиях в бухточках мыса Томбо, снимают на пленку их движения — великолепные арабески среди водорослей и беспорядочно разбросанных скал.

Огненная Земля
(„Судовой журнал“ „Калипсо“)

«22 ноября. Прекрасная погода, небо чистое, ветер слабый. „Калип-

со“ идет со скоростью 10 узлов. Море темно-зеленого, почти черного цвета, а вчера оно было цвета неспелого яблока, каким бывает очень редко. И это бесконечное изменение оттенков морской воды составляет одну из привлекательнейших сторон путешествия . . . Неужели спутники Магеллана окрестили эти воды морем Мрака только потому, что здесь темная вода?

6.30. Поднимаюсь на мостик к капитану Бугарану. Нам предстоит выбрать один из нескольких одинаково интересных маршрутов. Принимаем решение идти прямо к Магелланову проливу. Но пока еще не решено, куда мы направимся оттуда. Мы можем пройти проливом, оставляя Огненную Землю по левому борту, и выйдем из этого узкого прохода в воды архипелага, а затем в открытый океан — именно таким путем шел сам португальский мореплаватель. А можем миновать вход

в пролив и обогнуть Огненную Землю с востока, так что она окажется по правому борту. Посоветавшись, останавливаемся на последнем варианте. Мы отправимся обследовать самую восточную в этом районе, расположенную за крайним выступом Огненной Земли группу островов — остров Эстадос (остров „Государств“) и остров Обсерваторьо (думаю, перевода здесь не требуется). Затем снова круто повернем на запад, пройдем проливом Бигл, побываем в порту Ушуая и выйдем в центр архипелага Огненная Земля. Таким образом, мы в точности повторим путь, по которому в 1831 году прошли Дарвин и капитан Фицрой, а вернее, их судно „Бигль“.

16.00. Температура воздуха 12 °С. Температура воды 8 °С. Нас навещают многочисленные морские птицы — альбатросы, поражающие огромным размахом крыльев (большой альбатрос, чернобрюхий альбатрос, сероголовый альбатрос . . .), буревестники (гигантский буревестник, антарктический буревестник) и глупыши (антарктические глупыши). Мы следим в бинокли за их полетом. Встречаются нам и другие, более мелкие виды (капские голубки, малые буревестники, малые качурки, прионусы, бакланы, крачки, чайки и т.д.). Одна из самых мощных парящих птиц на этом краю света — *большой поморник (Stercorarius skua)*. По имеющимся на борту справочникам узнаю, что на Огненной Земле и в Магеллановом проливе распространен подвид поморника *chilensis*. Поморники — крупные птицы с темной спиной, желто-бурым брюшком, черными лапами и черным крючкообразным клювом. Они не напрасно носят прозвище „морских орлов“ — это очень грозные хищники (они охотятся не только на мелких грызунов и птенцов других птиц, но и на больных или брошенных детенышей тюленей). Когда им некого преследовать, чтобы удовлетворить свою врожденную агрессивность, поморники довольствуются падалью, то есть ведут себя скорее как океанские „стервятники“ или „грифы“, чем как „орлы“. Но и в той, и в другой роли поморники равно полезны для поддержания равновесия в местных популяциях животных и отбраковки больных (а следовательно, и сохранения здоровья остальных). Они являются инструментом местного естественного отбора и местными санитарами одновременно.

16.30. На поверхности воды медленно дрейфуют огромные светлорыжие кольчатые черви*. Они достигают 1 м в длину; однако, судя по сведениям, которыми я располагаю, южнее можно повстречать и 10-метровых представителей этого типа. Это полихеты рода *Eunice* (*палоло*), сородичи *Nereis* (*нериды*); вероятно, сейчас у них самый разгар периода размножения. Если я прав, то мы случайно стали свидетелями удивительного явления: эти морские животные поднимаются на поверхность раз в год, весной, и только в определенную фазу Луны. Самки выпускают в воду гормональное вещество (феромон*), называемое *фертилизинном*; фертилизин вызывает у самцов приступ беспорядочных су-

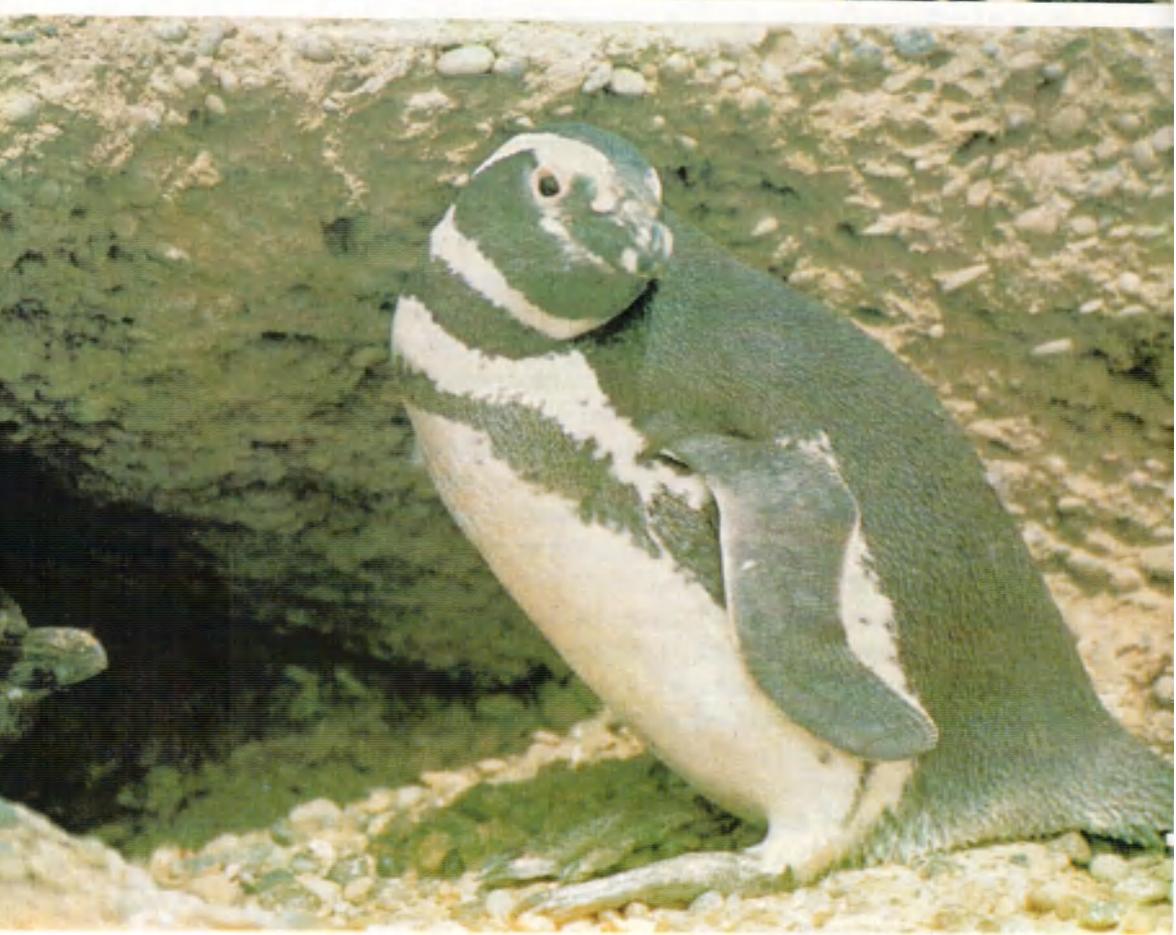
Пингвин папуа, которого можно узнать по белым пятнышкам на висках, гнездится только на субантарктических островах; но иногда он посещает Огненную Землю и острова, расположенные севернее в водах Тихого океана.

дорог, настоящую пляску Святого Вита, вследствие которой самцы извергают сперматозоиды; самки в свою очередь извергают созревшие яйца — и происходит внешнее оплодотворение. (Тихоокеанский палоло (*Eunice veridis*), обитающий в южной части Тихого океана, ведет себя еще более неожиданным образом: в октябре—ноябре, точно на третий день после наступления последней четверти Луны, самец и самка отторгают заднюю часть своего тела, набитую зрелыми половыми продуктами, и эти части сами по себе поднимаются на поверхность, чтобы совершить акт зарождения новой жизни! Коренные жители островов Самоа употребляют эту „манну“ морскую в пищу, причем она весьма высоко ценится в гастрономическом отношении.)

23 ноября. 5.00 Волнение усиливается, ветер с запада крепчает. „Калипсо“ валится с борта на борт.

6.00. Открываю дверь кают-компания — там все вверх дном. На камбузе бешено стучат открывшиеся дверцы шкафов. По палубе катаются баллоны со сжатым воздухом. Все члены команды суеются, пытаясь навести порядок. Одно хорошо — ныряющее блюдо и вертолет закреплены надежно.

9.30. Нас болтает все сильнее, а 10—12 дельфинам, присоединившимся к нам, хоть бы что! Они вовсю развлекаются: выпрыгивают из

Магелланов пингвин, как и пингвин Гумбольдта и капский пингвин, „заходит“ севернее остальных видов.

Это главные отличительные признаки — широкие черные полосы на белой грудке и белом брюшке.

Аквалангисты потревожили пингвина около самого гнезда, но его гнев проявляется лишь в легком наклоне головы. Пингвины крайне любопытны и не очень пугливы.

воды, катаются на носовой волне „Калипсо“. Это южные дельфины (*Lagenorhynchus australis*), сородичи темных дельфинов (*Lagenorhynchus obscurus*), тех, что с таким изяществом резвились среди гладких китов.

11.30. Минуем вход в пролив, который Магеллан назвал „*de todos los santos*“ (пролив всех святых); последующие же поколения дали проливу имя его первооткрывателя. Нас приветствует гигантский буревестник с полутораметровым размахом крыльев — он дважды пролетает над самой палубой. Когда 1 ноября 1520 года Магеллан вошел в этот пролив, то с наступлением ночи он увидел в южной стороне цепочку огней, зажженных на берегу туземцами. Поэтому он и решил назвать от-

крытые им земли „*Tierra del Fuego*“ — „Огненная Земля“ (или, вернее, „*Земля Огня*“). Сейчас, проведи мы здесь хоть всю ночь, нам не удастся заметить никаких огней, кроме электрических.

Большинство *огнеземельцев*, как называют всех коренных жителей острова в целом, уже давно истреблено, а отдельные выжившие представители этой этнической группы с приходом ночи не зажигают на побережье никаких огней...

13.30. Идем вдоль восточного берега Огненной Земли. Курс на остров Эстадос, вдаль уже виднеются его массивные очертания с зубчатыми вершинами, белыми от нестаявшего снега. Ветер совершенно стихает. Небо затягивается облаками.

16.00 Бросаем якорь в бухточке (так называемой бухте Кука), на берегу которой раскинулось небольшое поселение Пуэрто-Кук. Штиль. Температура воздуха 10 °С. Наверное, сегодня ночью все достанут теплые одеяла... Пока одна группа занимается на „Калипсо“ различными делами, связанными с нашей техникой (проверка ныряющего блюда, усовершенствование площадки для вертолета), другая группа — Бебер Фалько, доктор Франсуа (судовой врач), доктор Дюги и капитан Бугаран — прыгает в зодиак и отправляется осмотреть остров Обсерваторьо, расположенный как раз напротив бухточки, где мы бросили якорь.»

22.00. *Отчет Фалько*: «Остров, вернее островок, Обсерваторьо не выглядит таким громадным и грозным, как остров Эстадос. Это низменность, омываемая более светлой, чем вокруг, зеленой водой, здесь довольно солнечный микроклимат и растут мясистые растения. На берегу, в том месте, где мы высадились, сохранились грубо сколоченная хижина и вбитые в гальку колышки: видимо, бывшая тonya для ловли тюленей и рыбы. Но все пусто, поломано, заброшено. Остров Обсерваторьо похож на старинную книжку с картинками, полную рассказов о кораблекрушениях, об одиночках, выброшенных на необитаемый остров, и жестоких смертях. В нескольких метрах от места высадки мы нашли старое кладбище, заросшее буйными травами. Двадцать могил, железные и деревянные кресты, поставленные как попало и покосившиеся в разные стороны; на какой-то каменной плите единственная дата — 1900 год; вот и все... Нас охватывает какое-то странное гнетущее чувство.

Чтобы отделаться от него, принимаемся обследовать приютившую нас бухточку, ее непроходимые заросли бурых водорослей. Бурые водоросли — одни из самых крупных водорослей, они образуют основу богатых морских экосистем*, и, значит, в окрестностях бухточки должна быть богатая жизнь. Но пора возвращаться на „Калипсо“. И вдруг доктор Дюги, изучающий в бинокль горизонт, радостно вскрикивает: ему показалось, что среди скал промелькнуло несколько морских котиков

редчайшего вида. Их прозвали „*dos pelos*“¹, потому что у них как бы два наложенных один на другой волосяных покрова.»

Утки-пароходы, хохлатые пингвины

24 ноября я занимаюсь подготовкой к новой вылазке на остров Обсерваторьо, а аквалангисты, ныряя прямо у борта „Калипсо“, опробуют так называемые „*unisuit*“ — „сухие“ гидрокостюмы, в которых им предстоит погружаться в холодных водах Огненной Земли, а затем и в Антарктике. Один за другим, одетые в новую ярко-красную форму, они исчезают под водой. Через сорок пять минут аквалангисты возвращаются на поверхность, они в восторге: ни один из них ничуть не промок и не замерз.

В девять на двух зодиаках покидаем „Калипсо“. Со мной Фалько, Сьюмьян, Колен Мунье, доктор Дюги и Костельо. Полный штиль. Накрапывает ледяной дождик. Пока мы идем к острову, каждый изо всех сил дует себе на пальцы, чтобы они не окоченели . . . Мы намереваемся обойти вокруг всего острова на зодиаках, стараясь не упустить ни одного из его богатств. Если понадобится, будем высаживаться на берег и нырять под воду. Только вот как плыть — по часовой стрелке или против? Решаем плыть против!

Нам видно, как вдали от бухточки, где причаливала вчера группа Фалько, перелетают со скалы на скалу большие черно-белые утки, но определить, какого они вида, с такого расстояния невозможно.

На южном и юго-восточном побережье острова Обсерваторьо нас больше всего поразили разнообразные „выступления“ морских птиц, в частности белобрюхих бакланов и уток. Я не оговорился — именно „выступления“, потому что у нас создалось полное впечатление, что мы присутствуем на концерте. Ныряющие утки — сильные птицы пепельно-серого цвета с желтыми лапками и клювом, непревзойденные подводные пловцы, которые, однако, не способны летать, — выходя из грота, исполняют для нас первоклассный номер: быстро-быстро мчатся по волнам, гребя крыльями, как веслами . . . Испанцы называют этот вид *pato a vapor*; точно так же — „*steam duck*“, то есть „утка-пароход“, — окрестил его, впервые увидев, Фицрой, капитан „Бигля“. На языке же ученых этот вид называется *Micropterus patagonicus*. Крылья уток-пароходов, дальних родичей кряквы, слишком малы, чтобы поднять в воздух тяжелое тело (6—10 кг). Когда птицы машут крыльями, они действительно становятся похожи на лопатчатые колеса пароходов начала XIX века . . . Справедливости ради следует сказать, что утке-пароходу все же удастся

¹ *Dos pelos* (исп.) — две шкуры. — Прим. перев.

Гигантский буревестник часто посещает берега Патагонии и Огненной Земли; эта великолепная парящая птица почти таких же размеров, как альбатрос.

Огромные желтые „брови“ хохлатого пингвина делают его примечательной „фигурой“ южных берегов Патагонии.

По-английски его зовут *rockhopper* — „прыгун со скалы“; как все пингвины, он прекрасно плавает — если, конечно, как в данном случае, не чистит неторопливо свои перья . . .

подняться в воздух и пролететь какие-нибудь 100 м, но только на первом году жизни. Долгое время летающий молодняк ошибочно принимали за самостоятельный вид, который даже получил название *Micropterus cine-reus*.

На восточном и северо-восточном побережье Обсерваторьо любуются другими представителями мира пернатых. Есть тут и виды, которые мы до сих пор не встречали. Самый забавный из них — хохлатый пингвин (*Eudyptes chrysocome*). На английском языке он называется *rockhopper* — „прыгун со скал“. Это пингвин средних размеров, с черно-белым оперением, характерным для всего семейства, но, в отличие от остальных видов, голова его украшена двумя желтыми хохолками длинной примерно сантиметров семь, как бы продолжающими тоже желтые „брови“.

Буро-красный клюв, алые глаза, розоватые лапки — в сезон любви эти очаровательные птицы собираются в колонии по несколько тысяч особей. Самец и самка устраивают гнездо в какой-нибудь ямке или маленькой впадинке, устилая его мелкими камешками и травой (злаками рода *Poa*, мятликом). Из двух-трех яиц, отложенных самкой, вылупляются после долгого высидывания (32—34 дня) птенцы, которые еще в течение 60—70 дней требуют родительских забот. Питается хохлатый пингвин главным образом эуфазиевыми рачками*, которые известны под обиходным названием „криль“. Самые страшные его враги — поморник, гигантский буревестник, морской котик¹, морской леопард и косятка.

В колонии пингвинов мы задерживаемся довольно надолго. Пингвины ходят к морю одним и тем же путем, и потому в некоторых местах трава совсем вытоптана и даже проложены настоящие тропинки. Фалько минут десять проводит под водой посреди прибрежных зарослей бурых водорослей. Рыб он там не встретил почти никаких, зато ему попалось множество морских ежей, съедобных моллюсков, актиний и великолепных ярко-оранжевых и нежно-синеватых морских звезд.

Северное, северо-западное и западное побережья острова, откуда виден остров Эстадос — черная громада, задевающая вершинами за обла-

¹ Южный морской котик, как и его северный собрат, питается рыбой и головоногими моллюсками, главным образом кальмарами. — *Прим. ред.*

Морские котики „*dos pelos*“ стали редкостью. Колония, которую мы нашли на острове Обсерваторьо, — одна из последних в мире.

Секачи дерутся за стадо самок; но хозяин гарема не так строго следит за самками, как это делается у морских слонов.

ка, — навсегда останутся в нашей памяти как рай ушастых тюленей. Сначала, обогнув небольшой мыс, замечаем стадо южных морских львов — тот же вид, что мы встречали на Вальдесе. Вероятно, сейчас у них медовый месяц. Самка нежно обнимает глянцевыми лапами крупного самца, а он, клянусь, целует ее... Спустя какое-то время произойдет совокупление. Потом оплодотворенная самка покинет своего минутного господина и в компании одних только сестер отправится в летнюю миграцию к антарктическим водам. Разделение полов (в течение большей части года самцы и самки живут отдельно), затем короткие весенние встречи на местах воспроизводства вида — характернейшая черта биологии ластоногих.

А в 50 м от гарема южных морских львов нас ждет гораздо более важная находка — подарок то ли случая, то ли удачи, то ли бога исследователей — колония южных морских котиков „*dos pelos*“ (*Arctocephalus australis*). Доктор Дюги не ошибся вчера, когда смотрел в бинокль. Около сотни морских котиков — этих живых сокровищ, только что нами найденных, — спокойно отдыхает на прибрежных травах и скалах в том самом месте, которое наш ученый маммолог указал Альберу Фалько.

Такой редкий вид, считавшийся уже исчезнувшим, не изучишь за несколько часов. Однако вот-вот стемнеет. Принимаем решение вернуться завтра к острову Обсерваторьо на „Калипсо“, а остаток дня сегодня посвятить исследованию Эстадоса. Мне кажется, что так у нас, с одной стороны, появляется шанс найти другие колонии котиков „*dos pelos*“ и на острове Эстадос, где они тоже, наверное, есть, а с другой — у нас будет возможность более детально изучить колонию, обнаруженную на островке Обсерваторьо. Сразу же возвращаемся на судно и распределяем задания.

Несколько человек отправляются на зодиаке в бухту Кука и совершают там рекогносцировочные погружения. Вот они показываются на поверхности — слишком сильное волнение помешало им выполнить все намеченные работы. Дно, которое они наспех „облетели“ в гидрокостюмах, видимо, небогато жизнью: самое интересное, что им встретилось, — какая-то рыба, вроде триглы средних размеров.

Большинство членов команды „Калипсо“ занимается подготовкой оборудования, которое понадобится завтра, — работа нам предстоит не легкая. А Фалько улетел вместе с Бобом Маккиганом осмотреть остров Эстадос с воздуха.

«Прежде всего мы облетели остров кругом, — рассказывает Фалько по возвращении. — Он усеян озерами, которые порой расположены почти на уровне моря. На юго-западе высокий скалистый берег обрывается прямо в океан, кое-где по вершинам этих скал бегают козы. Кроме птиц, животных на побережье мало. Не обнаружили мы также ни дельфинов, ни китов. Зато в глубине бухты Флиндерс действительно есть колония

Пройдет не один год и позади останется не одна миграция, пока этот молодой котик „*dos pelos*“ осмелится тягаться силами с секачами.

котиков „*dos pelos*“. По-моему, там их меньше, чем в колонии на Обсерваторьо, так что, наверное, лучше придерживаться первоначального плана на завтра.»

Котик с двумя шкурами

25 ноября в 8.30 „Калипсо“ снимается с якоря в бухте Кука (остров Эстадос) и отправляется в короткий поход к берегам острова Обсерваторьо, где становится на якорь среди зарослей бурых водорослей. Фалько и Кристиан Бонниси на одном зодиаке и Раймон Коль и Франсуа Дорадо на другом медленно подплывают к лежащим на берегу острова группам котиков „*dos pelos*“. В воздух поднимается вертолет. Он слишком близко подходит к животным (думаю, Шарле искал гениальный кадр!), в рядах котиков чуть было не началась паника, но Франсуа, мгновенно отреагировав, просит Боба взять в сторону, и на берегу быстро восстанавливается порядок. Мы с доктором Дюги следим за операциями с палубы „Калипсо“. Скоро мы тоже высадимся на берег и сами будем наблюдать за котиками.

Аквалангисты погружаются в воду среди длинных листьев водорослей и направляются к котикам „*dos pelos*“. К нашему великому удивлению, им отвечают взаимностью: котики спешат им навстречу — посмотреть на аквалангистов! Вот где в полной мере проявляется преимущество изучения животных в их стихии! На суше котики чувствуют себя неуклюжими, неповоротливыми, громоздкими и всегда остаются настороже. В море же они в мгновение ока из жалких щенков-увальней превращаются в больших, умных, ловких, лоснящихся, легких, роскошных, бы-

стрых и гибких рыб . . . Преображение разительное, и чувствуется, что котики „сознают“ это. Насколько они настороженны на берегу, настолько смелы, безудержно любопытны и игривы среди волн.

„Котики, — рассказывает Фалько, — стали окружать нас даже раньше, чем мы спрыгнули с зодиаков! В воде самки ведут себя непринужденнее, чем самцы: конечно, ведь самцы поглощены изнурительными обязанностями хозяина гарема . . . Однако один самец все же приблизился ко мне на расстояние вытянутой руки; мгновение он смотрел мне прямо в глаза. Признаюсь, меня мороз пробрал по коже: уж не принял ли он меня за молодого сородича, оставшегося без гарема, а потому соврашающего самок; в этом случае на меня обрушится его справедливый гнев — а зубы у этих крупных ластоногих длинные и острые . . . Но, видимо, он решил, что я, в этой бесформенной маске и резиновой шкуре, всего лишь странная большая рыба . . . Дальше наше подводное плавание походило на сновидение: что за чудо эти животные — то их обтекаемые тела сгибаются и распрямляются под водой, как хлыст, а то вдруг, лениво распластавшись, они висят в толще воды, предаваясь отдышу! Ни один из нас не жалеет, что познакомился с ними именно таким образом — под водой, даже Бонниси и Коль, которым две шалуньи-самки покусали лапы.“

Как только возвращается отряд Фалько, в зодиак прыгают доктор Дюги вместе с Коленом Мунье: они высаются на берег и попытаются как можно ближе подойти к стаду котиков, чтобы понаблюдать за ними. Они должны зайти стаду с тыла, а для этого им надо сначала взять немного в сторону открытого моря, потом повернуть к скалам и осторожно подойти к берегу. Им придется пересечь полосу грозных прибрежных рифов, о которые разбиваются волны, образуя мощные водовороты. Но зодиак благополучно преодолевает это препятствие и доставляет их к намеченному месту.

„Очутившись среди стада, — говорит доктор Дюги, — выясняем, что оно насчитывает около двадцати особей, из них пять крупных самцов с темной головой и курносой мордой, немного похожей на морду гориллы. Внезапно один из этих королей гаремов с яростным видом нападает на нас: по его мнению, мы слишком близко подошли. Изображаем благоразумное отступление. Он успокаивается, но стоит нам только двинуться, как он опять бросается на нас. Замечаем, что, если делать то же самое ползком, он ведет себя менее агрессивно; думаю, в этом случае он

Два взрослых самца с характерной густой львиной гривой бросают друг другу вызов на одном из пляжей острова Обсерваторьо.

Победитель ревом возвещает о своем успехе, предоставляя исследователям с „Калипсо“ возможность полюбоваться мягким бархатистым мехом с золотым отливом.

не видит вызова в нашем поведении. Когда самцы морских котиков ищут ссоры, они как можно выше поднимаются на лапах, стараясь сильно выгнуть спину. Должно быть, всех животных примерно такого же роста с высоко поднятой головой они принимают за конкурентов.“

Южноамериканский морской котик (*Arctocephalus australis*) своим прозвищем „две шкуры“ („*dos pelos*“) обязан плотной шерсти, которая состоит из волосков разной длины, так что действительно кажется, будто его волосяной покров состоит из двух наложенных один на другой слоев. На самом же деле эти „две шкуры“ лишь более резкое проявление той особенности, которой отличается волосяной покров всех водных животных, покрытых шерстью. Снизу, ближе к коже, лежит мягкий и плотный подшерсток, что-то вроде пуха, в котором задерживается воздух, — он не намокает в воде, предохраняя организм от переохлаждения, а сверху подшерсток перекрывают длинные, сравнительно редкие волоски — ость.

Южноамериканских котиков зовут не только *lobo de dos pelos*, но и *lobo fino* в испаноязычных странах и *lobo de dois pelos* в Бразилии. До тех пор пока не начался промысел этих животных, котики обитали на всем побережье Южной Америки: от Сан-Паулу в Бразилии до Огненной Земли и Фолклендских островов в открытом океане (атлантическое побережье) и от Огненной Земли до Лимы в Перу (тихоокеанское побережье). Но они заплатили тяжкую дань любителям ценных мехов. На уругвайских островах между 1873 и 1900 годами в целом был убит 454 491 котик, то есть в среднем добывали по 16 175 котиков в год. В 1784 году на Фолклендских островах только одно бостонское судно „собрало урожай“ в 13 000 шкур. А в 1919 году на острове Бошен (Фолклендские острова) — когда-то его называли „жилищем миллиона тюленей“ — единственные два охотника, которым еще был разрешен промысел, за целый сезон нашли всего . . . 11 представителей этого вида.

В настоящее время популяции южноамериканских котиков везде весьма немногочисленны. Отдельные группы встречаются еще в Бразилии (островки Торрес, остров Санта-Каталина), несколько сотен осталось в Уругвае (острова Дель-Марко, остров Энкантада, острова Ислоте и Роса группы островов Торрес, остров Лобос); несколько десятков в Аргентине (острова Эскондида и Обсерваторьо, мыс Дос-Баиас; говорят, что в последние годы в окрестностях Пуэрто-Мадрина и на полуострове Вальдес видели несколько котиков — то ли они заплыли сюда по ошибке, то ли останавливались здесь ненадолго, но, вероятнее всего, речь идет о южных морских львах), отдельные стада встречаются в Перу (скалистый берег полуострова Паракас, Пунта-Борио, мыс Колес). Возможно, сохранились отдельные стада в Чили — на архипелаге Огненная Земля. Небольшое число котиков наблюдается на Фолклендских островах — на Волентир-Рокс, Берд-Айленде, Норт-Айленде.

Южноамериканский морской котик — очень красивое животное. Волосяной покров самцов может быть разного цвета — от черного до серебристо-серого, причем спина у них бывает рыжевато-серой или желтовато-серой, а брюхо — коричневым или кирпично-красным. Кроме того, самцов украшает короткая серая или рыжевато-серая грива. У самок окраска более яркая: темно-серые, с рыжеватым отливом голова, затылок и спина, рыжие или соломенно-желтые шея и лапы, буро-рыжая с двумя-тремя более темными пятнами грудь, ярко-рыжее или кирпично-красное брюхо. . . . Как среди самцов, так и среди самок встречаются особи полностью серебристо-серого или же ярко-рыжего цвета. У всех новорожденных волосной покров однообразно черный.

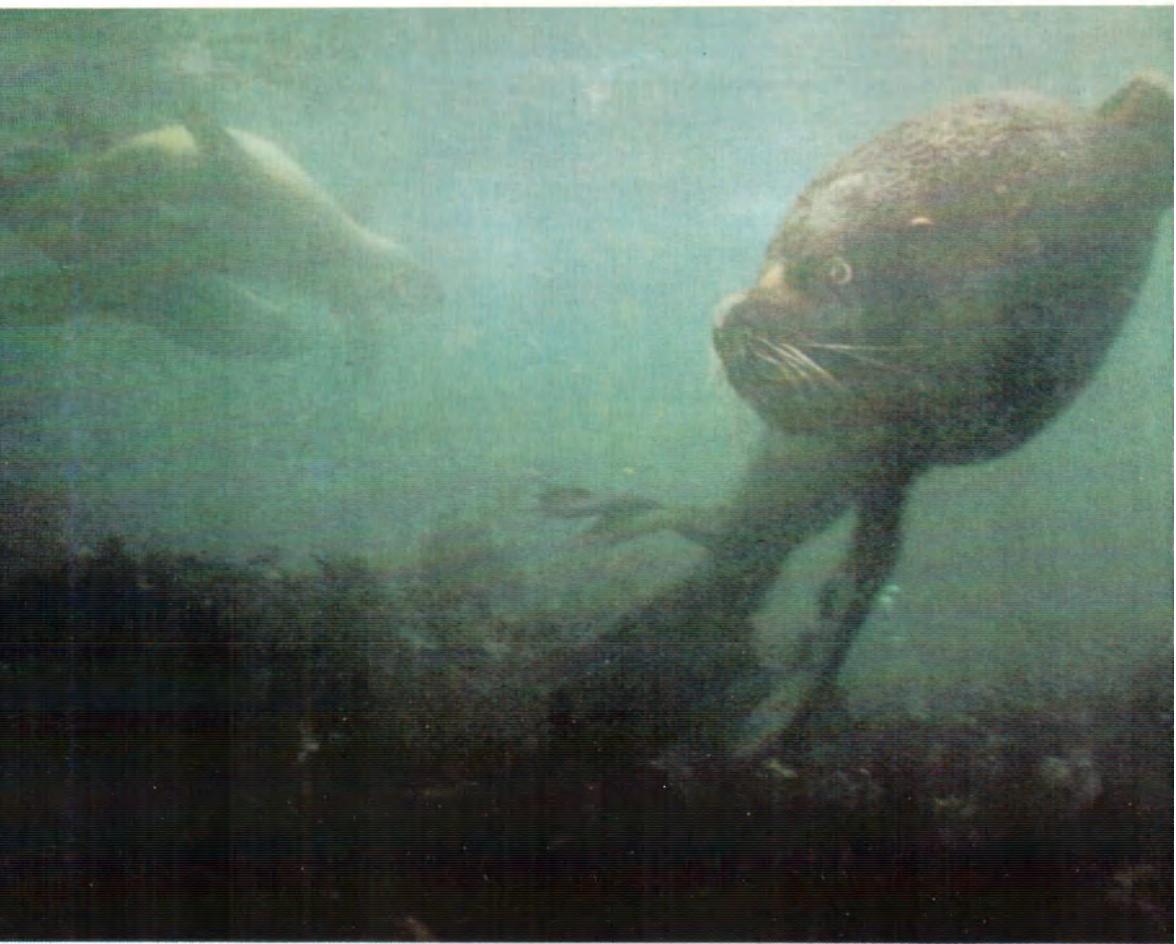
Длина взрослого самца составляет 1 м 80 см — 2 м, вес — 150—160 кг. Самки достигают в длину 1 м 50 см и весят 48—50 кг. (Новорожденный весит 3,5—5 кг.)

Южноамериканские морские котики — полигамы. Колония обычно устраивает залежки на скалистом берегу. Гаремы в колонии составляют не столь строго и не столь ревностно охраняются, как у морских слонов. Самцы просто дерутся за определенную территорию, и те самки и молодняк, которые оказываются на этой территории, и составляют семейную группу хозяина гарема. Поэтому пропорции между количеством самцов и самок (*sex ratio*) в таких колониях самые разные — от 1:1 до 1:13, в среднем же — 1:6,5. Самцы прибывают в районы размножения в ноябре-декабре, самки — на несколько недель позже. Победившие самцы и незрелый молодняк держатся обособленными группами. Самки достигают половозрелости в три года, а самцы — в семь лет. По прибытии на сушу самки рожают детенышей и более полугода, а иногда даже и в течение целого года кормят их молоком. Смертность среди детенышей, как у всех видов ушастых тюленей, очень велика.

„Стол“ южноамериканских морских котиков весьма разнообразный: они питаются и стайной рыбой (хамса, сардины и т. д.), и различными видами моллюсков — кальмарами, каракатицами, морскими улитками, пластинчатожаберными моллюсками. . . . В отличие от южного морского льва, обитающего примерно в тех же районах, южноамериканские морские котики никогда не преследуют рыболовецкие суда и не таскают из их сетей рыбу.

Самый южный город на Земле
(„Дневник“ Фалько)

«27 ноября. Вчера мы великолепно поработали с „dos pelos“, и Паша доволен. Вечером „Калипсо“ вернулась на стоянку в Пуэрто-Кук и совершенно правильно сделала. Потому что сегодня, едва мы выпли

из бухты, нас стало болтать на трех-четырёхметровых волнах. Мы бы ни за что не выдержали такую болтанку на вчерашней якорной стоянке среди зарослей бурых водорослей.

С запада надвигается сильная гроза. Пытаясь сбежать от нее, „Калипсо“ идет на всех парах — напрасный труд. Гроза обрушивается прямо на нас: ветер — 50 узлов (90 км/ч). Но вот она проходит, снова светит солнце, и поэтому решено в последний раз вернуться на остров Обсерваторьо, чтобы снять на пленку „*dos pelos*“.

Бросив якорь среди бурых водорослей почти в том же месте, что и вчера, в сотне метров от пляжа котиков, высаживаем сначала Колена Мунье, вооруженного кинокамерой с длиннофокусным объективом (600 мм), и ему удастся отснять прекрасные кадры. Потом Франсуа Дорадо, Колен Мунье и я выгружаемся по другую сторону от стада ластроногих,

В воде морские котики „*dos pelos*“ безбоязненно подпускают к себе людей (совсем не так ведут они себя на суше). Котики словно „сознают“ свою красоту и нарочно позируют перед аквалангистами.

под самым носом у... двух морских слонов, затесавшихся среди котиков! (Но, кажется, они вполне ладят.) Снимаем несколько сцен на берегу и уходим в воду, куда за нами без всякого страха следуют и котики. Освещение прекрасное, но вода мутновата. Делаем великолепные снимки — прекрасные, гибкие звери проносятся перед камерой, словно серые и рыжие стрелы в зеленой воде...

29 ноября. Проливом Бигл, которым более 140 лет назад прошел Дарвин, оставляя по правому борту Огненную Землю, а по левому сначала остров Пиктон, а затем и остров Наварино, мы вышли к Ушуая — самому южному городу на планете. Ушуая расположен на самом острове Огненная Земля, на его южном побережье. Это поистине город на краю света, глядя на который, вспоминаешь ковбойские фильмы. Представьте себе городок с беспорядочно разбросанными деревянными до-

В южном полушарии поморники, вооруженные страшным крючковатым клювом, играют ту же роль, что и хищные птицы северного полушария. А ведь они близкие родственники чаек.

мишками, окруженными огородами, с единственной гостиницей и церковью с деревянной колокольней, на фоне грозно вздымающихся к небу заснеженных вершин кордильеры Анд... В Ушуая всего две главные улицы, идущие параллельно берегу моря, и несколько боковых улочек, которые, начавшись у набережной, ведут прямо в горы.

Домишки убогие, зато выкрашены в яркие цвета. Основную часть средств существования доставляет торговля, вернее, та своеобразная форма коммерческой деятельности, которая именуется спекуляцией. Здесь почти открыто занимаются контрабандой алкогольных напитков (главным образом, виски) и сигарет.

В предместьях города стоят одни лишь лачуги, еще более жалкие, чем в центре. Вокруг пасутся козы и овцы. Если бы не величественная горная гряда на горизонте, ландшафт можно было бы назвать спокойным — зелень и вода.

Погода здесь меняется невероятно быстро. Когда мы прибыли сюда, светило солнце. Через несколько минут неумолимый ветер нагнал с юго-запада облака. И пошел дождь... Только он кончился, как все началось сначала: солнце, облака, осадки. Улицы и дороги в Ушуая не успевают просохнуть.

В нескольких километрах к западу от города, среди пологих холмов и чудесных небольших озер, окруженных лесами, аргентинское правительство устроило национальный парк, где, как нам сказали, можно

любоваться множеством местных животных, в частности морскими и хищными птицами и грызунами.

30 ноября. Мы услышали, что в проливе Бигл, милях в тридцати к востоку от Ушуая, на берег, кажется, выбросились киты. Пытаемся выяснить подробности у портовых рыбаков, промышляющих королевских крабов. Они говорят, что выбросившихся недавно китов не видели, но знают, что в том районе пляжи усеяны старыми скелетами. Мы с Бонниси решили там побывать. Берем напрокат в одной местной частной компании небольшой самолет „Чесна“¹. Через двадцать минут не слишком-то комфортабельного полета приземляемся у Пуэрто-Албертона и неподалеку от поселка находим на пляже великое множество беспорядочно разбросанных китовых ребер и позвонков.

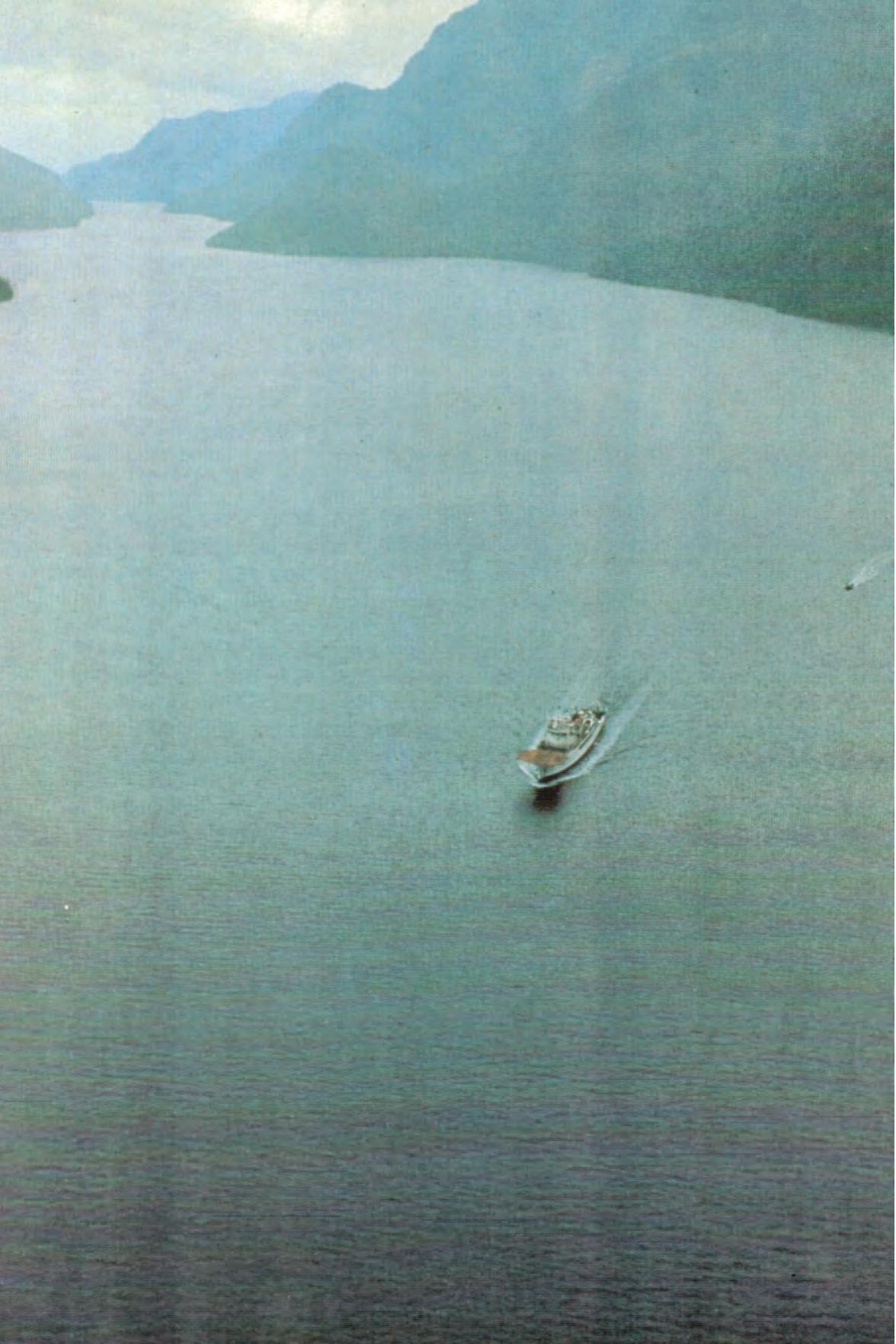
Возвращаясь, пролетаем над островком Гейбл. В прозрачной (но зеленой) воде бухточки на юге острова замечаем почти не тронутый скелет крупного кита. Голова у него — вернее, у того, что осталось от кита, — лежит на песке, а хвост в воде. Морские птицы уже обчистили кости. Должно быть, он погиб совсем недавно. По всей видимости, кит заплыл на отмелое место во время прилива, а отлив застиг его врасплох, и он не смог выбраться оттуда.

Почему киты выбрасываются на берег? Этот вопрос, отвечая на который, пролили уже немало чернил, так и не решен до сих пор. Может быть, их гонят к берегу косатки. Не исключено также и то, что киты погибают из-за неполадок в „сонаре“, — виной тому могут быть черви-паразиты, которые живут во внутреннем ухе китов (в том месте, где расположен вестибулярный аппарат).

1 декабря. Франсуа Шарле, Доминик Сюмьян, Кристиан Бонниси, доктор Дюги и я снова отправляемся на остров выбросившегося кита. Но на этот раз на моторной лодке. Полный штиль. Пасмурно. Доктор Дюги прилаживает к скелету выпавшие кости на их первоначальное место. После этого измеряем кита — 18 м в длину. Челюсти типичные для усатых китов. Это малый полосатик, уточняет доктор Дюги.

Отсняв несколько кадров со скелетом кита, ныряем в бурые водоросли у северного берега острова. Подводный лес — огромные, медленно колышущиеся по воле течения водоросли и их бесчисленные поплавки, отсвечивающие серебристым светом, — всегда завораживает. Сюмьян нашел много королевских крабов и других более мелких ракообразных. На 20-метровой глубине я повстречал десятки тех странных существ, что носят название галатей. Я уверен, что ежедневные экскурсии в глубь здешних вод подарят нам еще не одно чудесное зрелище.»

¹ „Чесна“ („Cessna“) — американская фирма, выпускающая небольшие самолеты. — Прим. перев.

архипелаг дождей

ДВЕ ГРАНИТНЫЕ СТЕНЫ НАД ЧЕРНОЙ ВОДОЙ
МИР, ЛИШЕННЫЙ СОЛНЦА
ТУМАННОСТЬ ГАЛАТЕЙ — ПОЖАР НА БОРТУ
С ПЕРЕРЕЗАННОЙ ПУПОВИНОЙ
ОНИ ЖИЛИ БЕЗ ОДЕЖДЫ И БЫЛИ СЧАСТЛИВЫ

Кордильера Анд делит южную оконечность южноамериканского континента на два непохожих мира. На востоке — просторы Патагонии, мир бесконечных пампасов, которые нам уже немного знакомы. На западе — мир архипелага Огненная Земля, куда мы вошли проливом Бигл. Земля к востоку от кордильеры принадлежит Чили. Остров Огненная Земля Аргентина и Чили поделили почти пополам. Несколько островов при входе в пролив Бигл являются спорными территориями этих государств.

Кордильеру Анд продолжает в океане беспорядочная россыпь островов и островков с неровным рельефом и причудливыми очертаниями — мрачный заброшенный уголок Земли. Триста дней в году эти земли поливает дождь, они принимают на себя яростные шквалы штормов и вечно покрыты туманом — действительно, в этих печальных пустынях „господствует, видимо, дух Смерти, а не Жизни“, — как писал Дарвин. Черные гранитные утесы, густой лес на возвышенностях, шапка никогда не исчезающих туманов и завеса дождя, размывающего очертания, — увы! местность не радует путешественника.

Лабиринт из камня и воды. „Калипсо“ идет проливом Месье между отвесными скалистыми берегами, направляясь к Пуэрто-Эдену.

В течение месяца здесь бывает всего несколько дней, когда солнцу все же удастся пробиться сквозь облака. И тогда все вокруг преобразается под его лучами. Над водой, как гигантская скульптура, вырисовывается голая скала. Оживает и лес, пронизанный светом и тенью. Искрятся под прозрачным небом вечные снега.

Архипелаг Огненная Земля представляет собой тесный лабиринт проливов и островов, где один остров похож на другой, где в каждой бухте кажется, что ты здесь уже бывал, и где неосторожному путешественнику ничего не стоит заблудиться. Еще даже не все контуры островов и проливов архипелага нанесены здесь на географическую карту. Названия их, то испанские, то английские, то французские, а то итальянские или немецкие (об индейских названиях я тут не говорю), напоминают о том, как медленно и неуверенно шло исследование архипелага, да оно не завершено и до сего дня. Берега островов, вечно скрытые мглой, с размытыми очертаниями, — настоящие кладбища кораблей.

Рельеф местности очень неровный. Горные цепи непроходимы, хотя высота их не слишком впечатляюща (гора Дарвин — 2135 м, гора Йоган — 2469 м, гора Сармьенто — 2300 м). На высоте от 0 до 400 м кордильера преграждает путь зеленой стеной плотного леса; далее, от 400 до 700 м, — сплошные гладкие скалы, кое-где покрытые лишайником или устланные густым мхом; с высоты 700 м начинаются снега и льды — холодная враждебная пустыня.

Индейцы, пришедшие в эти негостеприимные края, могли поселиться только на *берегах* островов, и жить они могли только *морем*. Какие здесь, однако, дикие земли! Невероятное нагромождение островов и островков — и всюду темные гнегущие громады гранитных утесов. Пляжи встречаются редко, гавани, где может приютиться человек, еще реже. Со всех сторон торчат скалы, и почти везде их склоны отвесно обрываются в проливы. Пейзажу как будто не хватает завершенности. В недрах планеты еще зреет работа по его переделке. В любую минуту здесь может появиться лед, обтесавший когда-то поверхность этой земли (его следы до сих пор находят на скалистых берегах). В последний ледниковый период этот район был покрыт огромным ледовым куполом, который занимал всю южную часть Латинской Америки — от 41-й параллели до мыса Горн . . .

Две гранитные стены над черной водой

Итак, мы в архипелаге Огненная Земля. Перед нами стоят две задачи. С одной стороны, мы хотим изучить животный и растительный мир, местные экосистемы. С другой — намереваемся познакомиться с последними представителями племен аборигенов*. Вообще-то эти задачи вза-

имосвязаны: ведь невозможно, изучая жизнь индейцев — морских кочевников, народа каноз, как называет их этнограф Ж. Эмперер, не поинтересоваться, чем они питаются, как обогревают свои жилища, из чего делают одежду, — словом, не поинтересоваться окружающей их средой в целом и морской средой в частности.

Но в действительности — по причинам практического характера — нам все-таки придется разделить эту единую, по сути, задачу на две. Пока „Калипсо“ крейсирует в водах архипелага, мы будем усиленно заниматься изучением подводной фауны и флоры. Потом, когда корабль уйдет в длительный, более чем двухмесячный антарктический рейс, в архипелаге останется малочисленный отряд, который должен будет найти последних на этом краю света туземцев, познакомиться с ними и, если возможно, войти к ним в доверие. Я сам основную часть путешествия к великому полярному материку буду на „Калипсо“, но если смогу, время от времени буду возвращаться к оставшемуся на Огненной Земле отряду. Руководить отрядом в мое отсутствие будут Бернар Дельмот (главный аквалангист) и Мишель Делуар (главный оператор). В отряд войдут Ив Омер (второй оператор), Франсуа Карре (оператор звукозаписи) и Жак Делькутер (аквалангист). Дополнит личный состав отряда доктор Крестос Клэр-Василиадис — лингвист, специалист по индейским наречиям, профессор католического университета Вальпараисо. Нам не обойтись без его помощи в беседах с морскими кочевниками.

Сейчас „Калипсо“ идет от острова к острову. Исследователи и натуралисты, начиная с Магеллана и Дарвина, видели в этом пейзаже только поверхность воды и выступающие из нее острова. (Дарвин, однако, хотел ознакомиться и с подводной фауной — с помощью специальных сетей он поднимал на борт образцы морских организмов.) Нам же предстоит изучать не только берега, но и дно. Мы хотим исследовать подводный мир, то есть различные звенья пищевой цепи*, которая позволяла индейцам выживать в этом краю.

Подводный рельеф архипелага столь же неровный, сколь и рельеф выступающих из воды островов. Измерения показывают, что в довольно узких проливах глубины весьма внушительны: 1200 м в проливе Месье в том месте, где ширина его едва достигает двух миль, 400 м в проливе Кастильо, где от одного берега до другого всего одна миля, и 300 м в проливе Октобон, „размах“ которого не превышает полумили.

Эти проливы представляют необычный и исключительно своеобразный биотоп. Из-за огромного количества осадков — в среднем 5000 мм в год — соленость воды здесь значительно ниже нормы. Местами в закрытых бухточках, куда не проникают течения, находит приют особая фауна, характерная для опресненных вод.

„Из-за этого, — говорит Филипп, — со мной приключилась забавная история. Вернее, забавной она мне кажется сегодня, а тогда мне бы-

Эти чайки сели на воду недалеко от „Калипсо“; как и их сородичи из умеренных широт, они не брезгают никакой пищей — ни живностью, ни отбросами, ни падалью . . .

ло не до смеха . . . Однажды я погружался в одной из бухточек на борту ныряющего блюда и чуть было не остался ее пленником. Вот как это было. Собираясь подняться на поверхность, я сделал все, что полагается в таких случаях. Все балластные отсеки пусты — однако вокруг по-прежнему одна вода. Еще раз продуваю балластные отсеки — никакого результата: ныряющее блюдо зависло на полтораметровой глубине, где его плотность уравнивала плотность окружающей жидкости! Счастье, что я догадался пустить двигатели на полный ход: мощная струя перемешала слои воды с различной соленостью — и я снова увидел солнце. Но чего это стоило!“

Вот „Калипсо“ идет между двумя гранитными стенами по черной воде одного из десяти тысяч проливов этой „земноводной“ пустыни . . .

Бросаем якорь неподалеку от небольшого пляжа (пляж — явление редчайшее в этих местах). Садимся в зодиак и отправляемся обследовать — в общих чертах — остров, у берегов которого остановилась „Калипсо“. Он типичен для здешних краев. По берегу почти сплошь тянется зыбкий ковер из мха и торфа; пробуем ступить на него, но сейчас же возвращаемся назад: толщина торфяного слоя достигает 1 м . . . Не дай бог очутиться посреди этой влажной коварной зелени — в ней увязнешь хуже, чем в зыбучих песках . . . Если бы Лавкрафт¹ был знаком с этими краями, то несомненно избрал бы их в качестве места действия одного из своих фантастических рассказов. Я же при виде такого пейзажа невольно вспоминаю великолепного и мрачного Дагона: то же таинственное море и первородный ил, которые покрывали Землю на заре появления жизни; при взгляде на такие картины воображение невольно само порождает чудовищ . . .

Мир, лишенный солнца

Сначала осматриваем найденный нами небольшой пляж, окаймляющие его скалы, которые неглубоко уходят под воду, и приливно-отливную зону. Мы уже натянули гидрокостюмы, но пока ныряем просто с обыкновенными дыхательными трубками. Потом взгромоздим себе на спины баллоны со сжатым воздухом и совершим первое глубоководное погружение из целого ряда запланированных.

Должно быть, основу питания индейцев — морских кочевников составляли моллюски. Здесь их сколько угодно. Наиболее распространены

¹ Лавкрафт (1890—1937) — американский писатель, один из зачинателей научно-фантастической литературы. — *Прим. перев.*

мидии, особенно местная разновидность мидии обыкновенной (*Mytilus edulis*), которая одинаково хорошо чувствует себя на скалистых кромках скал и в занесенных илом бухточках. Коренные жители зовут ее *чорито* или *килмаве*. У этих берегов встречаются в большом количестве и мидии двух других видов того же рода *Mytilus* — местное население называет их *чолса* и *чоро*. Чолса достигают в длину 12—14 см; чоро несколько больше — до 20 см в длину, они обитают вплоть до 12-метровой глубины; это самые изысканные мидии.

Моллюски, кроме того, представлены улиткой-блюдечком (индейцы называют его *мауча*), другим близким блюдечку видом (его индейцы называют *лапа*), букардиумом (по-местному *астионе*) и разнообразными видами брюхоногих*. Два вида из них, отличающиеся весьма большими размерами — до 20 см в длину, получили испанское название *caracoles de mar*; два других вида, поменьше, принадлежат к легочным улиткам родов *Helix* и *Murex*.

Водятся здесь и ракообразные, которые народ каное охотно употреблял в пищу. Весьма ценилась, например, гигантская *Lithodes antarcticus*, или *сентоля*, напоминающая по вкусу лангуста, — фиолетово-красная, с длинными колючими конечностями представительница десятиногих раков; диаметр ее панциря достигает 75 см. По сути дела, сентоля — родич аляскинских королевских крабов. На отмелях водится много морских ежей; плавают туда-сюда перед глазами аквалангистов „Калипсо“ отдельными косяками и небольшими стайками прибрежные рыбы; то и дело попадают на глаза сардины.

Однако, оставаясь почти у самой поверхности, всего не увидишь. Там, на глубине, тоже существует целый животный мир, и мы не можем оставить его без внимания. В каждый подводный рейд на глубину — в этот лишенный солнца мир — проходится брать с собой искусственное освещение. Свет мощных фар открывает перед нами дантовский пейзаж. Густому и темному огнеземельскому лесу на суше соответствует под водой лес бурых водорослей, такой же плотный и мрачный. Эти огромные водоросли выше самых больших деревьев: порой они достигают 100 м в длину, хотя некоторые из видов этих водорослей являются однолетними растениями; кое-какие из них в день вырастают более чем на 60 см... Бурые водоросли состоят из непрочных корнеподобных нитей (ризоидов), короткого стебля, не имеющего проводящих сосудов (то есть ствола) и глубоко расчлененных листьев: каждый лист к основанию утолщается в наполненную газом камеру (пневматоцист), которая выполняет функции поплавка.

Аквалангисты „Калипсо“ погружаются в этот ирреальный мир — вокруг мерно колышутся ленты гигантских водорослей, в облаках пузырьков сверкают всеми цветами радуги их яйцевидные поплавки.

Плотный лес архипелага, невероятное переплетение самых разных растений встают почти непреодолимой преградой на пути человека.

Туманность галатей

Едва мы начали глубоководные погружения, как холодные темные воды архипелага преподнесли нам первый большой сюрприз: мы оказались в самом центре настоящей *туманности галатей*. Галатеи появляются со всех сторон; это какие-то ирреальные и зыбкие существа, но здесь их столько, что кажется, вот-вот они подавят нас своим числом. Каждая галатея трепещет короткое мгновение в лучах наших прожекторов, потом резкий взмах брюшком — и эфемерное создание скрывается хвостом вперед. Когда находишься в гуще этих миллионов белесых организмов, трепещущих в темной воде, возникает такое впечатление, будто ты мчишься сквозь галактику на межзвездном корабле . . .

Галатеи — высшие десятиногие ракообразные, составляющие семейство *Galatheidae*. Эти существа немного похожи на приземистых мохнатых раков. Длина их составляет в среднем 10 см; у них хорошо развитый рострум, крупные сильные клешни на первой паре ног, а пятая пара конечностей очень небольшая — ими галатея чистит жабры. У га-

Густому сумрачному лесу, лишайникам и мхам на суше под водой соответствует такой же густой лес гигантских бурых водорослей; но только аквалагисты могут заметить эту поразительную симметрию.

латей мягкое подвижное брюшко, частично прикрытое головогрудью; как это свойственно ракам, они плавают — или, вернее, передвигаются рывками — хвостом вперед за счет резких взмахов брюшка.

Галатеи составляют важное звено всех местных пищевых цепей. Они кормятся мелким зоопланктоном, являясь, в свою очередь, добычей рыб, тюленей и китов . . . которых употребляют в пищу индейцы. Когда численность ластроногих и китов начала сокращаться, галатеи стали быстро размножаться. В некоторых районах их появилось так много, что они подавляют развитие других форм жизни.

Мало-помалу облачко ракообразных перед нами редет. Хотя со всех сторон нас по-прежнему окружают многочисленные галатеи, плотность их скопления уменьшается. Теперь мы можем рассмотреть и других морских животных.

Вот к нам спускается великолепная „комета“ с бесконечно длинным хвостом — это медуза, она сверкает тысячей огней. Просвечивающий „зонтик медузы“, украшенный синеватым геометрическим орнаментом, трепещет в такт ее движениям. Сокращая свой студенистый „колокол“,

медуза выталкивает воду и за счет этого передвигается в водной толще; таким образом, она использует самый простейший принцип реактивного движения. Ее висящие щупальца представляют собой смертельную ловушку для мелких рыбешек. Они снабжены тысячами стрекательных клеток — *книдобластов*; эти клетки состоят из ампулы с ядом, стрекательной нити, которая в состоянии покоя свернута в спираль, и внешнего чувствительного волоска — *книдоциля*. Как только жертва коснется книдоциля, стрекательный волосок распрямляется и вонзается в добычу. Этот укол, нанесенный одновременно с тысячами других таких же уколов, сразу же убивает мелкую жертву... После этого щупальца подносят добычу ко рту медузы.

Мы парим то около скал, то над головокружительными безднами — над ними такая черная вода, что мы даже приблизительно не можем прикинуть их глубины. Мы сталкиваемся с рыбами различных видов. Встречаем четыре или пять представителей ракообразных рода *Lithodes*, близких родичей королевских крабов, которых мы видели на Аляске. Возвращаясь на берег, проплываем над целым полем морских ежей, затем над колонией крупных мидий.

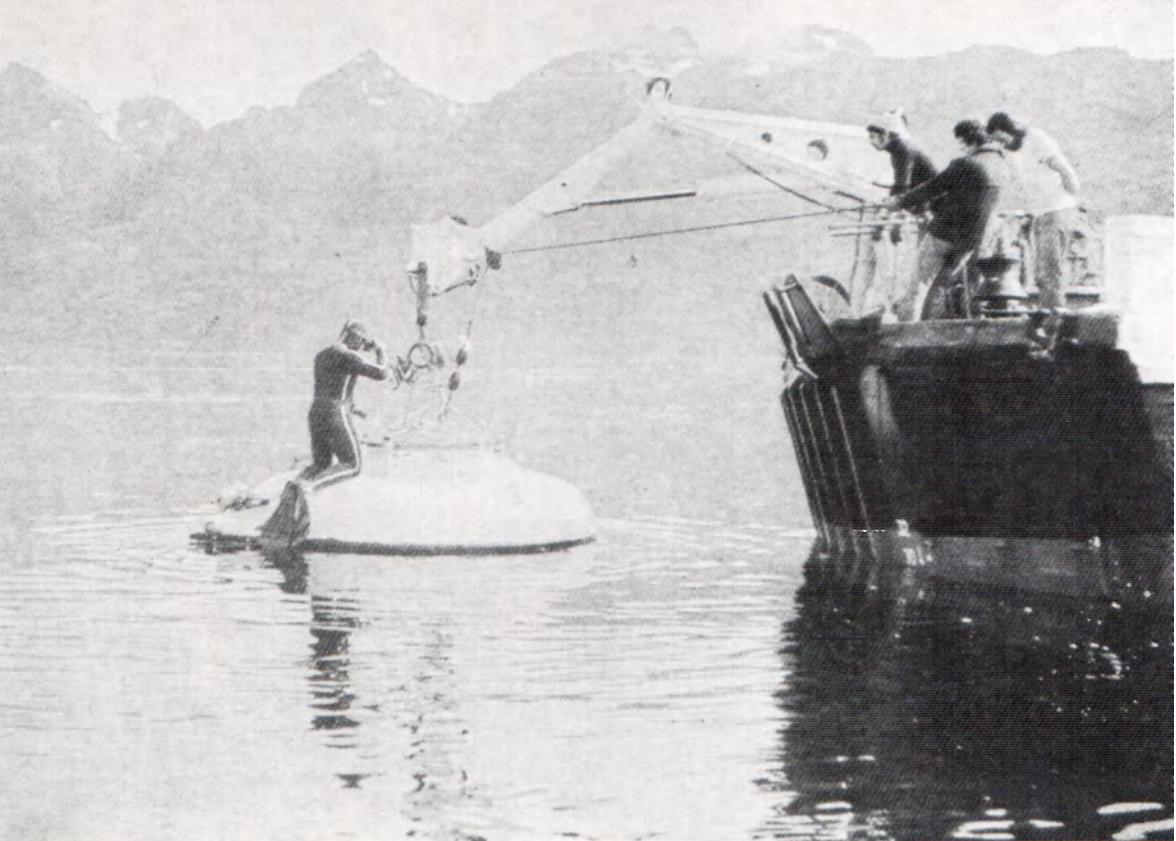
Пожар на борту
(„Дневник“ Фалько)

«5 декабря. Неподалеку от „Калипсо“ в одном из проливчиков вертолет обнаружил затонувшее судно — из воды выступают его надстройки. Отправляемся туда на трех зодиаках. Около часа идем на восток и наконец находим это судно, оно наполовину скрылось под водой и обросло водорослями. Колен Мунье обследует его снаружи. Доминик Сьюмьян, надев гидрокостюм, проникает во внутренние помещения, там он находит тарелки, сделанные в Голландии в прошлом веке. Я прыгаю в воду с кинокамерой и снимаю судно со всех сторон. В проливе бесчисленное множество галатей. Местами плывешь словно в густом супе из ракообразных.

Обратный путь дается нам нелегко. Целых полтора часа добираемся мы до „Калипсо“ против сильнейшего юго-западного ветра. Каждая волна бросает зодиаки из стороны в сторону, а мы со своей аппаратурой и прочим оборудованием сидим отнюдь не в шезлонгах.»

(„Дневник“ Филиппа)

«6 декабря. Приближается великая минута похода в Антарктику. В полярных морях мы не можем позволить себе транспортировать

Сейчас ныряющее блюдце совершит погружение в водах пролива Месье. Альбер Фалько готовится занять место на его борту.

ныряющее блюдце на „Калипсо“. Придется доверить его более мощному аргентинскому судну „Баия Агирре“ — оно доставит нам ныряющее блюдце тогда, когда мы начнем погружаться у пакового льда.

Однако пока ныряющее блюдце еще в нашем распоряжении, и сегодня мы в последний раз проведем в водах архипелага „исследование на блюдце“. Фалько и я занимаем место в тесном отсеке. Погружаемся. В этих узких проливчиках с обрывистыми берегами еще никогда не работал ни один аппарат, предназначенный для подводных погружений. Никогда человек не наблюдал здесь подводную жизнь на глубинах, недосягаемых для исследователя в обычном легководолазном скафандре.

Сначала проплываем через облако галатей — к этому мы уже почти привыкли. Потом, погружаясь все ниже, попадаем в слой очень холодной воды. Включаем внешнюю кинокамеру и снимаем какие-то странные существа, на первый взгляд похожие на угрей с иглами.

Это хек, или мерлуза, — единственная рыба, у которой, как и у других видов трески (семейство тресковых)¹, три спинных плавника. У хека сильные мышцы, и потому все его движения весьма изящны.

¹ В настоящее время рыбы типа хек, или мерлуза, выделены в особое семейство мерлузовые (*Merlucciidae*). — Прим. ред.

Ламинарии, один из видов бурых водорослей, имеют широкие „листья со спорами“, которые поддерживаются на плаву заполненными газом камерами — пневматофорами.

На дне пролива Месье, в глубинах темных вод, аквалангисты „Калипсо“ обнаруживают живые организмы, о существовании которых здесь они и не подозревали; на фотографии — актиния и губки.

Альбер Фалько поймал крупного представителя отряда ракообразных — это близкий родственник королевских крабов, обитающих в Тихом океане в северном полушарии.

Ведем наше блюдо сквозь ряды хека, чешуя рыбы сверкает всеми цветами радуги в лучах наших мощных светильников. На глубине 280 м делаем открытие — находим в этой мрачной пучине еще неизвестную ученым рыбу, типа „крысиный хвост“, с коричневыми и желтыми полосами на теле. Она роется в песчаном дне, видимо, в поисках живности. Но наши прожекторы пугают ее, и она прячется во тьму.

Поднимаемся в черной, как тушь, воде. И опять мне кажется, что мы путешествуем в космосе. Встречаем несколько НЛО — то есть медуз; эти морские корабли способны только бесконечно дрейфовать по воле течений, без цели, без отдыха, до самой смерти . . .

Медузы, так же как кораллы и актинии, относятся к обширному типу* кишечнополостных*. На определенной стадии своего развития медузы ведут неподвижный образ жизни. Впрочем, эта стадия непродолжительна, и всю остальную часть жизни они проводят в странствиях. У каждой взрослой медузы есть половые органы (медузы двуполы). Оплодотворение происходит в морской воде. Из яйца вылупляется личинка, которая прикрепляется к субстрату и, не меняясь в размерах, постепенно становится похожей на актинию с редкими щупальцами. Этот неподвижный полип вскоре начинает почковаться (это и есть так называемое бесполое размножение*), то есть производить маленьких медуз, которые отделяются от полипа и превращаются в самостоятельных подвижных особей. Вырастая, медузы достигают стадии половой зрелости — и цикл завершается . . .

Когда, закончив погружение, мы вновь ступаем на палубу „Калипсо“, в вышине пролетает стая диких гусей, словно приветствуя нас. Эти великолепных перелетных птиц с оперением цвета ржавчины, называют здесь или *caiquens colorados*, или „дрофами“¹ (научное название — *Chloephaga poliocephala*). В Патагонии мы встречали птиц близкого вида, только с пепельным оперением. Совсем недалеко отсюда гнездятся птицы еще одного близкого вида, но оседлые; у самца оперение чисто белое, а у самки — черное, с белыми полосами. Эти птицы питаются мелкими ракообразными, червями и водорослями.

Вечером возвращаемся в Ушуая. Завтра, около одиннадцати, как только погрузим ныряющее блюдо на „Баия Агирре“, мы снимаемся с якоря. И в путь, к Антарктике!»

(„Дневник“ Фалько)

«7 декабря. 11.00. Катер аргентинского морского флота сопровождает „Калипсо“ до острова Эклерер, где его сменяет другой быстроходный

¹Это магелланов гусь, которого неправильно называли „дрофой“. Дрофы — особое семейство отряда журавлеобразных, в Америке они не водятся. — Прим. ред.

Мадам Кусто, доктор Франсуа и я следим за погружением блюда, на борту которого находится Филипп.

катер, уже принадлежащий Чили; на палубу поднимается местный лоцман, чтобы провести нас к выходу из пролива Бигл.

16.00. Чрезвычайное происшествие. Когда до меня донеслись крики: „Пожар!“, я был на носу „Калипсо“. Мчусь на корму и действительно вижу, что у самого машинного отделения загорелось несколько ящиков с нашим оборудованием. Выбрасываю один ящик за борт. На помощь спешит дежурный по камбузу с тазом воды для мытья посуды. Заливаем водой второй горящий ящик. Инженер-механик Жан-Мари Франс кидает в море третий ящик. В эту минуту прибегают с огнетушителями еще несколько наших товарищей. Пожар потушен, но задним числом мы начинаем дрожать от страха: огонь занялся у самой топливной цистерны... На радиорубке обгорело несколько квадратных метров краски, кое-где пострадала краска и на внутренней обшивке.

Вот так нелепо могло оборваться наше путешествие... Но наступают сумерки, и мы, целые и невредимые, выходим из архипелага Огненная Земля. Чилийский лоцман возвращается на своем быстро-

ходном катере на берег. Обходим остров Пиктон, где когда-то жили миссионеры, намеревавшиеся проповедовать евангелие индейцам яганам. Курс — юг, идем к полюсу!»

С перерезанной пуповиной

«Мы смотрим, как постепенно уменьшается в море силуэт „Калипсо“, уходящей в Антарктику, — рассказывает Бернар Дельмот, — и не можем отделаться от какого-то странного чувства опустошенности... Мы находимся, если хотите, в положении новорожденного, у которого только что перерезали пуповину. Мы потеряли нашу „мать“ — огромное чрево из металла и дерева, уютное и теплое, оно так надежно защищает нас, когда мы идем в открытом океане, дает нам кров и пищу...»

Наши товарищи уже далеко. На архипелаге Огненная Земля нас осталось всего пятеро: Мишель Делуар, Ив Омер, Франсуа Карре, Жак Делькутер и я — нам предстоит отыскать здесь последних представителей народа каноз. Наш отряд дополняет доктор Крестос Клэр-Василиадис, лингвист, специалист по местным наречиям.¹»

(„Дневник“ Мишеля Делуара)

«(Дата не указана.) Решено, что базой нашей экспедиции будет Пуэрто-Эден² на восточном побережье острова Веллингтон, который отделяется от материка проливом Месье. Но какое нас постигло разочарование, когда мы туда прибыли! Само название населенного пункта звучит, как насмешка: что может меньше походить на рай, чем это затерянное поселение, где доживают свой век нищие рыбаки и где за неимением приключений плачевным образом застряло несколько их искателей?»

Итак, Пуэрто-Эден отнюдь не рай, но, входя в расположенный в его окрестностях лагерь индейцев, попадаешь в первый круг ада. Чилийское правительство собрало здесь последних *алакалуфов*, или *кауашкаров*. Они живут в некоем подобии бидонвиля в лачугах из шатких досок и кусков толя, рядом с небольшим метеорологическим военным постом, где четверо солдат томятся в ожидании, когда придет смена.³

¹ После военного путча в Чили доктор Клэр-Василиадис эмигрирует в Париж, где в настоящее время преподает под именем доктора Крестоса Клэра.

² *Eden* (исп., франц.) — Эдем, рай. — *Прим. перев.*

³ Строя наши планы, мы хотели встретиться не только с кауашкарами, но и с другими „огнеземельцами“. Нас, в частности, очень привлекали *она*. Мы были зачарованы тем, что прочитали об их культуре и обычаях. Увы! Прибыв в Ушуая, мы узнали, что последняя представительница народа бна, старая 80-летняя женщина, находится при смерти...

Слово *алакалуф* означает „едоки ракушек“; но сами индейцы так себя не называют. Это слово они считают презрительным прозвищем, которым наградили их иностранцы и другие племена индейцев. Они предпочитают называться *кауашкарами*, что на их языке значит просто „народ“. Мы решили придерживаться *их* словаря.

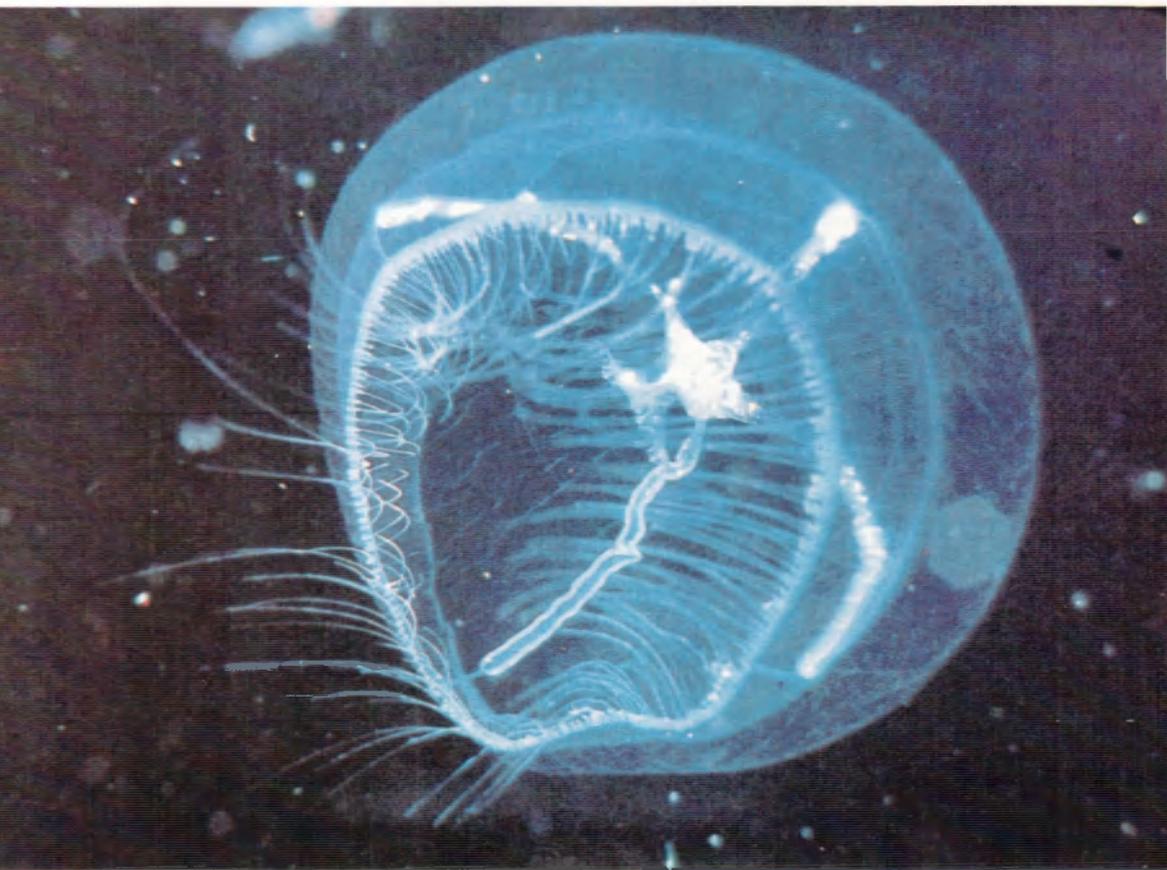
Бедный „народ“! . . . От него уже почти ничего не осталось. В лагере, где он живет, подчинившись своей судьбе, сохранилась единственная хижина, построенная традиционным способом — из веток и земли, ее занимает школьный учитель . . . Этот учитель-метис якобы преподает детям испанский, но сам говорит по-испански очень плохо. Ребятишки болтают на каком-то смешном ломаном наречии, смеси испанского с языком кауашкаров. Взрослые все еще говорят на языке предков.

У нас не было никаких иллюзий по поводу того, что мы здесь увидим: доктор Клэр-Василиадис достаточно подробно обрисовал нам положение дел. Но действительность превзошла худшие наши ожидания. В лагере у Пуэрто-Эдена не просто исчезают традиции одного из племен индейцев, но *вымирает физически целый народ*. Мы постараемся получить от оставшихся в живых хоть какие-то крохи знаний о прошлом их этнической группы. Но мы ничего не сможем для них сделать. Мы не можем бороться с неумолимыми цифрами: в XVIII веке кауашкаров было более 4000; в 1880 году их оставалось лишь 949, в 1885—490; в 1924-25 — 150; в 1964—100; в 1953—60; в 1971—47; а сейчас, когда мы приехали, — их всего 27 человек. С изолированными народностями происходит то же, что с видами животных и растений: если численность падает ниже какого-то определенного уровня, вредные последствия близкородственных браков, а также влияние пониженного психического тонуса, порожденного безвыходным, отчаянным положением всего народа, на жизнеспособность племени приводят к тому, что дети рождаются все реже и реже. И даже если создать им хорошие условия (до чего в данном случае далеко!), вряд ли можно надеяться, что эти малые народности возродятся вновь.

С антропологической точки зрения, кауашкары — индейцы, монголоиды особого типа, встречающегося по всей Южной Америке. И когда впервые видишь их — будь то перуанцы или боливийцы, — прежде всего в глаза бросаются их общие отличительные черты, свойственные этому типу: смуглая кожа, узкие глаза, широкие скулы, иссиня-черные волосы, редкая растительность на лице, кряжистый крепкий торс . . .

Мы довольно легко наладили с ними контакт. Кауашкары знакомы с доктором Клэр-Василиадисом — он уже не раз бывал здесь и представляет нас как друзей. Но до чего же убога их деревня . . .

Народ, когда-то гордившийся и дороживший своими традициями, теперь занимается лишь попрошайничеством, собирает понемногу дары моря и ведет скудную торговлю с чилийцами. Большие суда редко

Подобно дрейфующему между звездами космическому кораблю плывет по течению эта медуза. Ее ядовитые щупальца парализуют мелкую добычу.

заходят в Пуэрто-Эден: те, что курсируют между Вальпараисо и Пунта-Аренас, проходят мимо далеко от берега — в самой середине пролива Месье. Если какое-нибудь судно делает остановку в Пуэрто-Эдене, кауашкары бросаются к причалу, чтобы в обмен на крепкие напитки, вино, одежду или деньги предложить жалкие ремесленные поделки. Кауашкары, во времена своего расцвета строившие длинные лодки из дерева, продают теперь туристам их уменьшенные модели из коры . . .

Кое-кто из деревни ходит работать на известняково-фосфатные разработки Гуарельо, недалеко от Пуэрто-Эдена. Эти люди находятся в привилегированном положении, хотя их и эксплуатируют нещадно. У других же, опустившихся до крайней степени нищеты, не приспособо-

Дно проливов архипелага богато жизнью, о чем свидетельствуют морская лилия (в верхнем углу), офиура (в нижнем левом углу) и морской паук (в центре).

бывшихся к современному миру и неспособных вернуться к старому образу жизни, нет ни надежды, ни воли.»

*Они жили без одежды и были счастливы
(„Дневник“ Мишеля Делуара)*

«(Дата не указана.) Взгляд кауашкаров выражает неизменную грусть, неизлечимую печаль. Они в большинстве своем не то чтобы понастоящему больны, но как будто постоянно подавлены. У них нет больше смысла в жизни. Кауашкары влачат свое существование, как ненуж-

ный груз. Целыми днями, присев на корточки, они смотрят на горы напротив. Или вообще ни на что не смотрят, устремив взгляд куда-то в пространство . . . О чем они думают, так глубоко уйдя в себя, безразличные ко всему окружающему, — не о безвозвратно ли миновавшем прошлом?

Предки кауашкаров жили без одежды в этом влажном и холодном климате. И тем не менее они были счастливы: у них были песни, ритуальные танцы, истории, которые они пересказывали, страсти, которыми они жили, шутки, которые они разыгрывали, даже ссоры, которые они улаживали. Кауашкары были свободны, они прекрасно обходились без вождей; проливы архипелага составляли их владения; одним словом, они были *кочевниками моря*, как туареги в Сахаре — кочевники пустыни.

А теперь, что с ними случилось теперь? Да, они превратились в оседлых жителей — но утратили свою душу. Одеты — но в лохмотья. Обуты — но в бесформенные башмаки. Благодаря одежде они узнали, что такое холод. Они еще плетут корзины для туристов, но сами пользуются старыми пластиковыми сумками . . . Они жили свободными на берегах бесчисленных островов и проливов — теперь живут в грязном лагере, как в тюрьме — или почти как в тюрьме. Они сами обеспечивали свое существование, рассчитывая только на щедрость моря, — теперь они зависят от туристов и выходцев с острова Чилоэ и архипелага того же названия (которые заселили остров Веллингтон наряду с другими многочисленными островами). Привычка попрошайничать прививается очень быстро. Кауашкары принимают все, что им дарят: картофель, свитер, шариковую ручку — все. Им все нужно. Вернее, они настолько нищи, что берут даже то, чем не пользуются. Это уже превратилось в рефлекс своего рода . . .

Но, отказавшись почти ото всего — кроме языка, — эти мужчины, женщины и дети сохраняют страсть к *лодкам*. Это последнее, что еще осталось у вымирающего племени, жившего морем, от прошлого. Они по-прежнему *любят перемещаться по воде* . . .

Конечно, теперь они не делают традиционных больших каноэ из дерева, да и нет среди кауашкаров ни одного человека, который успел бы застать времена, когда их еще строили. Сейчас индейцы просто покупают тяжелые деревянные шлюпки. Но по примеру предков дорожат ими, как зеницей ока. Они подолгу сидят в них, даже если в этом нет никакой надобности. Прямо в лодке иногда рождаются их дети и здесь же в лодке играют, еще до того как научатся ходить. Здесь-то они и становятся коренастыми, коротконогими и большерукими, то есть приобретают черты, свойственные их расе, — они ведь по-прежнему остаются гребцами.

Порой кауашкары без всяких видимых причин уходят в проливы на

неделю, месяц, а то и два, как это делали их предки. Похоже, что их гонит в дорогу не столько необходимость, сколько какое-то смутное воспоминание о прошлом. Они уходят, взяв с собой немного масла, муки и оружие. Там они охотятся на тюленей и выдр; вернувшись, продают шкуры торговцам с Чилоэ за кусок мяса и щепотку табаку.

Если мы хотим получить хотя бы приблизительное представление о том, каким был этот народ в прошлом, то единственное средство для этого — пойти вслед за лодками кауашкаров, а также разговаривать стариков. Для этого-то мы и должны изучить архипелаг.

В растительности этих островов есть что-то дьявольское. Так как беспрерывно идут дожди, все здесь буйно растет. Невозможно сойти на берег и пройти метров десять в глубь острова, не погрязнув по пояс во мху и болотистой почве, не запутавшись в переплетенных между собой деревьях, лианах и сгнивших ветках, прикрывающих невероятно мягкий растительный ковер. Здесь-то и начинаешь понимать, что в этих условиях кауашкары и родственные им племена могли жить только *за счет моря* и только *на море*. Даже сегодня почти нигде не встретишь ни жилья, ни тропинки. Единственным путем сообщения остаются проливы. И если, попав в этот лабиринт, вы потеряете лодку и не сумеете построить вместо нее какой-нибудь челнок, вас ждет верная смерть.

И все-таки в течение многих веков местному населению удавалось жить здесь в согласии с природой. Архипелаг Чилоэ представляет собой естественную экосистему, и кауашкары были ее составной частью. Они охотились на тюленей, выдр и морских птиц. Но главным образом собирали моллюсков, ракообразных и вытаскивали из воды с помощью заостренной палки или двузубца морских ежей.

За моллюсками и морскими ежами ныряли только женщины. *Паша* был поражен, когда узнал о таком разделении труда. Он поручил мне выяснить, как они действовали под водой, особенно же, как переносили холод. Я высказал предположение, что женщины лучше, чем мужчины, защищены от потери тепла, потому что у них более толстый слой подкожного жира. Однако мою гипотезу невозможно проверить — теперь кауашкары добывают себе пропитание попрошайничеством, и женщины здесь больше не ныряют.

Время от времени индейцы устраивали празднества — если на какой-нибудь берег неподалеку выбрасывался кит. Ни сборы морских даров и ни одно из других занятий индейцев не подорвали биологический потенциал архипелага. Кочевой образ жизни племени — а к нему понуждало индейцев собирательство даров моря — значительно способствовал тому, что природные ресурсы не истощались.

Сейчас это естественное равновесие нарушено. И не загрязнение окружающей среды (незначительное, поскольку в этих краях нет ни промышленности, ни крупных городов) и даже не интенсивный промысел,

Бидонвиль Пуэрто-Эдена. Здесь „живут“ последние представители индейского племени кауашкаров.

Темные дельфины сопровождают аквалангистов „Калипсо“ в мрачных водах проливов архипелага.

который ведут белые, нарушили его. Только вторжение западноевропейской культуры всего в течение жизни нескольких поколений разорвало связи, которые индейцы поддерживали с природой.

Никто больше не ходит обнаженным в этих краях, где ледники спускаются к морю. Но никто больше не сумеет построить традиционную хижину из веток, обтянутых тюленьими шкурами. Никто больше не мастерит те вместительные лодки, куда усаживалась, уходя ловить рыбу, вся семья, где готовили еду и засыпали, счастливые.»

Гигантский буревестник (его можно узнать по необычному клюву, состоящему как будто из отдельных, причудливым образом соединенных одна с другой частей) собрался насиживать яйца в гнезде.

народ каноэ

ТЕЛО, РАСКРАШЕННОЕ КРАСНЫМ — КОРЗИНА РОСЫ
СОБАКИ — ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ КАМЕННОГО ВЕКА
ЕСТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ — КОРА, ШКУРЫ И ТРОСТНИК

Кауашкары в бидонвиле неподалеку от Пуэрто-Эдена перестали быть народом, не носящим одежды. Их одевает Чили. Но их одежда — одни лохмотья, надетые на грязное тело. Они ходят по грязи и живут в грязи. Хижины, где посреди пищевых отходов и полуистлевших тюленьих шкур ютятся дети и собаки, источают невыносимое зловоние.

Кауашкары были кочевниками — и тогда кауашкары были народом. Теперь их привязали к одной гавани — и их мир окончательно рухнул. Кочевой образ жизни понуждал их бороться, проявлять мужество, находчивость, смекалку. Но с тех пор как кауашкары стали получать пищу и одежду, которые они не просили, кауашкары разучились обходиться собственными силами и живут нищенски на клочке земли, как в заточении. А раньше на этих десяти тысячах островов архипелага у них не было иных границ, кроме горизонта . . .

Вдобавок ко всему, кауашкары, конечно, познакомились с вином и крепкими напитками и слишком к ним пристрастились. Раньше они пили дождевую воду, черпая ее с поверхности моря; днем и ночью они поглощали огромные количества воды, передавая друг другу сосуды, как в некоем ритуале, а теперь предаются пьянству. Это удел всех „дикарей“, всех изгоев, с вторжением европейцев лишаящихся собственного духовного мира: они перенимают любимый наркотик завоевателей. Они беспрестанно пьют, стараясь забыть о своем вырождении. Они становятся бродячими нищими, чтобы не думать о навсегда потерянном мире. А когда все же вспоминают о нем, то впадают в состояние грустной задумчивости, из которого ничто не может их вывести.

В Пуэрто-Эдене остановилось торговое судно. Кауашкары, женщины и дети, отправляются предложить экипажу и пассажирам свои жалкие поделки.

Бернар Дельмот исполняет обязанности сестры милосердия среди кауашкаров. Лишенные всего, кауашкары стали нищими бродягами, обитающими на краю света.

Роса сплела по старинному образцу тростниковую корзину и хочет продать ее белым: ей не удастся никого разжалобить.

Теперь Роса, как и все, живет в лачуге из досок и толя. Раньше, когда кауашкары были свободным и гордым племенем, они строили хижины из веток и тюленьих шкур.

С этими-то людьми (можно было бы сказать „с этими бывшими людьми“, если бы мучительные проблески ясного ума или пронизанной отчаянием гордости не мелькали порой в их глазах) и живут бок о бок вот уже много недель Мишель Делуар, Бернар Дельмот и их товарищи. Они пытаются полюбить этих несчастных.

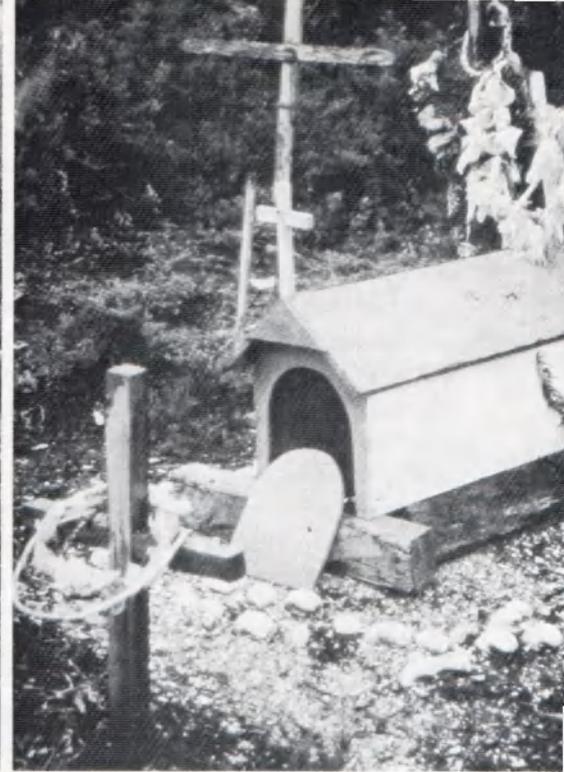
Тело, раскрашенное красным

Одно из наиболее удручающих свидетельств утраты кауашкарами племенных традиций состоит в том, что они разучились веселиться, забыли, что такое праздничный наряд. Хотя основную часть времени они и жили почти обнаженными, но для самых важных событий умели изготовить себе великолепные наряды. Теперь же они весь год таскают поношенную одежду белых и не помнят, что значит слово „смех“.

Раньше в дни празднеств кауашкары искусно украшали себя. Женщины надевали ожерелья из фиолетовых и перламутровых ракушек (*караколес*), которые нанизывались на нити, сделанные из сухожилий кита, вперемежку с круглыми раковинами и бусинами из отшлифованной кости. Мужчины носили такие же украшения на голове в виде повязки. На некоторые праздники они наряжались в „галстуки“ из птичьей кожи, покрытой еще остатками белого пуха. На руки и на ноги надевали браслеты из перьев чайки или даже белой цапли — самой изящной птицы этих краев. Или же надевали на голову кожаную шапочку с прикрепленными наверху крыльями чайки. . . . Иногда они наряжались в накидки из меха выдры, котика, гуанако или нутрии, сшитых нитями из сухожилий кита. Ремешок из тюленьей кожи, к которому прикреплялся этот кусок меха, служил им при случае и набедренной повязкой.

Но особенно, как все индейцы и как большая часть „дикарей“, кауашкары любили раскрашивать тело в яркие цвета — красный, белый и черный. Красную и белую краски получали из глины — на архипелаге ее хватает; черную изготовляли просто из древесного угля, растертого с жиром. Мореплаватели прошлых веков описывали (зачастую слишком кратко и насмешливо), как они раскрашивали тело. Одни упоминают о „телах и лицах сплошь в красную крапинку, за исключением нескольких черных и белых пятнышек“ (Ладрильеро¹), другие — об „обнаженных телах, обмазанных красной глиной“ (Сармиенто). Есть также рассказы о людях с раскрашенным красной краской лицом и птичьими крыльями на голове; о людях, чьи тела целиком закрашены белыми,

¹ Ладрильеро, Хуан; Сармиенто, Педро — испанские мореплаватели эпохи Великих географических открытий. В 1579—1580 годах Педро Сармиенто составил первую карту Магелланова пролива. — *Прим. ред.*

Между людьми и тощими плешивыми собаками сложились странные отношения; иногда люди бывают жестоки с собаками, а иногда проявляют к ним уважение, совсем как к человеку.

Один кауашкар построил эту любопытную „конуру“ на кладбище; мы так и не сумели узнать, строилась ли она для души собаки или у нее какое-то другое предназначение.

черными и красными полосами; о людях, у которых „тела вымазаны землей, древесным углем, красной охрой, белой краской и тюленьим жиром вдобавок“ (Фицрой); о мужчине, у которого все тело было выкрашено в красный цвет: он ждал, пока жена рождает в семейной хижине, — и т. д.

Теперь символический язык украшений и грима, несший эмоциональную и духовную нагрузку, исчез. Поколение стариков, умерших в 20—30-е годы нашего века, должно быть, еще знало смысл масок и предметов, предназначенных для самых тайных обрядов. Теперь же это знание окончательно утрачено.

«Кауашкары, которых мы встретили, — пишет Мишель Делуар в своем „Дневнике“, — давно отказались от украшений, нарядов, перестали раскрашивать лица и тела. Еще несколько лет назад мужчины любили получать в подарок дешевые кольца, шейные платки ярких расцветок, перчатки, поношенные форменные пиджаки и гордо разгуливали в этой нелепой разношерстной одежде. Точно так же женщины оценили появление на островах помады и румян, и когда в Пуэрто-Эдене останавливались суда, то, прежде чем подняться на борт и предложить на продажу свои поделки, они долго приводили себя в порядок. Теперь же они идут на корабль в лохмотьях, идут просить милостыню . . .

На примере истории одежды кауашкаров можно проследить судьбу этого народа в целом. Сначала они ходят обнаженными и пользуются шкурами (если не считать обрядов) только ночью, укрываясь ими от холода. С приходом белых они меняют ценные шкуры выдр и котиков на дешевые европейские ткани. Нанимаясь на суда, промышленяющие тюленей, кауашкары охотно перенимают верхнюю часть костюма „цивилизованного человека“, но носить брюки отказываются, потому что они их стесняют (на фотографиях 20-х годов кауашкары запечатлены в одних рубашках и пиджаках). Когда по постановлению президента Чили их сгоняют в лагерь, им выдают поношенную армейскую одежду. И наконец, брошенные всеми, они прикрываются лохмотьями — платьями из старых мешков и кое-как залатанными брюками.»

Корзина Росы

Отряд „Калипсо“ благодаря помощи доктора Клэр-Василиадиса мало-помалу сближается с последними представителями народа каное.

Мишель Делуар снимает на пленку печальную историю взрослого кауашкара, еще воодушевляемого желанием делать что-нибудь своими руками. Три года назад этот кауашкар принялся строить лодку. Однако он настолько беден, что, когда в Пуэрто-Эден заходит большой корабль, может купить зараз лишь несколько гвоздей. Тогда его работа немного продвигается вперед, но потом снова останавливается — до появления какого-нибудь следующего судна . . .

Или, например, Роса, мать одного из семейств, входящих в общину кауашкаров. Она тоже привлекает интерес кинооператоров. Целую неделю Роса тщательно мастерила лодку из коры; потом она плела корзину традиционного образца: раньше в такие корзины женщины складывали собранный „урожай“ (в те времена, когда они нагишом ныряли за мидиями в ледяную воду на 20-метровую глубину). Процесс изготовления этих корзин долгий и трудный. Чтобы тростник стал гибким, его нужно умело обработать над огнем, а потом его надо жевать зубами. И только после этого можно приниматься за работу. Плетут корзину таким образом, чтобы ее можно было приплюснуть и сделать плоской — тогда она не будет мешать под водой, — кропотливая работа, потребовавшая особых стараний Росы. И удалась она ей великолепно! К сожалению, эта корзина — лишь поделка для туристов. В лагере кауашкаров такими корзинами никто больше не пользуется; женщины, собирая на берегу моллюсков (как я говорил, они больше не ныряют за ними), складывают их в пластиковые сумки . . .

Вот английский корабль бросает якорь у Пуэрто-Эдена. Роса кидается в лодку, гребет к кораблю и взбирается на палубу, чтобы продать

свой дешевый товар. Но ее рваная заношенная одежда, жалкий и неряшливый вид вызывают скорее отвращение, чем сочувствие. Сколько она ни предлагает с умоляющим видом свои поделки, никто ничего не покупает. Ведь она всего лишь нищенка, живущая где-то на краю света. Не получив ни гроша, Роса возвращается в лачугу, где ее ждет муж, строитель лодок, который больше ничего не строит.

К тому времени, когда отряд „Калипсо“ познакомился с кауашкарами, их племя насчитывало всего-навсего 27 человек: девять мужчин, шесть женщин и двенадцать детей; они составляли пять семей, расположенных в восьми домах — кстати, не заслуживающих этого названия. Сексуальные отношения у кауашкаров, по-видимому, свободные: так, у одной женщины сразу два мужа. (Но ведь это и необходимость — если принять во внимание несоответствие между количеством взрослых мужчин и женщин.) С индейцами живет один белый — выходец с острова Чилоэ; он женат на женщине, имеющей какую-то особенно жалкую, грязную и отталкивающую наружность; но он никогда не открывал свою душу, и никто не знает, что побудило его сделать такой выбор и вести подобное существование.

Собаки

Собаки в Пуэрто-Эдене — сущее проклятие. Когда они появились на островах архипелага? Трудно сказать. Неизвестно, местные ли это породы, или их завезли с собой испанцы, или же это помесь пород местных и завезенных. Как бы то ни было, индейцы к ним привязаны. Уже в XVIII веке путешественники сообщали, что каждый индеец имеет пять-шесть собак. И теперь еще каждая семья держит полдюжины тощих, но свирепых собак, ревностно охраняющих подходы к лачуге хозяина. Когда кауашкарам мягко намекаешь, что лучше иметь меньше собак, но зато сытых, они как будто не понимают тебя. „Они мне нужны, чтобы охотиться на выдр,“ — говорят индейцы.

Наверное, раньше собак действительно держали именно для охоты. Но сейчас ведь дело обстоит совсем не так. И ответ кауашкаров — это нечто вроде магического заклинания, позволяющего мечтать о будущей большой охоте, которая поможет им вернуть былое достоинство.

Собаки сопровождают человека на протяжении всей его жизни. Они путешествуют с ним в лодках. Они спят в лачугах рядом с членами семьи. Но относятся индейцы к собакам довольно-таки противоречиво. С одной стороны, они их весьма почитают: умышленное убийство собаки, на их взгляд, является серьезным проступком; если умирает сука, ее выводок подбирает женщина, она выкармливает щенков и заботится о них, как о собственных детях; щенятам вообще оказывается самое неж-

Моллюсков и морских ежей для всего племени кауашкаров всегда собирают женщины. В прошлом они голышом ныряли за ними в ледяную воду проливов.

Китовые кости на пляже. Когда кит выбрасывается на берег, кауашкары тотчас же отправляются туда и до отвала наедаются жиром и мясом. В прошлом по этому поводу устраивались продолжительные празднества.

ное внимание; наконец, ни одного щенка-кобеля не умерщвляют... С другой стороны, кауашкары без зазрения совести убивают молодых сучек; если их собака падает в воду, они не спешат ее вытащить; если пришло время отчаливать от острова, а собака все еще бродит где-то в зарослях, они не колеблясь бросают ее, обрекая тем самым на верную смерть; и, наконец, они, кажется, не замечают, как в самом лагере у Пуэрто-Эдена их изголодавшиеся, замученные паразитами, покрытые гнояниками и ранами и облезшие большими пятнами собаки насмерть дерутся из-за заваливающейся кости, миски супа, кусочка китового жира и даже из-за клочка тюленьей шкуры или обмылка.

К европейцам собаки проявляют неизменную злобу. А так как они вполне способны живьем разорвать на куски больного или раненого сородича, члены отряда „Калипсо“ боятся их, как чумы. У индейцев есть большие „палки для собак“, с помощью которых они прогоняют чужих

собак и разнимают дерущихся. Их не раз приходилось пускать в дело, чтобы защитить Делуара, Дельмота и их товарищей.

Технические приемы каменного века

„При более близком знакомстве с кауашкарами, — рассказывает Бернар Дельмот, — мы неожиданно открыли, что у них крайне простые орудия и очень мало изделий. Я отлично знаю, что сами мы представляем мир, конечной целью которого стали предметы потребления и погоня за новинками. Не менее хорошо я понимаю, что оставшиеся еще в живых индейцы из Пуэрто-Эдена утратили большую часть технических знаний и навыков предков. И все же . . . Те немногие предметы, что мастерят (или мастерили) эти мужчины и женщины, почти не выходят из рамок первейших жизненных потребностей, а технические приемы их изготовления столь же несложны, как технические приемы человека каменного века в Европе . . . Уже кроманьонец рисовал на стенах некоторых пещер великолепных животных. У кауашкаров не появилось почти никаких видов художественного творчества, за исключением музыки.“

Возможно, причиной такой скудости воображения является скудность той природной среды, которая окружает индейцев. И дело здесь отнюдь не в умственных способностях. Просто на том огромном пространстве, которое представляет собой архипелаг, только узкая полоска земли, да и то не на всех островах, пригодна для жизни — тут просто негде „развернуться“ человеческому разуму, негде проявить свою остроту и изобретательность. Единственное место, где может поселиться человек, — небольшие песчаные пляжи, зажатые между скалами и водой. Единственный источник питания — морские животные (при этом весьма ограниченное число видов). Лес не дает практически никакого материала, кроме топлива, ветвей для хижин и древесины для лодок. В общем, мало что здесь может пробудить творческую фантазию! Подходящей глины нет, значит, нет гончарного ремесла. Нет растений с крепкими волокнами (и нет возможности разводить скот, который давал бы шерсть), значит, нет и ткачества. Годных к возделыванию земель нет, значит, нет земледелия и нет связанных с ним ремесел . . .

Однако как бы ни был ограничен круг ремесел, которыми могли заниматься кауашкары, они все же были приспособлены к существованию в местных условиях. Именно благодаря этим условиям жил этот морской народ — и жил счастливо. И только под влиянием белых разрушился многовековой уклад жизни кауашкаров. Одежда, подаренная мореплавателями, мелкие дешевые товары, привезенные спекулянтами, впервые вызвали потребности и желания, которые невозможно было удовлетворить с помощью местных ресурсов, — так родилась зависи-

мость от „цивилизованных“ стран и сопровождающая эту зависимость зловещая свита из краж, нищенства и упадка. Теперь трудно представить, какой была изначально жизнь индейцев — жизнь, которую они вели, пока были „дикарями“, то есть пока были народом, были независимыми.

Хижины, в которых они жили, легко разбирались, и они возили их с собой в бесконечных переездах по проливам архипелага. Как известно из рассказов первых видевших их европейцев (Ладрильеро, Фрэнсис Дрейк¹, отец Гарсия Марти, Бугенвиль² и т. д.), кауашкары сооружали для хижин круглые или овальные остовы из жердей, толстые концы жердей вбивались в землю, а верхушки загибались, так чтобы получился купол. Потом сверху натягивали тюленьи шкуры или укладывалась кора деревьев; на самом верху постройки устраивалось отверстие для дыма. С тех пор как человек покинул пещеру, у него не было более примитивного жилища . . . Но каким бы неудобным оно ни было — хотя бы из-за одного только дыма — такое жилище легче, чем какое-либо другое, разобрать, уложить в каное и в тот же день вновь установить на другом острове, где у берегов полно вкусных моллюсков. Некоторые семьи ежегодно передвигались по одному и тому же маршруту и каждый раз брали с собой только чехол из шкур для хижины. А жерди оставались на месте до следующего приезда.

Впрочем, хотя жилища кауашкаров кажутся сделанными на скорую руку, они были вполне прочными: достаточно сказать, что они выдерживали порывы здешнего ветра. Они не пропускали дождя (а тут каждый день идет дождь) и были довольно уютными. Благодаря их овальной форме тепло от очага, располагавшегося посередине хижины, равномерно распределялось по всему жилищу. Но был у такой хижины и существенный недостаток: в ней легко возникал пожар. Нередко во время дождя отверстие для дыма приходилось затыкать пучком прутьев („пробкой для дымохода“); иногда пучок загорался, и тогда огонь охватывал всю хижину.

Но как кауашкары добывали *огонь*? В настоящее время в их быт вошли спички — кстати, они кланчат их у всех, кто приходит в их лагерь. Кауашкары считают спички большой ценностью, они хранят их в коробках, завернутых в тряпки, и ни одной спички не расходуют понапрасну. Чтобы разжечь нечаянно потухший семейный очаг, они скорее обратятся к соседу за головешкой . . .

¹ Дрейк, Фрэнсис (1545—1595) — английский мореплаватель и пират, совершивший впервые после Магеллана кругосветное плавание (1577—1580). — *Прим. перев.*

² Бугенвиль, Луи Антуан (1729—1811) — французский мореплаватель. В 1763—1765 годах исследовал Фолклендские острова. В 1766—1769 годах возглавлял первую французскую кругосветную экспедицию. — *Прим. перев.*

Вероятно, раньше народ каноэ добывал огонь, высекая его ударами кварца о пирит (оба этих минерала можно найти на островах). В качестве топлива использовался сухой мох, древесная труха и сердцевина высохших ветвей кипарисовых (они всегда легко занимают огнем даже после проливного дождя). На всех островах архипелага встречается также что-то вроде „чудесного“ кустарника — настоящий дар небес для всех путешественников, — который загорается даже под морозящим дождем. Словом, для разжигания очага всегда найдется что-то подходящее. При сильных осадках, когда огонь разгорался с трудом, индейцы „призыва-

Красота свободных птиц архипелага резко контрастирует с убожеством последних оставшихся в живых индейцев кауашкаров. На фотографии — брачные игры двух альбатросов очень светлой дымчатой окраски.

ли“ его, сопровождая каждый „удар огнива“ коротким „магическим“ свистом. Кауашкары забыли многое из того, что умели их предки, но это почему-то помнят до сих пор.

Есть, чтобы жить

У всех народов кулинарные рецепты для повседневного стола отличаются от кулинарных рецептов для стола праздничного.

Для кауашкаров самым роскошным блюдом было мясо кита. Когда какой-нибудь кит (гладкий кит, полосатик, горбач, кашалот . . .) выбрасывался в отлив на побережье одного из островов архипелага, туда уходили все жители селения. Они устраивали лагерь прямо рядом с тушей и наслаждались мясом и жиром до тех пор, пока не съедали все без остатка. Это был настоящий праздник, с песнями, плясками и шутками — в такие минуты жизнь была прекрасной для кауашкара. И сегодня еще выбросившийся на берег кит — счастье для бедного индейца: вместе с китовым мясом он как будто „приходит в себя“, обретая ненадолго свою истинную сущность. Индеец со своей семьей, как раньше это делало все племя, уходит, чтобы неделю, а то и больше наесться до отвала китовым мясом и жиром. Вернувшись с таких пирушек индеец, его жена и дети выглядят гораздо здоровее, чем раньше. Можно подумать что их организм очень быстро усваивает пищу и что, по мере того как они потребляют высококалорийную пищу, к ним возвращается „хорошее настроение“ . . . (Доказано, что эскимосы нуждаются в большом количестве животных жиров, чтобы оставаться „в форме“. Весьма вероятно, что так же дело обстоит и с индейцами, живущими на крайнем юге Америки. Одинаковые условия жизни — холод и т. д. — предполагают и одинаковые физиологические приспособления.)

Пока кауашкаров не заточили в Пуэрто-Эдене, они часто питались тюленями. Вернее, мясом и жиром тюленей, потому что внутренности (сердце, легкие, печень, кишки, почки) были „табу“. Самым лакомым куском считались мозги. Мясо не коптили — его съедали сырым или ждали, пока оно немного протухнет. (Мясо считалось „готовым“, когда кожа убитого животного становилась слегка зеленоватой и от нее начинала легко отделяться шерсть . . .) Таким же необычным был способ хранения жира: то, что не могли съесть сразу, нарезали кубиками, завязывали в кожаный мешок и погружали в болото. Через несколько дней жир закисал. Тогда его доставали, вешали мешок в хижине, и каждый угощался вволю . . .

Из млекопитающих кауашкары очень ценили и оленя гуэман¹. Этот дальний родич обыкновенного оленя, темно-серый, с массивной головой, в прошлом был широко распространен — он водился во всех лесах кордильеры Анд. Но в последние годы он встречается исключительно редко; и есть все основания опасаться, что вид может окончательно исчезнуть. (На свободе этот олень был сфотографирован всего-навсего два раза!)

¹ Гуэман, или болотный олень, относится к особой группе американских оленей (подсемейство *Odocoileinae*). У этих оленей сильно развиты боковые копыта — они длинные и могут широко раздвигаться, увеличивая тем самым площадь опоры, что позволяет оленю преодолевать, не проваливаясь, топкие, заболоченные участки леса, где обычно и обитает болотный олень. Занесен в „Красную книгу“. — *Прим. ред.*

В те времена, когда кауашкары жили общиной, мясо оленей, китов и тюленей справедливо распределялось между всеми семьями. Куски мяса, доставшиеся на долю каждой супружеской паре, женщины жарили, соблюдая определенный ритуал.

Но мелкая дичь, например бакланы и пингвины, не шла в общий котел; тем не менее они входили в меню каждой семьи несколько раз на неделе. (Их съедали почти сырыми, лишь слегка обжарив.)

Кауашкары, несмотря на то что они были „кочевниками моря“, ели крупную рыбу всего одного-двух видов — ее загарпунивали или ловили в запрудах мужчины племени. Теперь дети Пуэрто-Эдена удят рыбу при помощи обычной нитки, на конец которой наживляется кусочек мидии. Вылавливая небольших рыбешек, они тут же жарят их на костре и съедают. Если рыбная ловля не удалась, они не прочь перекусить птицей или . . . крысой.

Но главное блюдо народа каноз — дары моря. Основу этой основы составляют три вида мидий — *чоритос*, *чолгас*, *чорос*, улитки маучас и морские ежи. Мидий укладывают в горячую золу по краю костра. Когда мидии готовы, они выпускают струйку пара. Улитки-блюдечки слышат таким лакомством, что даже слова „*атхалес окар*“, которые на языке кауашкаров обозначают понятие „большой палец“, переводятся на наш язык как „то, что отделяет мясо у блюдечка“.

„С этой точки зрения, — говорит Бернар Дельмот, — вкусы кауашкаров схожи со вкусами среднего французского аквалангиста. В продолжение всей экспедиции мы наслаждались теми же моллюсками, что и они. Вспоминая огромных мидий этого уголка света, которых мы жаривали на раскаленных углях по примеру индейцев, я до сих пор ощущаю во рту их изысканный вкус. Свежайшие сырые блюдечки или блюдечки, зажаренные на костре на следующий день после сбора, — тоже настоящее объедение.“

От случая к случаю в меню морских кочевников входила и другая пища. Иногда они ели мясо животных, на которых охотились ради меха, — нутрий и выдр. Весной собирали множество птичьих яиц и пекли их в золе, проткнув сначала скорлупу. Изредка они добавляли в свой рацион растительную пищу: сочные черные ягоды барбариса (*Berberis buxifolia*) — *калафате*, розовые ягоды одного из представителей ползучих миртовых, дикую черную смородину, мясистые цветы *Philesia buxifolia* — *копиуз*, молодые побеги папоротника, корни крестовника, водоросли (например, крупную ламинарию *Durvillea utilis* — *кочайуйо*) и т. д.

Что они пили? Здесь этот вопрос разрешается чрезвычайно просто. До прихода европейцев индейцы не пили ничего, кроме *воды*, либо чистой — речной и дождевой, либо мутной — из болот. Кауашкары — один из немногих в мире народов, не придумавших никакого алкогольного напитка . . . Они до сих пор, громко смеясь, рассказывают, как их

Островные леса до сих пор поставляют кауашкарам кое-какие строительные материалы: раньше индейцы проводили в лесу целые недели в поисках подходящих деревьев для постройки каноэ.

На лицах кауашкаров, даже детей, — тоска и отчаяние, хотя иногда на них и появляются улыбки.

Бернар Дельмот и его товарищи пытаются построить лодку из коры по традиционному способу морских кочевников.

предки нашли однажды у берегов одного островка потерпевший крушение чилийский корабль, доверху нагруженный бочками с вином; за несколько часов все племя, включая детей, мертвецки напилось, пили даже собаки: многие индейцы утонули тогда . . .

Кора, шкуры и тростник

„Технические приемы каменного века . . .“ — писал Бернар Дельмот. И действительно: у кауашкаров очень мало *орудий* труда — я имею

в виду их традиционные орудия, а не те, какими снабдила их „цивилизация“.

Единственный вид *оружия*, который мореплаватели XVI—XVIII веков видели в руках народа каноз, — это разные приспособления для охоты, и прежде всего гарпуны с костяными наконечниками, зазубренными с одной стороны. Ловкость кауашкаров в обращении с такими орудиями поразила наблюдателей, в частности Бунгенвиля и Уэдделла¹. Пользовались они — правда, реже, чем гарпунами, — и дротиками с каменными наконечниками. Знали они и рыболовные сети (изготавливавшиеся из бахромы китового уса). А вот ножей у них не было. Однако, после того как белые роздали (или растеряли на берегах островов) предметы из железа (топорики, ножи, обручи от бочек и т.д.), индейцы стали чрезвычайно ценить этот металл, и у каждого появился свой „европейский“ инструмент. В настоящее время ни один индеец, „выходя“ на лодке, не забудет захватить с собой отточенный, как бритва, топор...

Несмотря на бедность орудий труда кауашкаров, несмотря на то, что в этих местах почти нет сырья, на основе которого могли бы развиваться ремесла, определенные виды работ достигли высокого уровня совершенства. Это обработка коры, шкур и тростника.

Члены нашего отряда попросили индейцев Пуэрто-Эдена показать, как в старину работали с *корой*. Сначала кауашкары удивились такой просьбе, но потом горячо взялись за дело, точно стоило им вернуться к занятиям отцов, как их жизнь — на короткое время — снова обрела смысл.

Самые большие цельные куски коры можно получить с дерева *койге* (*Nothofagus betuloides*). Подходит для этого дела и дерево *тенью*, но самый тонкий материал дает *сируэллильо*. Чтобы снять с дерева пластину коры, сначала делают круговой надрез по стволу, потом с помощью заостренных китовых костей отдирают цельную полосу коры.

Кора сразу же должна идти в обработку, иначе она потеряет свою гибкость. Ее обрабатывают огнем и, пока она не остыла, придают ей нужную форму. Из коры изготавливают сосуды для воды и модели лодок — сувениры для туристов.

Хотя сегодня кауашкары уже почти не занимаются обработкой коры (они пользуются металлическими и пластиковыми ведрами), в прошлом она играла весьма важную роль в их домашнем хозяйстве.

Еще большее значение имели *шкуры*. Иногда они служили в качестве одежды (обрядовая меховая накидка), но в основном ими покрывали жерди хижины. Для обрядовых накидок брались шкуры выдр, нутрий и молодых тюленей. А на хижины шли шкуры взрослых тюленей (прав-

¹ Уэдделл, Джемс (1787—1834) — английский мореплаватель, исследователь Антарктики. В 1823 году открыл море, названное впоследствии его именем. — *Прим. перев.*

да, шкуры старых самцов не годились на это дело: у них на коже остаются незаживающие шрамы от укусов). Обработка шкур ограничивалась тем, что с них тщательно соскабливали подкожный жир, растягивали на деревянной раме и сушили над раскаленными углями. Из шкур молодых животных, разрезая их на полоски и связывая конец с концом, делали превосходные гарпунные линии.

Много времени занимала у кауашкаров и работа с *тростником*, то есть *плетение корзин*. Это сейчас они плетут корзины от случая к случаю. Женщины собирали стебли тростника на болотах. Необработанный тростник довольно ломок, а потому сначала надо было придать ему гибкость. С этой целью его несколько раз проносили над горящими углями, потом каждую тростинку надо было пожевать по всей длине. Занятие нудное и тяжелое . . .

Когда наконец набиралось достаточное количество обработанных таким образом стеблей, приступали к собственно плетению корзины. Наши кинооператоры видели и засняли на пленку, как бедная Роса мастерила — ненужную — спиралеобразно сплетенную неплотную корзину для рыбной ловли. Другие кауашкары тоже показывали, что они еще не разучились делать разнообразные корзины, более плотные, но также спиралеобразно сплетенные. Например, *тайо* — это большая корзина, куда каждый складывал свои личные вещи, — имела круглое отверстие, для которого бралась лиана. К корзине приделывалась плетеная ручка, а иногда и круглая крышка из тростника.

Шлюпу „Райо“ не удастся встретить в лабиринте проливов архипелага последних кауашкаров, отправившихся на охоту в каноэ.

ХИЖИНА ХОСЕ ТОНКА

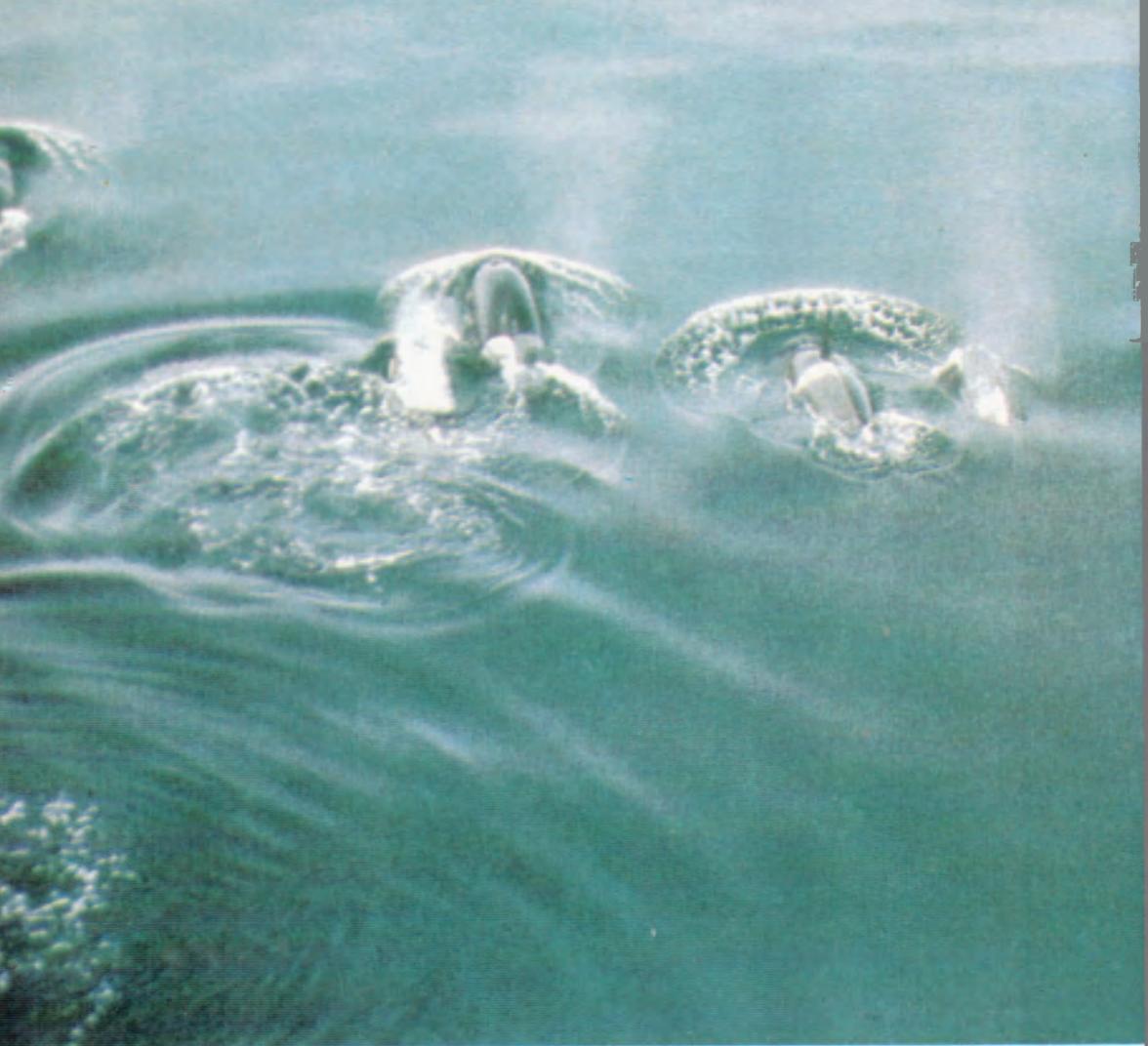
ШЛЮП „РАЙО“ — ЗАБЛУДИВШИСЬ В ЛАБИРИНТЕ
ИСТОРИЯ ОДНОГО ОТКРЫТИЯ
ПРОПОВЕДЬ ЕВАНГЕЛИЯ И КОРЬ
ДИОГЕН, ЖИВУЩИЙ НА КРАЮ СВЕТА
ПРЕЛЕСТНЫЕ МХИ

Антарктическая экспедиция „Калипсо“ проходила не так гладко, как нам бы хотелось. Несколько раз дело даже принимало весьма серьезный оборот. Хотя мы полюбовались великолепным зрелищем моря и полярных льдов, и прекрасными айсбергами, у подножия которых в фантазмагории пузырьков воздуха и ледяных зеркал аквалангисты погружались под воду, и изменчивыми красками океана, и китами и тюленями, и пингвинами, и неизвестными нам животными, не все воспоминания об этой экспедиции приятны. Мало того что мы были вынуждены переносить снежные заряды, сильнейшие морозы и неудобства, связанные с двухмесячной теснотой, наше путешествие осложнилось еще и серьезной аварией. „Калипсо“ попала во льды — у нас поврежден гребной вал и погнут винт. Надо становиться на ремонт.

Когда после долгих дней трудного плавания мы снова входим в порт Ушуая, оказывается, что его судоремонтные мастерские не располагают оборудованием, необходимым для ремонта нашего судна. Мы должны идти в доки самой крупной местной гавани — Пунта-Аренас. Этот чилийский город, расположенный на берегу полуострова Брансвик, господствует над Магеллановым проливом.

Основанный в 1848 году Пунта-Аренас сначала был исправительной колонией. Он был полностью разрушен во время бунта, затем через двадцать лет отстроен вновь. В настоящее время это главный промышленный центр южной Патагонии.

Судно с трудом втаскивают на слип. Но для этого его сначала нуж-

но было поставить на тележку и поднять из воды: оборудование здесь весьма примитивное. Ремонт закончен. Спуская „Калипсо“ на воду, погнули обтекатель носового лота и сам лот . . .

Почти напротив Пунта-Аренас, как зарубка на острове Огненная Земля, открывается залив Инутиль — „Бухта Бесплезная“. Неужели это символ нашей экспедиции, посвященной морским кочевникам? Не хочу так думать. Пусть мы мало что можем для них сделать, пусть их отвергает „цивилизованное“ человечество (в наше время на Земле совсем не осталось места для „дикарей“), я все же верю, что наши труды не окажутся напрасными. Миллионы телезрителей увидят, как живут последние кауашкары; многочисленные читатели прочтут эту книгу; может быть, мне удастся донести до зрителей и читателей простую мысль: жизнь — это разнообразие, однообразие — это смерть. Чем больше на

Выстроившись в ряд, косатки рыщут в поисках добычи. Эти хищники, обитающие во всех морях Мирового океана, — самые крупные, самые красивые и самые умные из дельфинов.

нашей планете самых разных видов растений и животных и чем больше люди, населяющие ее, отличаются друг от друга, тем больше на ней жизни. Чем больше мы уничтожаем ботанических и зоологических видов и чем больше стандартизируем культуры народов, тем ближе мы к смерти. Кауашкары, наверное, уже слишком малочисленны — и слишком отчаялись, так что они не могут не исчезнуть. Но другие формы жизни — цветы, зверей, самобытные культуры — можно спасти на благо всех.

Я думал, что раз-другой вырвусь из Антарктики, чтобы навестить отряд Мишеля Делуара и Бернара Дельмота на архипелаге, но не смог этого сделать. Слишком много неожиданностей — приятных и неприятных — подстерегало нас у паковых льдов. Теперь меня, как и Филиппа, тянет снова встретиться с необычным и непростым миром островов

и проливов архипелага Огненная Земля. Нам придется зайти и в Пуэрто-Эден за группой Делуара — Дельмота.

Но пока „Калипсо“ стоит в доке Пунта-Аренас, Филипп хочет обследовать окрестности, чтобы установить, нет ли поблизости индейских поселений.

Шлюп „Райо“

Наконец все готово к этому походу. Филипп нанял рыболовный шлюп „Райо“, который под парусами может развивать скорость в три с половиной узла; кроме того, на шлюпе установлен запасной дизельный двигатель, позволяющий ему развивать больше пяти узлов. Это небольшое, скромное и бесшумное, одним словом, совершенно „экологическое“ судно.

На шлюпе пойдут Альбер Фалько, Ги Жуа, Райомон Коль, Колен Мунье, Иван Джаколетто, Кристиан Бонниси и Франсуа Дорадо. Вся эта команда выходит в поход из Пуэрто-Оуэна. Ги Жуа первым делом прикрепляет к верхушке мачты огромную антенну — отряду нужна радиосвязь. Бонниси и Фалько сразу же принимаются разбирать насос, который вот-вот выйдет из строя. Колен Мунье берет на себя осмотр парусов — его кислая улыбка по окончании этого обследования достаточно красноречиво говорит о том, что они не совсем новые . . .

Во времена своего расцвета индейцы, жившие на крайнем юге Америки, были полными хозяевами необъятных просторов воды и островов. Европейцы — первооткрыватели этого района — не могли даже мысли допустить, что первобытные люди способны преодолевать на своих гребных лодках такие значительные расстояния: мало того, что в этих краях часто штормит, здесь еще невероятно трудно ориентироваться в лабиринте бесчисленных островов и проливов. В XVIII веке отец Гарсия Марти считал, например, что коренное население состоит из многочисленных обособленных групп, населяющих берег того или иного острова. Так, он говорил о племенах „кайлен“, „тайатаф“, „лечелейск“, „гуэмал“, „печерей“ и т.д. А на деле это были все те же морские кочевники, которые преспокойно проделывали между островами архипелага путь в сотни миль. В зависимости от времени года они уходили на какой-нибудь известный только им островок (где их ожидали оставленные ранее остовы хижин), а потом, в определенный срок, возвращались в бухту, из которой ушли. Филипп и его товарищи хотят побывать хоть на некоторых из этих островов и проливов.

Однако люди предполагают, но . . . не всегда располагают. Вечером того же дня, когда „Райо“ вышел в море, Ги Жуа поймал по рации тревожные новости: получен приказ вернуться в порт, поскольку ни одно

судно не имеет права плавать в этих водах без официального лоцмана — здесь рядом проходит граница с Аргентиной. В случае конфликта в этих проливах будет базироваться чилийский военный флот, глубина проливов является военной тайной.¹

Филипп решает не обращать на этот приказ никакого внимания и продолжает путь, соблюдая полное молчание в эфире. Однако не мешает все-таки уйти подальше от острова Доусон, где размещается военная база.

Но что может шлюп, идущий со скоростью пять узлов (в лучшем случае), против целого сторожевого подразделения чилийского национального флота? В ту минуту, когда „Райо“ пытается развернуться, чтобы войти в узкий пролив, появляется быстроходный военный катер. Со страшным ревом разрезая поверхность моря, он несется прямо на шлюп с наведенными на него пулеметами. Катер останавливается в самый последний момент, взбив за кормой мощную струю. Офицер отдает в мегафон приказ шлюпу следовать за ним в порт — и на этом „пиратская“ экспедиция Филиппа заканчивается.

„В порту офицеры, — рассказывает Филипп, — очень приветливо, что совершенно не соответствовало грозному виду катера, предложили нам выпить кофе. Нам объяснили, что теперь все чилийские проливы являются запретной зоной. Открыт только Магелланов пролив, которым пользуются суда всех стран мира.“

Неудача экспедиции Филиппа послужила нам уроком. Что ж, остается только присоединиться к отряду Делуара — Дельмота и поработать несколько недель в Пуэрто-Эдене с живущими там индейцами. А „Калипсо“ встанет там в порту на якоре. На этом наша экспедиция и закончится. Возможно, нам еще удастся разок-другой выйти в море на зодиаках, обманув бдительность наших милых военных. Но сделать это будет нелегко.

Заблудившись в лабиринте („Дневник“ Мишеля Делуара)

«7 марта. Мы снова в Пуэрто-Эдене после трехнедельного перерыва. Со дня на день ждем прихода „Калипсо“. Отдыхая в Вальпараисо, мы узнали о неудачах, постигших наших товарищей в Антарктике, потом о срыве экспедиции „Райо“. Теперь Паша и Филипп направляются

¹ В те дни до военного переворота, в результате которого будет свергнут президент Альенде и власть перейдет к хунте генерала Пиночета, оставалось всего несколько недель. Но солдаты были с нами очень приветливы. Хотя внутривластная ситуация была напряженной по всей стране, только офицеры высших чинов — с которыми нам не приходилось иметь дело — уже знали о готовящемся путче.

Иногда проливы архипелага заводят в тупик; изучение этих тысяч островов и проливов еще не полностью завершено.

к нам. Похоже, они с нетерпением ждут знакомства с индейцами. Думаю, что благодаря помощи доктора Клэр-Василиадиса мы проделали основательную подготовительную работу. Однако надо еще уточнить многие подробности образа жизни и верований народа каноз.

От Вальпараисо до Пуэрто-Эдена мы добрались с большими трудностями. Чилийский морской флот, до сих пор относившийся к нам внимательно и предупредительно, стал вдруг чинить препятствия. Причина их ясна: закончились выборы, доктор Альенде переизбран на пост президента республики, но по всему чувствуется, что он не хозяин положения. Если должен произойти военный переворот, как думают многие (несмотря на традиционную „лояльность“ чилийской армии), морякам не до участия двадцати семи кауашкаров и пяти человек из отряда Кусто!

Боюсь, как бы политическая ситуация не помешала нам продолжить

Мишель Делуар высаживается с зодиака на небольшой галечный пляж. Каушкарцы оставили здесь остовы хижин, в следующее посещение им останется только натянуть на них несколько шкур.

По всему архипелагу встречаются такие нагромождения пустых раковин. Бросать раковины от съеденного моллюска в воду категорически запрещалось — это было табу у каушкарцев.

работу. Трудно предугадать, до чего могут пойти репрессии в случае государственного переворота.

Как бы то ни было, несмотря на препятствия, чинимые флотом, мы в Пуэрто-Эдене. Здесь мы с радостью вновь встречаем доктора Клэр-Василиадиса, и индейцы принимают нас дружелюбно. Для них политическая ситуация не имеет никакого значения. Они вне всякого традиционного разделения на социальные и идеологические группировки. Они просто живут — да и сколько им еще осталось жить?

8 марта. Разглядывая кауашкаров, я замечаю, что у них почти нет растительности на лице. Такое впечатление, будто они гладко выбриты, — целые часы они посвящают выдергиванию волос. У меня это вызывает изумление. Может быть, это остатки былого франтовства. По словам капитана Фицроя, в его времена они выдергивали себе волосы по всему телу, и только на голове оставляли густую и длинную шевелюру, какой сейчас у них уже нет. Кстати говоря, раньше женщины носили волосы короче, чем мужчины: они обрезали их на уровне ушей с помощью заостренной раковины.

На рассвете мы присутствуем при отъезде двух индейских семей, которые, отрешившись от обычной неподвижности, на два-три месяца отправляются охотиться на острова. Там они встретятся с двумя другими семьями, уже прибывшими на нужное место. Мы стараемся выяснить (доктор Клэр-Василиадис служит нам переводчиком), как попасть на место встречи, и в полдень выходим вслед за ними на зодиаках.

Трудно плавать в этих проливах. Карты нет. Никаких ориентиров нет: все — острова, бухточки, мысы, вода — похоже одно на другое, все везде одинаковое. Дождь и туман постепенно затягивают серой пеленой однообразную растительность островов. Здесь очень легко заблудиться. Через несколько часов уже невозможно определить, откуда вы вышли в море . . .

Именно так с нами и случилось! Даже имея компас, даже набрасывая по пути очертания берегов, чтобы ориентироваться при возвращении, мы все-таки сбились с дороги. Мы плыли четыре дня и к вечеру четвертого уже не знали, где находимся. Из трех зодиаков только один работает сносно. Чтобы бесстрашно бороздить эти воды, надо быть кауашкаром! А тут еще постоянные дожди и туман. Проводим ночь у скалы под непрекращающимся дождем . . .

Утром нас находит . . . вертолет „Калипсо“ и ведет до Пуэрто-Эдена. „Калипсо“ пришла вчера в наше отсутствие. В деревне им сказали, что мы вышли в море. С рассветом они отправились на поиски. В конце концов мы бы, наверное, и сами сориентировались в этих проливах и островах и добрались бы до порта. Но, боже, как приятно было в тот день видеть вертолет, после того как мы несколько часов просидели дрожа на камнях!»

История одного открытия

Вот мы все и собрались снова на борту „Калипсо“. Встреча теплая, но настроение не самое лучшее. „Прошедшая“ Антарктику команда устала. Неприятности, суровый климат и напряженная работа дают себя знать. Если в ближайшие дни нам удастся как следует поработать, то мы здесь надолго не задержимся. Сейчас начало марта. Нас не перестает тревожить изменение политического климата в Чили.

Вечером, сидя вокруг большого стола в кают-компании, обобщаем все сведения, которые мы уже получили во время экспедиции „Кауашкары“. Мы обследовали территорию каушкаргов — по воде и под водой. Мы завязали с ними знакомство. Мы видели их теперешнее бедственное состояние. Разузнали о технических приемах их предков, об их пище, способе добывания огня, традиционной одежде и т.д. Но многие области, многие стороны деятельности и мышления индейцев остались еще не изученными.

Чтобы мы все чувствовали себя лучше вооруженными на этом завершающем этапе поисков знаний, — в этой антропологической экспедиции, в конце концов оказавшейся для нас столь неожиданной, — я прошу доктора Клэр-Василиадиса напомнить нам в основных чертах историю того, как Европа открывала индейцев на юге Америки. Вот вкратце его рассказ.

Началось все, конечно, с Магеллана. Именно Магеллан, войдя в пролив, носящий теперь его имя, замечает „огни на берегу“ и дает название Огненной Земле. В „Путешествии Магеллана“ Пигафетта¹ пишет, что они видели людей огромного роста, с раскрашенными красным лицами и обведенными желтыми глазами; тела их были покрыты шкурами странного зверя — уши мула, верблюжье туловище и лошадиный хвост (очевидно, это были шкуры гуанако).

Вскоре после первого кругосветного путешествия король Испании снаряжает еще шесть кораблей в Южную Америку; подробности — кораблекрушения, мертвый штиль и т. д. — опускаем. А 22 апреля 1526 года на самом западе Магелланова пролива европейцы впервые встречают индейцев архипелага (видимо, индейцев бона). „Эти индейцы размахивали головнями, — рассказывает Хоффри де Лоайса, возглавлявший экспедицию, — и кое-кто из нас подумал, что они подожгут корабль. Приблизиться они не осмелились, а мы не смогли преследовать их на шлюпке, потому что их лодки шли быстрее наших.“

Экспедиция следует за экспедицией; многие терпят трагические не-

¹ Пигафетта, Антонио Франческо (р. ок. 1491 — ум. после 1534) — слуга Ф. Магеллана в его кругосветной экспедиции (1519—1522). Описал это путешествие в сочинении „Впервые вокруг света (Путешествие Магеллана)“; книга переведена на русский язык в 1950 году. — *Прим. ред.*

удачи; цинга, голод, кораблекрушения унесли немало человеческих жизней. Но после того как Диего де Альмагро обследует юг Чили (1535—1537), от Перу европейцы уже идут сушей. Покорение страны арауканов было долгим, трудным и кровопролитным. В 1553 году два корабля, вышедшие из недавно построенного в Чили порта Вальдивия, достигают острова Чилоэ и „целого леса отдельных островов и архипелага Чонос, с их бесчисленными заливами и бухточками“; здесь им оказывают сопротивление индейцы чоно.

В 1557—1559 годах другой корабль, отправившийся из того же порта под командованием капитана Хуана Ладрильеро, совершает целый ряд важных открытий: пролив Фаллос, архипелаг Мадре-де-Дьос, пролив Консепсьон, фьорд Эйре, пролив Месье, залив Пеньяс, острова Байрон и Уэджер, пролив Нелсон, пролив Сармьенто, Сено-Ультима-Эсперанса и, наконец, Магелланов пролив . . . Ладрильеро не только тщательно наносит на карту этот лабиринт проливов и островов, но и дает точное описание ледников, гор, климата, фауны, флоры и, наконец, аборигенов этого района. Некоторые открытые им острова и проливы получают названия уже после его смерти. Но именно Ладрильеро от имени короля Испании, как того требовал церемониал, закрепляет за своей страной владение всем краем.

В 1578 году Магеллановым проливом проходит английский корсар Фрэнсис Дрейк — и с этой минуты Испания трепещет за свои владения в Южной Америке. Испанцы хотят укрепить вход в пролив, имеющий стратегическое значение (идут даже разговоры о том, чтобы протянуть с одного берега на другой цепь . . .), и пытаются заселить берега пролива иберийскими иммигрантами — *побладорес*. Заселение не обходится без человеческих жертв, настолько здесь суровы климатические условия. Но все-таки именно эти поселенцы постепенно завершают изучение края. В 1584 году в проливе закладывают первый город Номбре-де-Хесус: сначала ставят крест, потом сколачивают виселицу и, наконец, насыпают холм земли, под которым зарывают пергамент — акт о праве владения; чуть подальше строят другой городок, Сюдад-дель-Рей-Фелипе; через два года из всех поселенцев в живых остается только один человек (подобранный англичанином Кавендишем) . . .

В состязание вступают голландцы: Себальд де Веерт и Симон де Корд; Георг Шпильберг; Якоб Лемер (открывший пролив, носящий теперь его имя, и мыс Горн); Якоб Лермит (по его мнению, „дикари боль-

На островах архипелага сохранилось еще сравнительно много южных морских котиков. Множество котиков истребили кауашкары и, главным образом, жители острова Чилоэ.

Этот мигрирующий малый полосатик ищет убежища в водах пролива Месье. Если он выбросится на берег, это будет удачная находка для морских кочевников.

ше похожи на зверей, чем на людей: мало того что они разрывают людей на куски и пожирают сырое, сочащееся кровью мясо, в них не заметно ни малейшего следа религиозности и благочиния“); де Броувер, обследовавший остров Эстадос (мы тоже побывали на этом острове, перед тем как вернуться в Ушуая).

В XVII веке целый ряд мореплавателей, привлеченных мифом о местном Эльдорадо, бороздит Магелланов пролив и близлежащие воды. Ходят слухи, что где-то на островах стоит сказочный „Град Царей“, полный золота и драгоценных камней . . . А если говорить более прозаически — испанские войска захватывают крупный остров Чилоэ. Миссионер-иезуит отец Эстебан изучает язык чоно и составляет для индейцев катехизис. Другие миссионеры обращают „дикарей“ в „истинную веру.“¹

В XVIII веке имеющиеся сведения об индейцах постепенно пополняются. И не последнюю роль в этом деле сыграли крушение английского военного корабля „Уэджер“ и последовавшая за тем одиссея членов его экипажа; одни из них пробирались через острова и проливы к Бразилии, другие — к Чилоэ. Потерпевшие крушение (среди них был и Джон Байрон, возглавивший впоследствии не одну экспедицию) долгие месяцы живут среди туземцев и как туземцы . . . Так же живет на берегу залива Пеньяс отец Гарсиа Марти, отличный миссионер и тонкий наблюдатель, особенно интересовавшийся обычаями коренного населения.

В конце XVIII века в Магеллановом проливе один за другим, а порой и одновременно, побывали крупнейшие исследователи — Бугенвиль из Франции, Джеймс Кук из Англии . . . Кук отзывается об индейцах не слишком лестно: это отвратительные каннибалы, и „в области чувств они ближе к зверям, чем к какой-либо из наций.“ Бугенвиль, напротив, в духе мыслителей эпохи Просвещения стремится наблюдать нравы этих людей. Он первый развенчал бытовавший миф об огромном росте жителей этого края. Он свидетельствует, что все встреченные им туземцы были не выше 6 футов, а зачастую и ниже того.

Наконец в XIX веке вместе со зверобоями и китобоями (Уэдделл, Дж. Кларк Росс) здесь появляются и ученые — Паркер Кинг, Фицрой и другие. Кинг и Фицрой во время своей трехлетней экспедиции (1826—1830) захватили троих индейцев (двух из племени кауашкаров и одного из племени яганов), которых Фицрой в 1831 году, путешествуя с Дарвином, вернул на родную землю.²

¹ Отец Венегас писал в то время: „Море в этой стране безумное, но еще безумнее ветры: сейчас море, как чашка с молоком, а через мгновение бура беснуется, как фурия“.

² Речь идет о Фуэгии Баскет, Джемми Баттоне и Йорке Минстере, о которых пишет Ч. Дарвин в своем «Путешествии натуралиста вокруг света на корабле „Бигль“» (см. „Приложение II“). — *Прим. ред.*

Конец истории всем более или менее известен: в 1842 году Чили занимает всю западную Патагонию и берет под контроль Магелланов пролив — главным образом, чтобы основать там исправительные колонии . . . Индейцы, столкнувшись с западноевропейской цивилизацией, постепенно исчезают с лица земли или же смешиваются с другими народами. Они представляют собой интерес только для немногочисленных этнографов . . . и охотников на пушного зверя, которым они служат в качестве проводников и поставщиков меха.

Проповедь евангелия и корь

Когда доктор Клэр-Василиадис заканчивает в этот вечер свой рассказ, оказывается, что мы не затронули еще многих вопросов, касающихся истории индейцев, живущих на юге Латинской Америки. В этом разговоре нам были понятны даже не все слова.

Первоначально *кауашкары* населяли среднюю часть архипелага Огненная Земля. На севере архипелага жили *чоно*, сейчас окончательно исчезнувшие, на юге — *яганы*.

Чоно, расселившиеся по берегам залива Пеньяс вплоть до южных островов архипелага Чонос, были, вероятно, народом более „техническим“, чем *кауашкары*, более „развитым“, если хотите; но, по непонятным причинам, они полностью исчезли в XVIII веке. Их отношения с *кауашкарами* были довольно странными: сегодня они вместе пируют у туши выбросившегося на берег кита, а завтра сходятся лицом к лицу в смертельной схватке . . . Но так или иначе, они вели такую же жизнь морских кочевников.

Яганы, чья территория простиралась от пролива Бигл до острова Наварино и прилегающих к нему земель, тоже представляли собой „народ каноэ“. Но они широко использовали в качестве источника существования и стада гуанако, водившиеся на острове Огненная Земля. Яганы поддерживали связи с индейцами *бна*. Очень рано обращенные в христианство (?), яганы стали жертвой незнакомой им болезни, против которой у них не было никакого иммунитета. Дело в том, что в 1850 году пастор Томас Бриджес открыл в Ушуая школу и больницу для индейцев. В 1855 году там началась эпидемия кори. И если до эпидемии насчитывалось 949 яганов, то после нее их осталось меньше половины. Яганы так и не оправались от этой катастрофы; последние представители этого племени чахнут сейчас в небольшой резервации на северном побережье острова Наварино.

Чоно, *кауашкары* и *яганы* составляют все индейское население архипелага Огненная Земля. Раньше три этих племени объединяли под общим безликим, даже презрительным названием „огнеземельцы“, присо-

Над индейским селением Пуэрто-Эдена собираются туман и облака. Здесь беспрерывно идет дождь, и порой индейцы пьют пресную воду, которая скапливается на поверхности моря.

вокупляя к ним заодно и племя она, которое с Огненной Землей только граничило. Она — неизвестно, как они попали на свою родину, поскольку они не умели пользоваться лодками (предполагают, что они пересекли Магелланов пролив пешком во время последнего ледникового периода), — были очень быстро уничтожены испанскими поселенцами. В 50-х годах нашего века оставались только отдельные представители этого племени и небольшая группа в районе Рио-Гранде в Аргентине — все метисы, у которых в жилах почти не сохранилось крови она. „Калипсо“ застала последнего, вернее, последнюю из она — 80-летнюю старуху . . . Здесь вполне уместно сказать, что у этого племени индейцев не было других источников существования, кроме истребленных овцеводами стад гуанако; что они становились жертвами настоящей охоты на людей (было время, когда за каждого она убийца получал солидное вознаграждение — до фунта стерлингов); мало того, их истребляли массами с помощью отравы — например, начиняя стрихнином тушу выбросившегося на берег кита, которой затем питалось целое племя . . .

Кауашкары утратили почти все, что делало их племенем гордым и независимым. Они одеты в лохмотья, живут в лачугах и, увы, видимо, обречены на вымирание.

Но окончательно смешались все названия племен тогда, когда чоно, кауашкаров, яганов, она и . . . техуэльче объединили под общим названием „патагонцы“. (Слово „патаговец“ означает „большеногий“ — так называли индейцев, живущих в пампасах, по той причине, что иногда они оборачивали ноги шкурами.)

Сейчас во всех тонкостях этих названий наконец-то разобрались. Поздновато, пожалуй. Это я уже говорил по поводу китов и натуралистов, но то же самое можно сказать и про первобытные народы и этнографов. Сначала приходят охотники и поселенцы, а ученые довольствуются тем, что остается, если хоть что-нибудь остается . . .

До сих пор не выяснено, как возникли различные индейские племена, жившие на крайнем юге Южной Америки. Они сильно отличаются от других народностей континента (инков, арауканов и т. д.) Может быть, они иного происхождения? Вряд ли. Заселение южной Патагонии началось в конце последнего ледникового периода по мере отступления льдов с севера на юг от высоких террас к долинам. Дальше всего ле-

дяной покров сохранялся на архипелаге Огненная Земля. Возможно, что чоно, кауашкары и яганы (и даже она) появились на своих землях сравнительно недавно — в шестом и пятом тысячелетиях до нашей эры.

Диоген, живущий на краю света

В бидонвиле кауашкаров в Пуэрто-Эдене, куда я приезжаю вместе с аквалангистами „Калипсо“ и доктором Клэр-Василиадисом, наиболее гнетущее впечатление на меня производят сами индейцы — ведя бездеятельное, бессмысленное, вялое существование, они безнадежно погрязли в своем отчаянии, как в топком болоте . . . Будь у них, по крайней мере, хоть чуточка воли, возможно, еще не все было бы потеряно. Но увы . . . Некоторые народы, столь же обездоленные, не отказались от борьбы. А кауашкары — отказались. Единственное удовольствие, которое они себе позволяют, да и то все реже и реже, — это отправиться в одиночку или всей семьей в плавание по проливам архипелага либо на охоту, чтобы вспомнить добрые старые времена.

Мы хотим ознакомиться с бытом одного из пяти сохранившихся в Пуэрто-Эдене семейных кланов. „Главу“ дома — старейшину, хотя он еще не так стар, — зовут Хосе Тонка. Это маленький коренастый человек, чей физический облик вполне типичен для этнической группы, которую он представляет. Все кауашкары невысокого роста: мужчины — от 1 м 54 см до 1 м 58 см (самый высокий мужчина имел рост 1 м 63 см), женщины — от 1 м 44 см до 1 м 46 см.

Но небольшой рост компенсируют очень сильные тело и руки. Руки у кауашкаров чрезвычайно длинные и мускулистые, ведь их постоянное занятие — гребля. Ноги, напротив, кажутся короткими и слабыми. Ступни плоские — отчего так своеобразна и походка индейцев, а подошва покрыта толстой кожей. Суставы же даже у очень пожилых людей сохраняют удивительную гибкость.

Цвет кожи — от светлого коричневатого-желтого до темно-коричневого; лицо, как правило, темнее тела. Черты лица монголоидные, скулы широкие, глаза немного раскосые.

У кауашкаров встречаются почти все известные глазные болезни (воспаление век, слабое зрение). Многие из них очень тучны, несмотря на свою нищету.

Система кровообращения у них не в порядке (не связано ли это с депрессией, а также с неумеренным потреблением алкоголя и сахара?). Живут они скученно (между прочим, рядом с собаками, на которых полно насекомых-паразитов), а поэтому между ними легко распространяются инфекционные болезни, в частности туберкулез, корь и си-

филис. Наконец, среди них наблюдались многочисленные случаи преждевременного старения.

Все эти физические недостатки не мешают кауашкарам обладать некоторыми исключительными способностями. Таких способностей, по крайней мере, три. Кауашкары гибки. Выносливы к холоду: раньше дети ходили голышом по снегу, а малышом начинали выкатывать в снегу прямо с рождения; еще и сейчас все племя купается иногда в разгар зимы, когда для этой процедуры им приходится раскалывать лед на воде. Наконец, они совсем не боятся высоты: рядом с бидонвилем Пуэрто-Эдена стоят две металлические опоры линии электропередачи, на верхушках их, на высоте около сорока метров, установлены небольшие платформы без ограждения; кауашкары взбираются туда целыми группами и наблюдают, как в пролив заходят суда; комментируя события, они хлопают друг друга по спине, как будто находятся посреди деревенской площади; может быть, эта уверенность движений в какой-то мере объясняется тем, что каждую весну они лазят на отвесные скалы за яйцами морских птиц, которые употребляют в пищу.

Одна из наиболее странных физиологических особенностей кауашкаров заключается в том, что у них всех кровь принадлежит к нулевой группе. Носителем подобного наследственного фактора является рецессивный* ген*. И если какая-нибудь этническая группа полностью вся имеет в крови этот ген, то согласно законам генетики это означает, что данная группа является „чистой расой“, избежавшей экзогенного влияния других этнических групп и не имеющей примесей „чужой“ крови. Подобное явление редко встречается среди представителей человеческого рода.

Чтобы обеспечить себе ужин, семья Тонка добирается на лодке, сделанной уже не самими индейцами (но отремонтированной кое-как собственными руками), до небольшой бухточки, которая осыхает в отлив. Вся семья разбредается по дну бухты, вооружившись старыми двузубцами из расщепленного куска дерева, которыми индейцы с незапамятных времен пользовались для ловли морских ежей. Но сегодня этот трудоемкий процесс сбора — лишь карикатура на способ добывания пищи их предков, живших только *морем* и *ради моря*, вечных кочевников водного царства . . .

Габриэлла, жена Хосе Тонка, возможно, еще помнит время, когда океан был более щедр, а кауашкары вели жизнь более достойную и более счастливую. Мерседес, дочь, уже не помнит даже того времени, когда ее отец был хозяином собственной судьбы и жил свободным охотником на свободных водах . . . Теперь, чтобы свести концы с концами, Хосе Тонка вынужден наниматься на работу на разработки Гуарельо. Морские кочевники давно уже перестали быть хозяевами в проливах.

Когда мы с доктором Клэр-Василиадисом вошли в лачугу Хосе Тонка, чтобы снять его на кинолентку и расспросить индейца о его жи-

Старый Панчоте, строитель лодок, с грустью думает о временах, когда кауашкары были счастливым народом, — до появления европейцев.

Роса — одна из немногих женщин племени — хорошо знает, что ее народ теперь осужден на вымирание.

Несколько членов отряда „Калипсо“ предпринимают новую экспедицию в проливы, надеясь встретить последних кауашкаров-охотников.

зни и о жизни его предков, у меня возникло полное ощущение, что мы проникли в потайную нору старого, больного и ожесточенного зверя, чьи пугливые малыши сгрудились в углу. Упрямое лицо старика выражает только отчаяние и страх.

„Хосе, Габриэлла, сколько у вас было детей?“ — спрашиваю я. Молчание . . . „Ну хорошо, не можете ли вы? . . .“ — „Нет! Нет! Нет!“ — говорит Тонка, не дожидаясь ни конца моего вопроса, ни перевода доктора Клэр-Василиадиса . . . „Ваш отец был охотником?“ — продолжаю я. „Да“, — отвечает Тонка. „А вы — вы тоже охотитесь?“ Молчание.

Некоторое время на все вопросы Хосе Тонка отвечает только: „Нет! Нет! Нет!“ Или делает вид, что не понимает, о чем идет речь . . . Он замкнулся в себе. Он не хочет слышать ни о тюленях, которых раньше было так много, ни о китах, у которых такое вкусное мясо, ни о моллюс-

ках, за которыми во времена его юности женщины ныряли в ледяную воду . . . Одно только упоминание обо всех этих утраченных радостях причиняет ему боль. Он гонит их прочь, желая стереть из памяти, ибо воспоминания делают его теперешнюю жизнь еще более жалкой. Я прекрасно понимаю, что он не хочет воскрешать их. И я не настаиваю. У доктора Клэр-Василиадиса, как и у меня, к горлу подступает комок.

Мы уже собираемся покинуть хижину из покосившихся досок и толя, когда Хосе Тонка начинает говорить. Он рассказывает, как его отец — и даже отец его отца — охотились на оленя гуэмам, как они ловили тюленей, добывали выдр и грызунов. Лицо его оживляется. Кажется, он забыл, кто он есть сегодня, и вернулся назад, ко временам расцвета своего племени. У меня такое впечатление, что он грезит наяву. Да, кауашкаров осталось теперь только двадцать семь человек. Но они как будто снова превратились, по какому-то волшебству, в сильный, счастливый и полный жизни народ. Их многочисленные дети играют голышом на снегу, ожидая возвращения отцов, нагруженных добычей, и матерей, несущих корзины с вкусными моллюсками . . . Но эта иллюзия длится лишь какое-то мгновение. В своем желании изучать кауашкаров исследователи с „Калипсо“ опоздали лет на пятьдесят. Сегодня Пуэрто-Эден — это смерть.

„Хосе Тонка, — спрашиваю я, — вы верите в бога?“ — „В кого?“

Хосе неведомы мысли о высшем всемогущем существе. Однако в некотором смысле у кауашкаров была религия; и прибывшие европейцы не преминули навязать им свою веру (и даже не одну!) . . .

„Хосе Тонка, верите ли вы, что после вашей смерти какая-то часть вас останется жить?“ — „Ха! ха! ха!“

Хосе смеется. Он относится к моим словам чуть ли не с насмешкой. Он не считает, что смерть может быть „началом другой жизни“. Он совершенный материалист. По его мнению, душа — это выдумка, а загробная жизнь — одни только басни.

Признаюсь, подобные рассуждения у „дикаря“ (по терминологии людей „цивилизованных“) меня несколько удивляют. Разве мало мы слышали, мало читали в книгах профессиональных этнографов, что у всех примитивных народов есть своя мифология, религия, верования? Да я и сам мог убедиться в том, что у кауашкаров все это тоже было. И самое главное, что я вынес для себя из этого разговора, — тот факт, что здесь, как и повсюду, отдельные личности хотят мыслить свободно, что независимый дух проявляет себя при любых обстоятельствах. Человеческое общество везде рождает оригиналов, вольнодумцев, отщепенцев, инакомыслящих. И даже в этом бидонвиле Пуэрто-Эдена есть люди, которые мыслят независимо и смело.

Хосе Тонка, ты в своих лохмотьях напоминаешь мне великого Диогена, сидевшего голым в бочке на афинской агоре . . .

Прелестные мхи
(Отрывок из „Дневника“ Филиппа)

«Хотя Хосе Тонка продолжает делиться с нами своими воспоминаниями, мы не отказываемся от намерения последовать за кауашкарами на охоту. Мишель Делуар и его товарищи, заблудившись в проливах, опоздали на первую встречу. Нам назначают вторую, и мы надеемся, что на этот раз не оплошаем.

Чтобы попасть на место встречи, мы должны, во-первых, обмануть бдительность военных. Несмотря на ухудшение экономической, социальной и политической ситуации в Чили, представители армии обращаются с нами по-прежнему очень мило и любезно — при одном условии: мы не должны плавать в проливах.

В последние дни к нам в „помощь“ был даже приставлен один военный. Его-то нам и придется обвести вокруг пальца.

В один из вечеров, пока другие члены отряда отвлекают его внимание, мы готовим три зодиака. Укладываем в них горючее, провизию, киноаппараты и киноплёнки, а также навигационные приборы. На рассвете, пока наш солдат еще спит, быстро отчаливаем, чтобы он не успел сообразить что к чему.

В первом зодиаке Ги Жуа и Колен Мунье, во втором — Бернар Дельмот и в третьем — я. Двое суток мы будем бороздить узкие проливы на краю света, а на утро третьего дня встретимся на воде с кауашкарами.

Величественный пейзаж. Серые воды проливов, достигающих в ширину от десятков до сотен метров, мешаются с непрекращающейся холодной изморосью. С обеих сторон в море обрываются черные гранитные стены, за время этой экспедиции мы ни разу не увидим их вершин. Такое впечатление, что мы путешествуем по пустынным коридорам какого-то огромного дома, построенного великанами; потолок облаков, повисших над самой головой, едва ли не на высоте 50 м, еще более усиливает это впечатление . . .

Прошло всего несколько минут, как мы плывем этими коридорами, а все уже промокли до нитки, просушиться же нам удастся только по возвращении на „Калипсо“. Обрушивающиеся в каньоны порывы ветра пронизывают нас насквозь, но мы чувствуем себя как бы заново рожденными, вновь обретшими утраченную невинность. Четыре человека среди девственного простора . . .

Места, где мы плывем, внешне неприветливы. Но за их дикой суровостью прячутся чудеса. Здешняя природа не выставляет свои красоты напоказ — они прелестны, но скромны. И от этого ценишь их еще больше. Тут — зеленая вода пролива выделяется на иссиня-черном фоне отвесной скалы. Там — прозрачные, как кристалл, водопады низвер-

Растительность на этом краю света — мхи, мелкие спрятавшиеся цветочки — необычайно красива. Но ее прелесть открывается только тому, кто умеет видеть.

В лагере, наевшись вкусных мидий, Филипп чувствует себя морским кочевником.

Наконец-то встреча произошла. В одном из затерянных проливов Филипп и его товарищи разыскали последних кауашкаров, охотящихся, как это делали их предки, с помощью гарпунов и собак.

гаются, кажется, прямо из облаков в море: это самая лучшая питьевая вода в мире, нигде на земле нет воды чище.

Или вон ползет по гранитным стенам растительность ярчайшего зеленого цвета. Толстые ковры мха покрывают скалы, образуя сказочные навесы, под которыми целиком умещаются наши зодиакы. Но стоит нам приблизиться к берегу, как сплошной зеленый ковер распадается на бесконечное множество маленьких прелестных растений. Между струящимися ручейками обильно пестреют крохотные цветы. Да и сами мхи, если присмотреться к ним повнимательнее, оказываются, расцвечены тысячей ярких красок — то красных, то фиолетовых, то желтых.

По прибрежным скалам, вплоть до верхней границы самых высоких приливов, лепятся бесчисленные мидии. Эти крупные моллюски с белыми и синими створками, отливающие фиолетовыми тонами, невероятно вкусны. В течение трех дней экспедиции мы только их и едим.

Разбить лагерь на этих островах — минутное дело, стоит только найти небольшой галечный или песчаный пляж. Высаживаемся, ищем „чудесный“ кустарник, ветки которого загораются даже под морозящим дождем, и греемся . . . Раскладываем на развилины веток мидий, за которыми нам пришлось лишь нагнуться. Вот моллюски выпускают струйку пара, открываются — и готово дело!

Очевидно, питаюсь таким образом, мы бессознательно повторяем действия десятков поколений индейцев — недаром на узких песчаных полосах, где мы высаживаемся, нам встречаются не только остатки хижин кауашкаров (колышки, вбитые в землю), но также и груды пустых раковин . . . А если бы мы были охотниками (то есть если бы нам приходилось добывать себе пропитание охотой), то тогда к костям животных, добытых индейцами, прибавились бы и кости добытых нами животных — мы то и дело натываемся на своих стоянках на черепа оленей, выдр и тюленей.

Почему морские кочевники обосновались в этом холодном и дождливом негостеприимном крае? Потому что их вытеснили из более теплых мест другие племена, отвечают иногда этнографы. А я, пожив, как кауашкар, могу предложить другое объяснение. Здесь, несмотря на отвратительные климатические условия, всегда можно добыть огонь. И самое главное — *здесь невозможно умереть с голоду*. Индейцы Северной Америки и других широт временами голодали. Зимой дичь для них была редкостью. Здесь, на островах, лежащих на юге Чили, коренные жители в любое время года могли пользоваться щедротами моря. Зимой мидий так же много и они так же питательны и сочны, как летом.

Наконец на утро третьего дня появляются кауашкары . . .

Две семьи на двух парусных лодках возвращаются с охоты. В походе участвовали муж, жена и дети, а также собаки. Подплываем к ним. Здравуемся. Они с улыбкой отвечают нам. Хотя они все так же одеты

в лохмотья, это уже не те кауашкары, что в Пуэрто-Эдене. Они сияют. Охота преобразила их: кстати, они возвращаются не с пустыми руками. На дне лодок видны многочисленные тюленьи шкуры и несколько шкур выдр. Предлагаем им обменять одну тюленью шкуру на табак и провизию: они в восторге от сделки. Любой торговец с Чилоэ за ту же цену потребовал бы у них половину всей добычи!

„Есть контакт“, как говорится. Несмотря на языковой барьер, *мы понимаем друг друга*. Три дня мы, европейцы, жили в наших зодиаках, как кауашкары. Видимо, именно это они и ценят.

Мы проводим с ними какой-то час. Но этот час — один из наиболее интересных и волнующих из всех мною прожитых. На обратном пути к „Калипсо“ мне хочется рассказать об этом морским птицам, двум выдрам и тюленям, которые нам повстречались.»

айайема, злой дух

ЛОДКИ ИЗ КОРЫ И ЛОДКИ ИЗ ДЕРЕВА
 ТРАДИЦИОННЫЕ СПОСОБЫ ОХОТЫ
 ГЕРОЙ ОБРАЩАЕТСЯ В КРЫСУ
 ВРЕМЯ, ПРОСТРАНСТВО И СЛОВА — ЖИТЬ ВМЕСТЕ
 ИГРЫ И ИСКУССТВО — ПОСЛЕДНИЙ ИЗ КАУАШКАРОВ

На западном побережье южного Чили от Пуэрто-Монт до мыса Горн, иными словами от 42 до 56° южной широты (то есть на протяжении более чем 1500 км), нет ни одной дороги, ни одной тропинки. Единственный путь сообщения здесь — проливы. Даже на больших островах нет почти никаких дорог: на острове Чилоэ из одной деревни в другую можно попасть только морем, на шлюпке, и дети, которым выпала счастливая судьба обучаться грамоте, приплывают в школу на лодке. В этом крае гранитных утесов и непроходимых лесов вода для жителей — в некотором роде единственно возможное жизненное пространство. А лодка — второй дом. Старые кауашкары до сих пор рассказывают трагические и, вероятно, правдивые истории о неосторожных охотниках, которые, высадившись на затерянном островке, плохо привязывали лодку — ее уносило течением, и они умирали на берегу от голода...

Самое древнее средство передвижения у народа каноэ — *челнок из сшитых досок*. Для строительства челнока индейцы использовали либо кипарис, либо дерево *алерсе*, из которых легко (сравнительно) сделать

Две сероголовые казарки покидают эти места. Они летят над вымирающими кауашкарами, когда до военного переворота в Чили осталось несколько дней. Как это символично!

Южные морские котики удивительно изящны под водой; у кауашкаров была „песнь котиков“, очень монотонная и очень красивая, — только старики помнят еще из нее несколько фраз.

плоские доски. Для каждой пироги требовалось изготовить и обжечь снаружи пять-семь досок длиной 3,5—7,5 м, шириной 60 см и толщиной 2—3 дюйма. Концы досок стесывали так, чтобы получились корма и нос. По обоим краям каждой доски пробивали ряд отверстий, а затем сшивали доски по две крепкой лианой точно так, как сшивают два куска ткани. Остов лодки конопатили чем-то вроде пакли, изготовленной из заболони алерсе, которая разбухает в воде. Потом принимались за шпангоуты, крепившиеся деревянными нагелями, — лодка получалась такой прочной, что могла выдержать двадцать человек и плавать в открытом море. Весла состояли из двух частей — веретена, сделанного из ствола молодого кипариса, и овальной лопасти. За веслом-рулем сидела обычно пожилая женщина. А посередине лодки горел традиционный огонь „огнеземельцев“ . . .

С 1880 года никто не видел ни челноков из сшитых досок, ни пожилых женщин, сидящих на корме у руля двадцатиместной лодки кауашкаров . . . Никто больше не наблюдал эту типичную сцену из жизни морских кочевников.

Лодки из коры и лодки из дерева

Для туристов индейцы Пуэрто-Эдена мастерят миниатюрные лодки из коры. Но они не являются копиями оригинальных лодок этого племени. Типичным для кауашкаров был как раз челнок из сшитых досок. Тем не менее они очень рано позаимствовали у своих соседей яганов технику изготовления лодок из коры и применяли ее до 1925 года.

Ладрильеро сообщает, что в 1557 году видел, как они делали лодки из коры, „сшитой при помощи колец из бахромы китового уса и укрепленной нервюрами из прутьев толщиной в палец; форма у этой лодки как у четырехдневной луны с высоко поднятыми рогами“. Позже Дрейк отмечает, что видел лодки, сшитые ремешками из тюленьей кожи. В XVIII веке подобные лодки длиной 15 футов, шириной и глубиной 3 фута описывал Бугенвиль; иногда на них в качестве паруса крепилась шкура тюленя, добавляет Бугенвиль.

На изготовление лодок шла кора деревьев *койге* (*Nothofagus betuloides*); толщина его коры меньше дюйма. Сначала индейцы, единственное орудие которых — заостренная раковина или камень, делают на стволе выбранного дерева два надреза по окружности, потом между двумя этими надрезами делают вертикальный надрез — и снимают полосу коры единым куском. Чтобы распрямить эту полосу, ее вымачивают в воде под водопадом, а потом кладут ее на несколько дней под груз из камней. Для изготовления лодки достаточно двух таких больших кусков коры. Куски устанавливают перпендикулярно друг другу, так что они со-

ставляют двугранный угол, ребро которого служит килем лодки. Их сшивают через край лианой, называемой *воки*. Чтобы лодка была прочнее, индейцы выкладывают ее изнутри прутьями, придавая им форму полукруга, а сверху прутья покрывают слоем узких полосок коры. Два ствола молодых деревьев служат планширями. Нос и корму надстраивают другими кусками коры.

В таком каноэ свободно размещается человек десять. При ветре на небольшой мачте, установленной на носу лодки, натягивают тюленью шкуру, которая служит парусом и облегчает работу гребцов. Посредине лодки, как и в челноке из сшитых досок, устроено место для костра — его выкладывают слоем камней и раковин.

Когда индейцы архипелага познакомились с железным топором — то есть со времени колонизации европейцами, — они стали все чаще строить лодки третьего типа — из цельного куска дерева, или *моноксилы*. Эти лодки делаются так. Мужчина в одиночку уходит в лес искать подходящее дерево койге — сухое, но без единого признака гниения и с таким стволом, на котором нет веток примерно до пятиметровой высоты. Он валит его и принимается обрабатывать, причем работа начинается с основания ствола — будущего носа лодки. Дерево долбят до тех пор, пока не останутся только стенки толщиной в 3 см (нос и корма должны быть чуть толще), на что порой уходит до трех недель. Прodelав эту работу, индеец зовет кого-нибудь на помощь, и лодку волокут к морю, где и доканчивают ее постройку. Дело это требует необычайной сноровки: с помощью топора (или случайно подвернувшегося тесла) хозяин лодки должен стесать стенки корпуса так, чтобы они были не толще 1 см, да при этом нигде случайно не пропороть корпус. Потом лодку наполняют водой, затем сливают ее и обжигают весь корпус. И, наконец, с помощью распорок из веток придают лодке нужную форму. На этом этапе работы, если дерево было выбрано неудачно, по корпусу могут пойти длинные трещины — и тогда придется все начинать сначала...

Если же процедура заканчивается благополучно, индеец принимается укреплять нос и корму. Он тщательно конопатит небольшие дырочки, которые могли появиться в днище лодки. Он надстраивает борта кипарисовыми досками. Настилает две-три скамейки, крепит уключины и гнездо, в которое будет устанавливаться съемная мачта.

Конечно, лодка кауашкаров, сделанная из цельного куска дерева, не отличается изяществом. Угловатая, починенная тем, что попало под руку, законопаченная частенько с помощью старых консервных банок, она не идет в сравнение с лодками других племен, живущих на берегах морей и озер. Но какая ни есть — она добросовестно служит хозяевам и вполне надежна в этих водах, где с такой внезапностью и силой налетают штормы.

Старый Панчоте делает киль для своей будущей лодки. Он последний из кауашкаров, кто еще умеет их строить.

Традиционные способы охоты

Хосе Тонка не захотел в подробностях рассказать мне о том, как он раньше охотился — наверное, потому, что ему слишком больно вспоминать об утраченном счастье свободных кауашкаров. Но доктор Клэр-Василиадис разговаривал не с одним мужчиной племени; благодаря этим долгим беседам он смог составить представление о том, как охотились индейцы, почитавшие охоту самым благородным из своих занятий.

Если не принимать в расчет простую палку, гарпун был почти единственным оружием мужчин народа каноз; каждый охотник держал множество гарпунов различных размеров, предназначенных для разных животных; самый большой гарпун (зазубренный с двух сторон) — для оленя, чуть поменьше, но зато очень толстый — для тюленей, еще меньше — для выдр и, наконец, самый маленький — для рыбы.

Раньше, вероятно, охотились с пращей (из плетеного тростника) и луком, но ими уже давным-давно не пользуются. Теперь в них только играют дети... Между тем, по свидетельству Уэдделла и Паркера Кинга, индейцы на удивление ловко стреляли из пращи (дальность выстрела которой превышала дальность выстрела мушкетов того времени). А Бугенвиль утверждает, что они прекрасно владели луком (сам лук делался

Но Панчоте так беден, что не в состоянии купить сразу больше, чем несколько гвоздей; он начал мастерить свою лодку несколько месяцев назад . . .

из дерева *канело*¹. тетива — из тюленьих кишок, стрелы — из ветвей барбариса, а их оперенье — из остролистника). Почему они вдруг „забыли“ два таких эффективных способа охоты и пользуются лишь гарпуном и дубинкой? Загадка . . .

¹ *Canelo* (исп.) — коричное дерево. — Прим. перев.

На тюленя, который был самой желанной добычей индейцев, охотились на лодках. Обогнув с наветренной стороны скалу, где расположились ластоногие (испанцы называют такую скалу *piedra lobera*), и выбрав одиночного тюленя, охотник ползком подкрадывался к нему. В двух метрах от животного он неожиданно вскакивал и вонзал гарпун ему в бок. Борьба была длительной и упорной — тюлень, даже смертельно раненный, с пробитыми легкими, долго не хотел умирать.

Иногда кауашкар надолго затаивался на краю леса, подстерегая тюленей, — он заранее знал, где именно они выйдут из моря на отдых... Наблюдатели описывали также случаи, когда индейцы загарпунивали тюленей (и даже дельфинов) прямо в воде, причем им удавалось вытащить потом зверя в лодку...

Охота на выдру и нутрию (*койпу*), в отличие от охоты на тюленя, велась с помощью собак. Выдры южночилийских архипелагов, которых индейцы делят на две разновидности (*gato de mar* и *huilin*), — животные весьма изящные, особенно в воде, где они добывают себе пищу (рыб, ракообразных, моллюсков); мех у них мягкий, рыжевато-коричневый с темно-бежевым подшерстком. Выдра роет на берегу нору с двумя входами — ее очень легко обнаружить по разбросанным поблизости отходам (остатки пищи, испражнения). Подойдя в каноэ к бухточке, в которой, по их мнению, может водиться этот зверь, индейцы спускали в воду собак. Собаки, найдя вход в жилище выдры, сторожили ее до тех пор, пока не подходили люди. Охотник разрушал нору, выгонял оттуда зверя и убивал его ударами дубинки (гарпуном пользовались только в том случае, когда выдра бросалась в воду).

В настоящее время численность тюленей и особенно выдр на островах архипелага Огненная Земля сильно сократилась. Кауашкары, которых нанимали жители острова Чилоэ, в свою очередь находившиеся на службе у белых торговцев мехами, охотились на тюленей и выдр с ружьями (а также с помощью ловушек, предназначенных специально для выдр), — что тоже способствовало их истреблению.

Нутрии, эти быстро размножающиеся грызуны, сохранились лучше. Они живут колониями в прибрежных зарослях узких заливов. Раньше индейцы ловили их „застигая врасплох“, то есть стояли в течение нескольких минут неподвижно, подстерегая зверька, а затем убивали его. Теперь они, конечно, перешли на капканы и ружье (ружье же у них есть лишь в том случае, если они работают на хозяина с Чилоэ; охота с ружьем имеет один недостаток — шкурка животного оказывается продырявленной).

Охота на оленя гузмал требовала исключительной выносливости. Порой собаки гнали оленя десятки километров, и индейцу приходилось бежать следом за сворой, пока обессиленный зверь не останавливался у обрывистого берега и не поворачивался мордой к охотнику. Индеец

убивал загнанного оленя дубинкой и камнями, пуская в ход гарпун только в том случае, если олень пытался переплыть какой-нибудь проливчик, чтобы попасть на соседний островок.

На какую только дичь не охотились кауашкары во времена своего расцвета! Весьма ценили они *багуалес* — домашних животных, которые были завезены первыми европейскими колонистами и одичали (рогатый скот, козы, овцы).

С удовольствием охотились они и на некоторых морских птиц — например, уток-пароходов. Охотник прятался у самой воды в небольшом шалаше из веток и „звал“ уток, подражая их крику, а затем ловил их с помощью воздушной петли (на лесу!). Обитала на архипелаге и „дрофа“¹, которую испанцы называли *caiqueñ colorado*, — тоже, по словам индейцев, очень вкусная дичь; ее легко было поймать в период гнездования. Ночью с факелами ловили на прибрежных скалах бакланов: ослепленные и изумленные, птицы даже не двигались с места, когда охотники заносили над ними дубинку. К пингуинам, птицам более воинственным, можно было подступиться только в сезон размножения. Чтобы наловить их как можно больше, кауашкары рыли вдоль берега канавки на территории колонии этих птиц, не давая тем самым пингуинам спастись бегством в море.

Рыбу ловили гарпуном, и в этом деле кауашкары проявляли завидную ловкость (как известно, чтобы поразить цель, находящуюся под водой, нужно „целиться рядом“, поскольку коэффициенты преломления луча света в воде и в воздухе различны). Но особенно поразительным способом ловили рыбу женщины: они наживляли на лесу без крючка морское блюдечко и, когда рыба заглатывала моллюска, с бесконечными предосторожностями поднимали ее из воды, хотя при этом она держалась на одной этой скользкой приманке.

Но за всеми этими подробностями об охоте (занятии, по мнению кауашкаров, „благородном“, „высоком“, обладающем всеми мыслимыми достоинствами) не будем забывать, что основу пищи индейцев составляли дары моря (моллюски, морские ежи, рыба, головоногие), которые собирали на берегу или ловили, ныряя в воду, женщины. Мужчины в этом случае занимались *приготовлением пищи* . . .

Герой обращается в крысу

Не так уж трудно собрать воедино все сведения о материальной культуре племени, даже когда речь идет о такой почти исчезнувшей этнической группе, как кауашкары. Другое дело — проникнуть в тайны его

¹ См. примечание к стр. 87 *Прим. ред.*

Дети Пуэрто-Эдена, кажется, так же восхищаются лодкой Панчоте, как их предки восхищались каноэ. Но никто не знает, что ждет их через пятнадцать лет.

Мишель Делуар, Жак Делькутер и доктор Клэр-Василиадис изучают технологию „кораблестроения“ Панчоте.

общественной организации — общинных отношений, и в том числе (ибо не бывает одного без другого) в тайны его преданий, верований, мировоззрения.

Я почти случайно узнал историю легендарного героя кауашкаров. Я услышал ее в лачуге Хосе Лопеса, который с самого начала проявил большую словоохотливость, чем Хосе Тонка, но все же сильно смущался, скрывая свое смущение за вымученным смешком. На этого героя по имени *Аткаха* однажды напал злой дух с Чилоэ, появившийся с севера. Но герой тут же обратился в крысу. Он прыгнул на гарпун обидчика и победил его хитростью . . .

Должно быть, в прошлом этот рассказ был весьма содержателен, насыщен символами и полон деталей из повседневного быта. Теперь от него осталась одна схема. Прибытие белых лишило кауашкаров их собственного „я“ — отняло у них самую их культуру. Навсегда исчезло то, что собственно и составляло их индивидуальность, их самобытность. Вторжение европейских первооткрывателей и колонистов привело к непоправимому разрыву в цепочке передающихся от поколения к поколению сведений об окружающем мире и отношений к определенным явлениям — той цепочке, которая связывала каждого индейца с его предками. Кауашкары утратили свои корни. Единственное, что осталось у них от прошлого, — обрывки воспоминаний и язык.

К европейцам они всегда относились весьма настороженно. В период первоначальных открытий индейцы проявляли к ним некоторую враждебность, не раз убивая белых моряков (но куда чаще они подсчитывали убитых в своих рядах!). Особенно боялись прихода светлокожих чужеземцев женщины: завидев на горизонте корабль, они бежали прятаться в лес; если же они не успевали укрыться в лесу, то все вместе забивались в одну хижину, по-видимому, надеясь, что так мужчинам будет легче защитить их, если дело дойдет до этого. Мужчины племени испытывали болезненную ревность к неиндейцам: когда Бугенвиль и члены его команды сделали попытку заглянуть внутрь хижины, где скрывались женщины, кауашкары пришли в ярость . . .

Почти все первые европейские мореплаватели, бороздившие воды архипелага Огненная Земля, одинаково описывали отношение индейцев к себе и к западноевропейской культуре — отсутствие интереса к предметам искусства, страсть к железным орудиям и детское восхищение перед бусами, зеркалами и всякой блестящей мишурой. Кауашкары, похоже, были очарованы концертом скрипичной музыки, который им дал один из офицеров коммодора Байрона, и в знак благодарности раскрасили красной краской лица выступавшего и самого коммодора. А вот в Библии, из которой им, по приказу Уэдделла, прочитали страницу, указывая на небо, они ничего не поняли! Они лишь с поразительной точностью воспроизвели слова и жесты чтеца-англичанина. (Этот дар подражания был отмечен всеми исследователями. Например, однажды кауашкар слово в слово и без акцента повторил следующую обращенную к нему фразу матроса: „Ну ты, меднорожая скотина, где мой жестяной котелок?“, но требуемый сосуд не отдал!)

Время, пространство и слова

Последние кауашкары Пуэрто-Эдена не проявляют больше ни враждебности, ни страха, ни восхищения, ни, впрочем, каких-либо иных чувств по отношению к белым и тем вещам и предметам, которые они производят . . . Они ко всему безразличны. Самые пожилые грезят порой о чем-то вроде утраченного золотого века, о славных предках, которые умели раскрашивать себе лицо, охотились на тюленей и выдр и пировали и веселились вокруг туши китов, выбросившихся на пляж. Те, кто помоложе, мечтают о том, как их придет нанимать зверобой, как они отправятся продавать свой жалкий товар на проходящее судно, как купят бутылку водки, чтобы забыть о своем ничтожестве . . .

Система взглядов, отношений, понятий индейцев, прочно связанная с их жизнью морских кочевников, не способна помочь им перестроить свою жизнь „на европейский лад“. Как бы они могли систематически,

В глазах детей кауашкаров — печаль всех бидонвилей мира.

день за днем, работать на одном и том же месте, если их понятие *времени* не позволяет им даже представить себе подобное существование? Счет времени у кауашкаров очень простой и конкретный. О времени суток они судят по солнцу (восход, зенит, закат). У них есть слова, обозначающие понятия „вчера“, „завтра“ и „позавчера“. А все дни до „позавчера“ они показывают на пальцах и совсем не имеют обозначений для дней после „завтра“. Счет времени ведется в лунах — это самые большие отрезки времени, которыми оперируют кауашкары; шесть-семь лун — предел этого счета, да им и не нужна большая точность в этом деле. У народа каноэ есть, однако, два важных естественных „хронометра“ — ритм *приливов* и *отливов* (на них основаны многие временные понятия) и смена *времен года*; причем в последнем случае речь идет не столько об астрономических и метеорологических (дождь здесь идет непрерывно!) сезонах, сколько о биологических „вечных циклах“ — скажем, о времени гнездования птиц или размножения тюленей.

Хотя понятие времени у кауашкаров довольно примитивно, зато чувство *пространства* развито у них удивительно. Днем и ночью они без малейшего труда ориентируются в бескрайнем лабиринте проливов архипелага. Они умеют без всяких наших географических тонкостей объяснить своему сородичу индейцу, как добраться до какого-нибудь острова, расположенного в сотнях миль от их места жительства; и индеец без всяких колебаний отправится туда... Ориентируются они как по пространственным признакам (основной ориентир — запад, все другие стороны света, а также такие понятия, как „юго-запад“, „северо-запад“

Антарктический глупыш отдыхает на спокойной воде в одном из проливов. У кауашкаров была „песнь“ и о морских птицах.

и т. д., имеют свои отдельные наименования), так и по временным признакам — расстояния измеряются в днях пути на лодке.

Язык кауашкаров, хотя и вобрал в себя много испанских слов, изменился менее всего из того, что составляет понятие „культура“ народа каноз на сегодняшний день. Он очень конкретен. Каждое слово обозначает совершенно определенную вещь, и потому адекватного перевода найти невозможно: первых исследователей часто приводила в замешательство эта сторона мышления индейцев. Когда, например, они просили индейца, понимающего их язык, сказать на родном языке: „Завтра я отправлюсь на рыбалку“, он отвечал: „Это невозможно, будет плохая погода“! Кауашкар — в некотором смысле — не выходит за рамки, которые ему поставил его язык; он говорит не для того, чтобы вдаваться в размышления или предположения, но только для того, чтобы описать реальное событие.

Другой важной особенностью языка кауашкаров является то, что он сопровождается жестами, мимикой, движениями губ, изменениями интонации и странными „пришелкиваниями“ языком о небо.

Народ каноз охотился на магеллановых пингвинов. Чтобы помешать пингвинам спастись бегством в море, сначала вдоль берега рыли канавки, а затем оглушали птиц дубинкой.

Кауашкарам совсем не нужны абстрактные понятия. Например, числительные обозначаются минимальным количеством слов: у них есть слова „один“, „два“ и „несколько“; до десяти „несколько“ уточняется на пальцах. Дальше оно превращается в „много“ и в зависимости от того, идет ли речь о предметах или о живых существах, обозначается по-разному.

Имена детям кауашкары дают не раньше, чем те начнут хорошо ходить. Тогда их называют словом, которым называют, скажем, какой-нибудь предмет или какое-нибудь животное и т. д. Возможно, у народа каноз был в обычае *тотемизм*, то есть отождествление одного человека или целого племени с каким-либо зверем или силой природы. И дорожили они только именем-тотемом, но, разумеется, оно было тайным, посторонние не должны были его произносить, поэтому мы ничего и не знаем об этом обычае. Кауашкары с полным безразличием приняли испанские имена, которые им дали миссионеры; большинство пользуется ими, когда имеют дело с иностранцами, но забывают о них, находясь среди сородичей.

Жить вместе

В наши дни социальная структура, сложившаяся когда-то в общине кауашкаров, непоправимо разрушена. Нравственные кодексы религии миссионеров, потом административные обязанности, наложенные на кауашкаров чилийским государством, и, наконец, постепенное ухудшение привычных условий жизни племени разорвали тонкую сеть отношений, существовавших между отдельными людьми, во-первых, и между каждым индейцем и общиной, во-вторых.

Но споры между отдельными членами племени разрешаются, кажется, прежними методами. Воровство как таковое не существует у кауашкаров: вы имеете право воспользоваться гарпуном или лодкой соседа без его разрешения. При условии, однако, что у вас с ним хорошие отношения. В противном случае поссорившиеся сами сводят счеты между собой — в случае необходимости с применением силы, причем никто из кауашкаров, никакое авторитетное лицо общины в дело не вмешивается. Кстати, с мужчинами выясняют отношения мужчины, а с женщинами — женщины. И если мужчины предпочитают физические способы воздействия, то женщины прибегают к помощи языка: потерпевшая при всем честном народе выкрикивает в лицо виновницы ссоры все обиды, накопившиеся у нее с тех пор, как они знакомы. А все члены общины, хоть и делают вид, что ничего не слышат, принимают тем не менее подобающий случаю важный и торжественный вид.

Однако распри между отдельными лицами возникают редко, и в целом общинная жизнь в поселении протекает спокойно. Индейцы весьма сдержанны и неохотно выказывают свои чувства. Мы не видели почти никаких проявлений нежности — только иногда между матерью и маленькими детьми и еще реже между детьми и отцом.

Пока ребенок не начнет ходить, он целые дни проводит в некоем подобии сумки, крепко привязанной к спине матери. Так что руки у нее остаются свободными и для гребли, и для сбора ракушек, и для плетения корзин и т. д. Какая бы ни была погода, ребенок остается почти нагишом.

Воспитание детей, на наш взгляд, кажется на редкость либеральным. Ни одно слово или поступок ребенка не порицается. Если он отказывается в чем-либо помочь, то, не сказав ни слова упрека, обходятся без его помощи. Если он делает большую „глупость“, например обрезает швартов каноэ, промахаются попытаться исправить, но „виноватого“ не ругают.

Такой либерализм наблюдается и во всех остальных областях жизни кауашкаров. Браки совершаются безо всякого принуждения. Они никогда не „устраиваются“, и во всяком случае вступать в них никто молодых не заставляет. Обычно молодые (мальчики к 15—16 годам, девочки

Маленькая часовня, построенная для индейцев, вся перекосилась и поэтому кажется столь же нелепой, как и сама судьба этих людей.

На развороте: Это патагонские бакланы. Кауашкары весьма охотно употребляли в пищу яйца птиц, за которыми лазили на самые крутые скалы.

к 13—14) довольствуются тем, что просто живут вместе или, чтобы закрепить свой союз, отправляются вдвоем в плавание на лодке. (Именно владение лодкой, а не хижинкой, является признаком самостоятельности и зрелости пары.) В прошлом в племени кауашкаров существовал, вероятно, как во всех других племенах, какой-то свод брачных правил; по-видимому, бытовали обычаи давать с невестой приданое, обмениваться какими-то знаками внимания и т. д. Сейчас от этих обычаев не осталось и следа, и даже самые пожилые индейцы ничего подобного не помнят.

Сексуальные отношения, в общем, весьма свободны, как между детьми и взрослыми, так и между взрослыми—разнополами, а также и однополами. Жена может изменить мужу (и наоборот), и у потерпев-

шей стороны нет никаких средств помешать этому; в случае неверности „обманутый“ лучше постарается так уладить дело с чужим или чужой, чтобы извлечь для себя хоть какую-нибудь выгоду. Гомосексуализм встречается довольно редко, но все равно никак не преследуется. Единственное сексуальное табу — *кровосмешение* (братья — сестры, родители — дети, двоюродные сестры и братья). Да и этот запрет почти не соблюдается из-за резкого сокращения численности племени.

Основной единицей общинной организации является *семья*, но семья в узком понимании, ограниченная прямыми предками и потомками, а не семья, включающая, как в других этнических группах, всех родственников по боковой линии. В былые времена особенно удачливые охотники или сильные мужчины могли иметь двух-трех жен. Ныне этот обычай исчез.

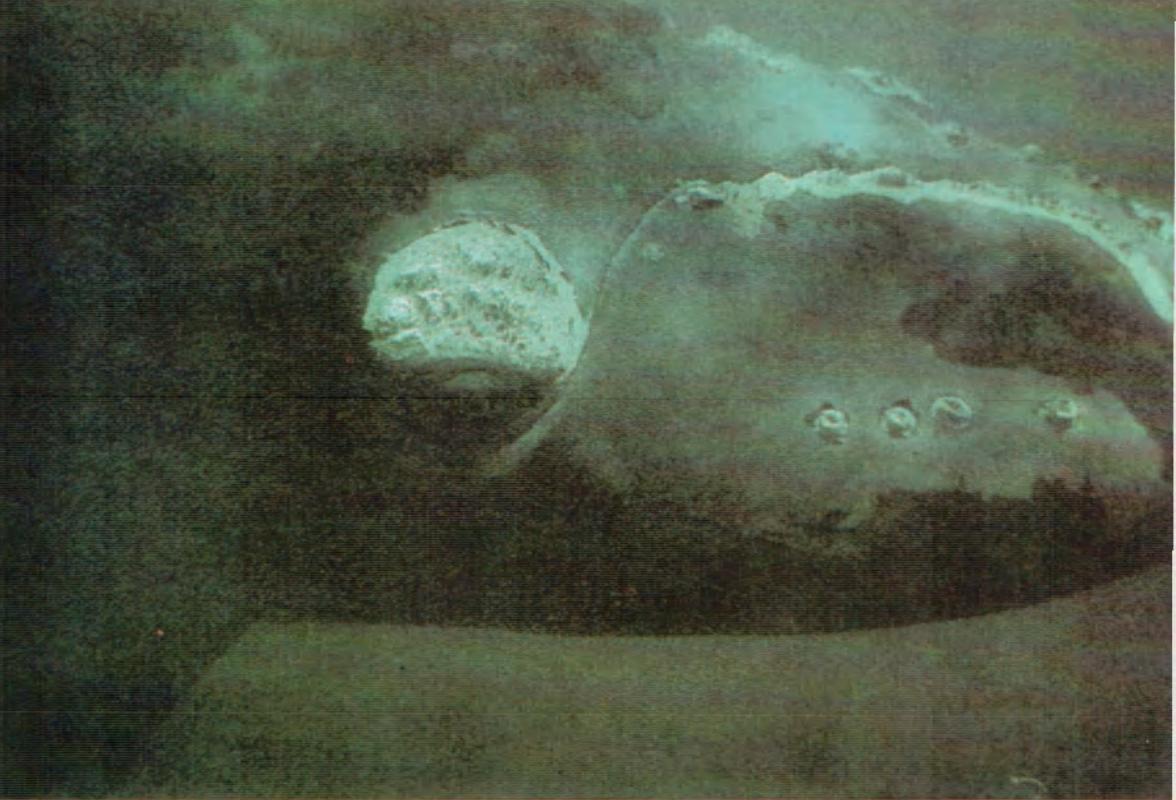
Выше отца семейства не существует никакой власти — ни старейшины племени, ни „великого вождя“, ни касика. Кстати, власть *pater familias* над близкими весьма ограничена. Ему подчиняются только во время плавания на лодке. По возвращении в селение жена и дети ведут себя в основном так, как кому заблагорассудится.

Довольно часто случается, что в доме принимают посторонних; раньше, чтобы иметь право спать в хижине хозяев несколько дней или недель, гости должны были принести с собой столько шкур, сколько нужно, чтобы покрыть крышу над тем местом около очага, которое им отводилось. Уходя, гости забирали свои шкуры. Кауашкары и сейчас очень гостеприимны, хотя теперь им реже приходится проявлять это качество своего характера.

Есть у кауашкаров определенные *запреты* — табу, особенно в том, что касается пищи. Они не смеют ни убивать, ни есть собак. Они не должны употреблять в пищу легкие, сердце, печень, почки и железы тюленей. Они не имеют права выбрасывать в море или оставлять в хижине остатки от съеденных моллюсков и морских ежей — потому-то пустые раковины и панцири ежей и скапливаются на берегу. (Коммодор Байрон, не зная об этом обычае, бросил в воду раковины мидий, за что его чуть не убили. Он быстро понял свою оплошность и все время, пока находился с индейцами, соблюдал табу.) Другие запреты, забытые в наши дни, касались „взаимоотношений“ воды и огня: нельзя было устраивать очаг ниже уровня самых высоких приливов, кипятить морскую воду, бросать в огонь камни, поднятые со дна моря . . .

Важным элементом, сплачивавшим общинную жизнь кауашкаров, как и многих других „диких“ народов, долгое время было *приношение даров*, или *потлач*, как его называют этнографы вслед за североамериканскими индейцами, или *тчас*, как говорят сами кауашкары.

Дары приносились без всякого принуждения как между членами одной семьи, так и между соседними семьями или между встречающи-

В период миграции южные киты заходят и в воды южночилийских островов. Еще никому не удалось точно установить, где они проводят лето.

Хионисы, или белые ржанки, прилетают сюда из Антарктики; это единственные морские птицы, у которых нет перепонки на лапах.

мися родовыми группами. *Тчас* был порывом естественным, безвозмездным и не требовал обратного жеста. Получатель не был обязан отвечать тем же, а если и отвечал, то вовсе не предполагалось, что он должен подарить предмет такой же ценности. Обладая чувством собственного достоинства или желая показать свой вес, свою силу, свое богатство, он просто преподносил подарок лучший, чем тот, что получил . . .

Тчас постепенно исчезал, и теперь он ограничивается мелкими взаимными подарками при визитах вежливости. Подобное охлаждение вызвано, вероятно, еще и тем обстоятельством, как повели себя в этом смысле жители Чилоэ по отношению к кауашкарам. Они были скорее индейцами, чем белыми, поэтому всегда практиковали систему обмена подарками, но использовали ее в своих интересах: за два десятка безупречных шкур выдры давали какое-нибудь старое ржавое ружье . . . В конце концов кауашкарам это надоело.

Игры и искусство

Орудия труда и технические приемы кауашкаров, если исключить все, что они позаимствовали у европейцев, находятся на уровне каменного века. А их художественное творчество развито в гораздо меньшей степени, чем у людей из пещер Ласко и Альтамиры.

Игры (деятельность немотивированную, подражательную и символическую) можно считать первым проявлением художественного чувства, — так считают некоторые философы. Если судить с этой точки зрения, можно сказать, что морские кочевники действительно обладают зачатком эстетического чувства. Но это всего-навсего зачаток. Сейчас есть только одна игра, в которую взрослые способны азартно и увлеченно играть целыми часами (они равнодушны к футболу, который так любят жители Чилоэ), — это „привязывание и отвязывание лодки“; игра заключается в том, кто быстрее привяжет к хижине и тут же отвяжет палец или руку веревкой, сплетенной из тростника.

У детей, разумеется, игр больше, чем у родителей: они устраивают драки, купаются, катаются, строят и пускают кораблики из коры, соревнуются в метании миниатюрного гарпуна, готовят „понарошку“ обед и т. д. Но в этих развлечениях почти не слышно радостных криков и смеха. Кауашкары вообще любят тишину и редко смеются, кроме тех случаев, когда их что-то смущает.

Если не рассматривать игру как подлинное проявление эстетического чувства, то у кауашкаров почти нет никаких других видов творческой продукции. Теперь индейцы больше не вырезают древко для гарпуна, как это делали их предки. Не разрисовывают больше тело черной, красной и белой краской. Не мастерят украшений, ожерелий из ракушек . . .

Что может значить для кауашкаров крест на могиле, если они убеждены, что жизнь человека уносит Айяема, злой дух? К захоронению по христианским обычаям индейцев принуждают чилийские власти.

И только *музыка* — исключение из этой катастрофы, постигшей культуру народа каноз. Музыка — самое главное искусство кауашкаров, искусство, которое остается самым живучим и самым любимым.

Доктору Клэр-Василиадису и мне посчастливилось слушать однажды вечером в одной из лачуг бидонвиля Пуэрто-Эдена, как поет Хосе Лопес — последний сказочник народа каноз . . . То был монотонный, но прекрасный речитатив, исполняемый в безобразной обстановке.

Доктор Мирка Стратигопулу, музыковед, специалист по песням племен Чили, которую однажды вечером мы пригласили на борт „Калипсо“, разъяснила нам значение этих грустных песен:

«У кауашкаров нет музыкальных инструментов, даже самых примитивных. Вся гамму своих эмоций они выражают только с помощью голоса. Но это они делают исключительно самобытным способом. Когда кауашкары поют, они стараются, чтобы их пение было как можно более монотонным, — я имею в виду, что они поют на одной ноте. И вдобавок к тому, что они поют на одной ноте, они берут за основу один какой-нибудь звук — например „а“; и дальше идут уже только вариации этого звука — „да“, „уа“, „йа“ и т. д.

Самые примитивные из мелодий, когда-либо записанных этнографами, строятся на двух нотах. Мелодии же кауашкаров основаны на одной ноте и по своей простоте представляют исключительное явление среди таких мелодий.

Но это отнюдь не бессмысленное пение. Индейцы каноз великолепно копируют повадки и крики хорошо знакомых им животных — от кита до нутрии и от лисицы до морских птиц. Полагают, что их речитативы родились вначале как простое подражание звукам, которые они слы-

шали в природе, и что постепенно они приобрели символическое и даже магическое значение, аналогичное значению доисторических рисунков, найденных в Европе: изображая в песне животное, люди как бы одерживали победу над ним; таким образом, музыка являлась для них своеобразным способом, помогающим овладеть добычей.

Хосе Лопес — один из немногих оставшихся в живых кауашкаров — еще помнит, если не полностью, то хотя бы частично, культовые песни своих предков — те, что пелись свободными кауашкарами в свободном море, когда не было ни белых начальников, ни вербовщиков с Чилоэ, ни общественных классов, ни наемного труда, ни нужды в деньгах, ни нищеты, ни самоубийств . . .

Хосе Лопес, наверное, последний, кто умеет петь песню радости: „Кит поймал рыбу, он ныряет в море хвостом вверх“, песню тревоги: „Далеко на горе пасется олень, оглядываясь вокруг“, песню труда: „Койпу (нутрия) идет по траве и срывает ее зубами для своих малышей“ . . .

Когда его не станет, никто больше не расскажет хриплым голосом, сначала тихо и медленно, а затем все громче и все быстрее, историю „лисы в старой шкуре, которая расправляет хвост“, или „выдры, что идет своей дорогой, ступая лапками по веткам“, или хищной птицы, пингвина, тюленя, крысы, гуся, паука и заходящего солнца . . .»

Последний из кауашкаров

Наша экспедиция на самый юг Южной Америки завершается. Нам приходится прервать ее раньше времени по двум причинам: во-первых, команда „Калипсо“ устала после долгих недель, проведенных в Патагонии, Антарктике и на архипелаге Огненная Земля — это причина внутреннего порядка. Но есть и вторая причина, чисто политическая, — военный переворот неизбежен, все ждут его. Здесь, на самом юге Чили, президент Альенде не имеет больше никакой власти. Военные возбуждены и чинят все больше препятствий нашей работе.

Мы ускользнули из-под их бдительного надзора, уйдя на зодиаках на встречу с возвращающимися с охоты кауашкарами, — вряд ли это пришлось бы им по душе. Мы, изучая местные морские экосистемы, неоднократно совершали погружения под воду в запретных проливах . . . Но научные исследования требуют большего времени и большей свободы действий. Я доволен нашей экспедицией, но в то же время огорчен, что мы не нашли ничего, кроме нескольких индейцев, находящихся на

Теперь „Калипсо“ покинет этот необыкновенный край гранитных скал и водопадов, где течет самая чистая в мире вода.

границы отчаяния и полного исчезновения в стране, которой угрожает хаос.

С грустью я отдаю приказ о подготовке к отплытию.

В сердцах кауашкаров больше не горит огонь независимости. В них были подавлены и желание жить, и стремление к деятельности, и жажда справедливости, и чувство гордости. Морским кочевникам нет дела до государственного переворота: белые принесли им только унижения и смерть; смерть и унижения белых их не касаются. Впрочем, я не очень уверен, что они вообще обратили внимание на ходившие слухи. Чилийская государственная политика их не интересует и ничуть их не волнует.

Они как будто уже не живут в этом мире. Видимо, скоро придется говорить „последний из кауашкаров“, как раньше говорили „последний из могикиан“ . . .

Что происходит в душе таких Хосе Тонка, Хосе Лопесов, Панчоте (старик-строитель каноэ) в то время, когда вырождается их народ?

Может быть, они с тоской мечтают о празднествах былых времен, которые устраивались вокруг туши выбросившегося на берег кита? Или вспоминают, как охотники, ярко раскрасив тело в красный, черный и белый цвета, надев на голову шапочку из перьев и украсив шею ожерельем из ракушек, принимались петь и плясать, доводя себя до иступления — так, что хватали горящие головни и клали их в рот?

А может быть, они думают о тех счастливых временах своей молодости, когда для лечения им не нужны были лекарства европейцев, когда они залечивали свои раны и снимали жар с помощью настоек коры дерева *канело* и сами вправляли вывихи и переломы, используя лубки из тростника, когда они успешно снимали боли в животе, накладывая крапивный пластырь? Разумеется, эти средства были примитивными, и не столько лечебными, сколько скорее магическими. Но они — верный признак того, что народ еще не утратил самосознания и надежд на будущее.

Честно говоря, мне кажется, что старики Пуэрто-Эдена уже ни о чем не могут думать, кроме жизни и смерти.

Жизнь в их лачугах вот-вот угаснет. Все реже появляются на свет дети. Индейцы умирают один за другим, но никто не рождается им на смену. Кто еще сегодня смог бы соблюсти древний обряд рождения, когда мать роженицы отрезала кусочек пуповины и вывешивала его на хижине, мать ее матери уносила послед и прятала его в болоте, а женщины, принимавшие роды, передавали изо рта в рот немного воды, которой последняя и окропляла новорожденного?

Смерть же неустанно бродит вокруг ветхих домишек из досок и толя. Раньше Хосе Тонка, Хосе Лопесу и Панчоте пришлось бы „смириться“ только с собственным уходом из жизни. Теперь же они хорошо понимают, что их кончина — очередной этап на пути к полному исчезновению их народа. И эта мысль невыносима. Они еще, может быть,

смогут умереть по древнему обычаю своих предков. А их дети и внуки?

В былые времена, когда индеец чувствовал приближение смерти, он сразу же, сам, прекращал всякое лечение и отказывался от свершения магических обрядов, способствующих исцелению. Он просил всех членов семьи как можно скорее облачиться в траурные уборы. В пол хижины вбивали три красные жерди, таким образом, что они соединялись над головой умирающего, и связывали их либо принадлежащим ему гарпунным линем (если это был мужчина), либо белыми перьями (если это была женщина). Возле умирающего клали кусок белой ткани — он должен был отпугивать *Айайему*, злого духа; возможно даже, что когда-то очень давно в белый цвет красили изнутри и всю хижину. Для окружающих индеец умирал не с последним вздохом, а как только переставал подниматься с ложа без посторонней помощи. „Он уже умер“, — говорили кауашкары про такого больного.

Траур соблюдало все племя, на какое-то время жизнь в поселении замирала, и каждый выражал искреннее горе. В хижине покойного собиравались все жители общины — мужчины, женщины, дети, и начиналось бдение над мертвым телом. Женщины хором тянули бесконечный поминальный плач, такой грустный, что сжималось сердце. Ночью тщательно поддерживали огонь в большом костре, призванном отпугивать злого духа.

Наутро телу придавали положение зародыша, заворачивали его в тюленью шкуру, и близкие несли тело покойного на трех красных жердях, свидетелях его агонии, в его последнее жилище. Погребальный шалаш устраивали в пещере, под сваленными молодыми деревцами, на развилке дерева, под навесом скалы или даже на болоте — когда где. (Иногда тело опускали в воду, призывая тюленей съесть его.) Рядом с умершим укладывали всю его утварь. Бросали на него немного земли. И спешили прочь — с этого мгновения телом завладевал Айайема. Погребальный шалаш становился проклятым. В него издали кидали камнями и заклинали усопшего не возвращаться в селение и не преследовать жителей и унести свои хвори с собой. „Теперь, — говорили ему, — оставь нас в покое!“ И с той минуты только грифы, птицы проклятые, как сама смерть, могли безбоязненно посещать место погребения. Уничтожалось все, что принадлежало умершему и не было положено вместе с ним в последнее жилище; хижина разрушалась, и на ее месте еще очень долго нельзя было строить другую, лодку пускали в море по воле волн, одежду сжигали. Нельзя было оставлять ничего такого, что могло бы помочь покойному узнать место, если он захочет вернуться и принести несчастье.

Когда придет смертный час Тонка, Лопеса, Панчоте, Росы и других, кто сможет соблюсти для них ритуалы, сопровождающие агонию, смерть и траур? Чьи магические заклинания уберегут их от когтей до

Мы выходим из пролива Месье, куда как будто обрывается отвесно цепь Анд. В этом необъятном просторе островов и воды осталось всего двадцать семь кауашкаров.

Последние из кауашкаров на традиционной лодке с треугольным парусом из тюленьей шкуры в проливе, на который наплзает туман . . . Отчаяние угасающей жизни.

времени явившегося за ними Айайемы? В Пуэрто-Эдене тела покойников забирают у индейцев чилийские власти и хоронят на островке, расположенном по соседству с постом наблюдений военных, а на каждой могиле устанавливают небольшой белый крест. Что это может значить в глазах кауашкаров? Когда народ лишают даже возможности хоронить умерших, он оказывается на грани исчезновения.

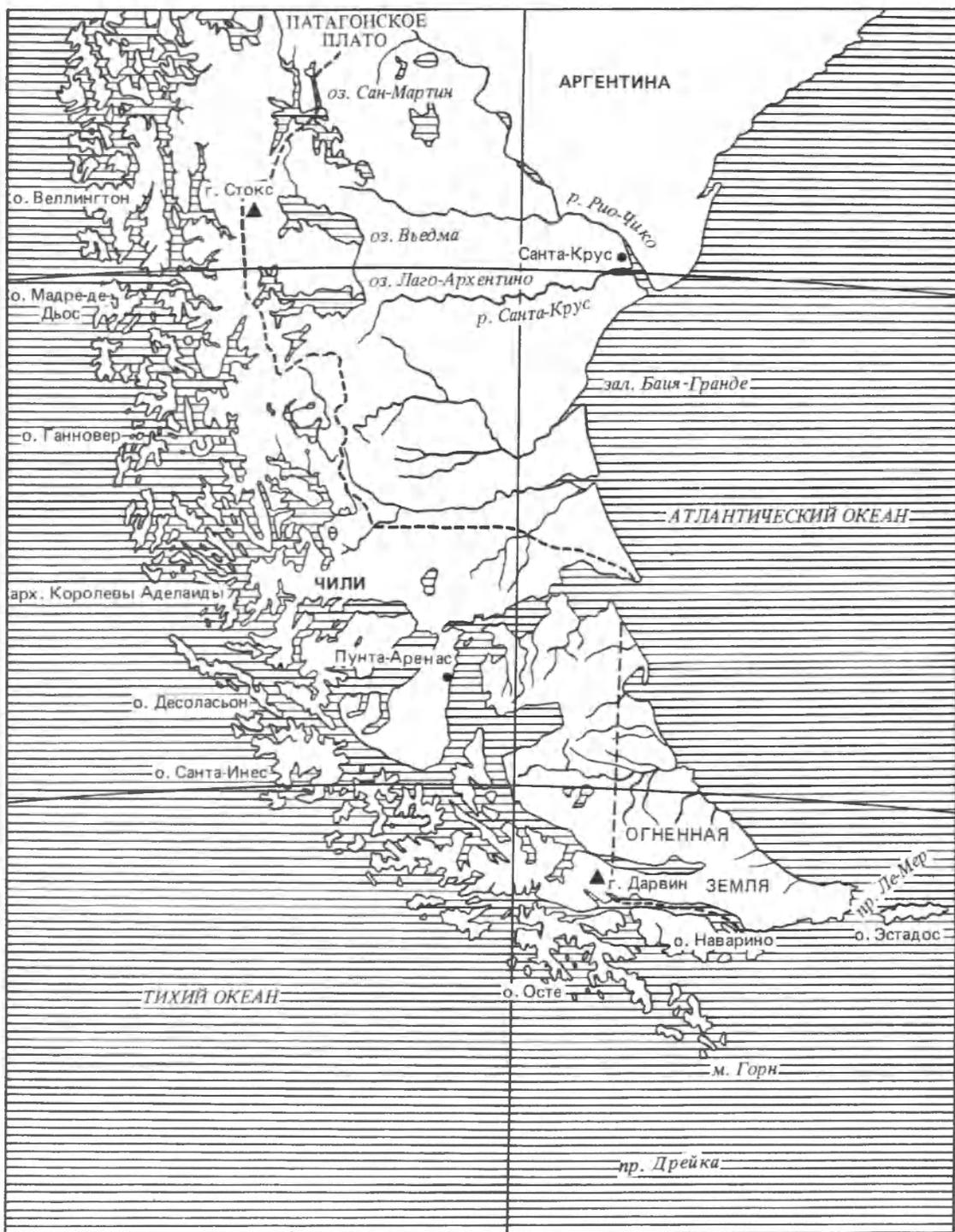
Никто не знает, было ли когда-нибудь у кауашкаров представление о высшем, добром, благостном существе, спасителе, владыке рая вечно-го блаженства. Если и было, то они его начисто утратили. Круг их верований ограничен духами, творящими зло. Гигант *Каутчо*, подземный житель, ночной бродяга, пахнувший гнилью, появляется в сумерки, чтобы душить индейцев и вырывать у них глаза; у него твердые, как камень, волосы, на голове рога, и на груди два огонька, мигающих в бурю. Когда он проходит мимо, собаки начинают выть. Дух шума, *Мвono*, тревожит вечные снега и льды на горах и низвергает в море лавины.

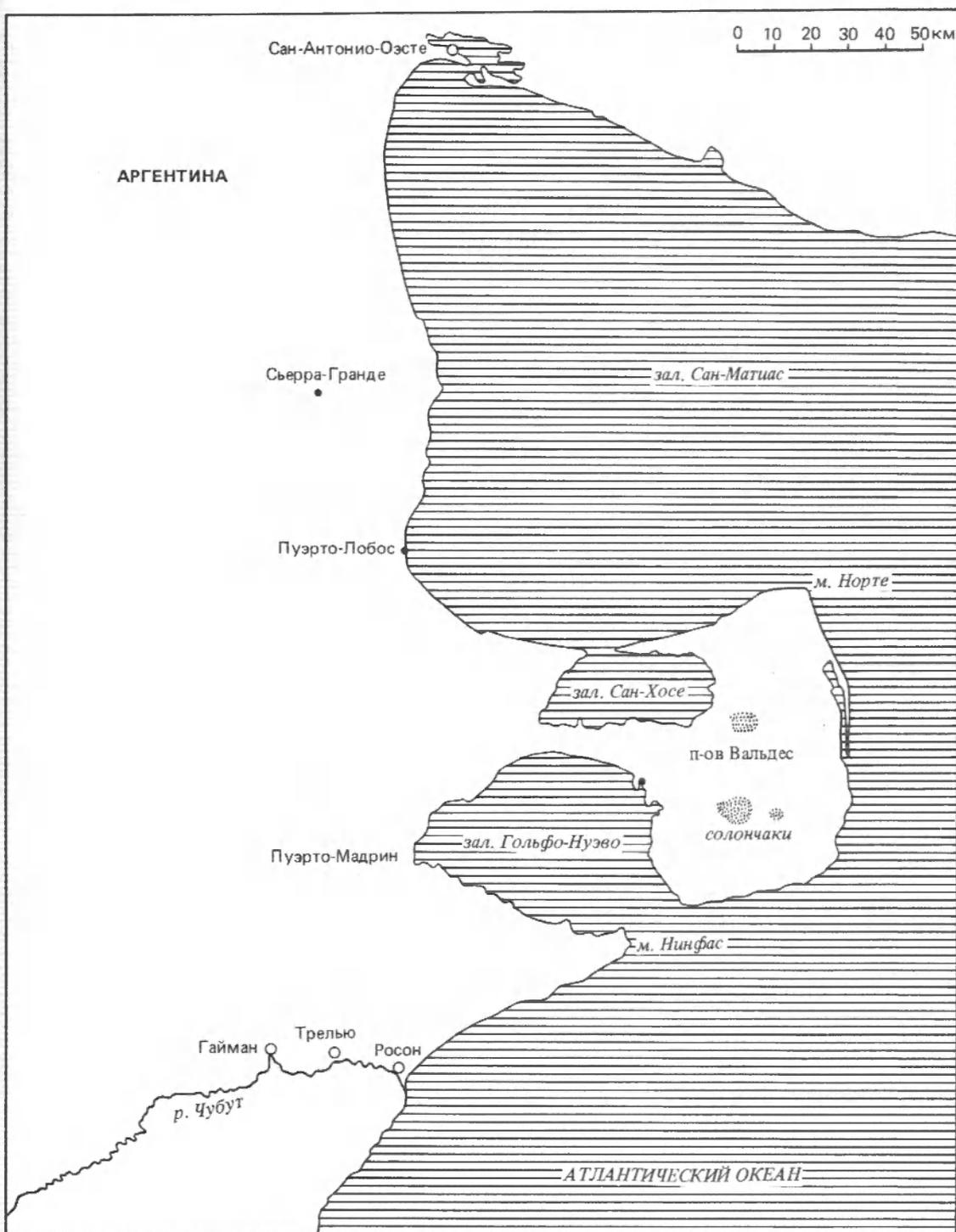
Но самый страшный — Айайема, он самый сильный, самый безжалостный из всех — в нем сосредоточено все зло, вся скорбь мира. Айайема распоряжается, как хочет, великими силами природы, и в первую очередь ему подчиняется свирепый северо-западный штормовой ветер. В конце концов он завладевает телами и душами людей. Живет он на болотах (*папи*) — там, где гибельные топи из трав и водорослей засасывают каждого, кто попадет туда, и где стелются зловещие туманы. Айайема, дух зла, выходит из своей трясины ночью и бродит по берегам, а между островами в это время завывает ветер. Он уносит неосторожных индейцев. Тянет кверху огонь очагов, стараясь поджечь хижины. Насыляет недуг через глаза и рты спящих мужчин и женщин. Приносит им страшные сны. И заставляет болезненно биться их сердца — верное предзнаменование близкой смерти, от которого кауашкары впадают в непреодолимую тоску и бессилие . . .

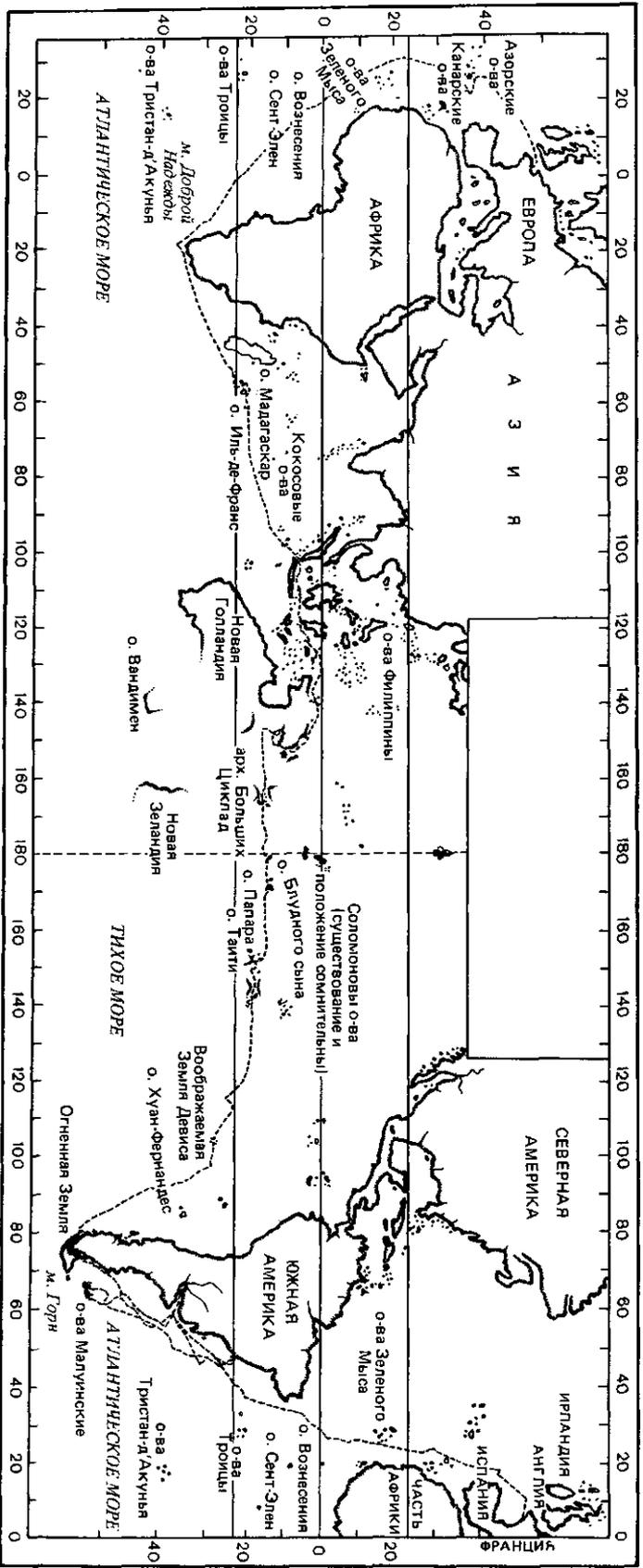
Стоя на палубе „Калипсо“, которая уходит от Пуэрто-Эдена к Франции, мы с Филиппом смотрим на два каноэ кауашкаров, исчезающих на черном горизонте пролива, и я невольно думаю о том, что Айайема, злой дух, темная сила болот, окончательно победил. Морским кочевникам ничто не помогло — ни их простодушие, ни их приспособленность к окружающей среде, ни магические заклинания. Они вымирают.

Но мне особенно грустно оттого, что я знаю другое имя Айайемы — *западноевропейская цивилизация*. Даже если кауашкары, люди каменного века, с самого начала не имели никаких шансов в великом соревновании народов.

**приложения
и словарь терминов**

Бугенвиль „Кругосветное путешествие...“, 1771, рисунок 4. (Фотография Национальной Библиотеки)

приложение I

ИЗБРАННЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ БУГЕНВИЛЯ

«„кругосветное путешествие
на фрегате
„будез“ и транспорте „этуаль“»
париж, 1771¹

Встреча с техуэльче

В глубине бухты Посессион патагонцы всю ночь поддерживали огни, а утром вывесили на возвышенности белый флаг, на что мы ответили поднятием таких же флагов на наших кораблях. Это, вероятно, были те самые патагонцы, которых видели матросы с транспорта „Этуаль“ в июне 1766 г. в бухте Буко и которым флаг был оставлен в знак дружбы.

Когда мы были в заливе, то ясно видели на Огненной Земле группу человек в двадцать. Они были одеты в шкуры и бежали со всех ног за нами вдоль берега. Время от времени они, казалось, делали нам какие-то знаки руками, как бы приглашая к себе. По сообщениям испанцев, народ, обитающий в этой части Огненной Земли, не отличается жестокими нравами. Они приняли с большой гуманностью экипаж испанского линейного корабля „Консепсьон“, разбившегося в 1765 г. у их берегов; они даже помогли спасти часть груза и построить сараи, чтобы сохранить его.

Как только мы бросили якорь, я приказал спустить на воду одну из моих шлюпок и одну с транспорта „Этуаль“. На шлюпках было десять офицеров, вооруженных ружьями. Мы высадились в глубине бухты, в целях предосторожности оставив шлюпки с гребцами на воде. Как только мы ступили на сушу, к нам галопом подскочили на лошадях шесть патагонцев. В пятидесяти шагах от нас они спешили и побежали нам навстречу с криками „шауа“. Они протягивали руки, сжимали нас в объятиях, громко выкрикивая „шауа“², и мы повторяли это слово за ними. Эти славные люди, по-видимому, очень радовались нашему прибытию. Двое из них дрожали, приближаясь к нам, но скоро успокоились. После

¹ Цитируется по книге: Бугенвиль Л. А. Кругосветное путешествие на фрегате „Будез“ и транспорте „Этуаль“ в 1766, 1767, 1768 и 1769 годах. — М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1961/Пер. с фр. В. И. Ровинской и В. Б. Блаженовой.

² „Шауа“ — приветственное восклицание техуэльче, вероятно, не совсем правильно записанное Бугенвилем. Во всяком случае, известные нам словари такого рода терминов не содержат. (Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, примечания цитируются по книге: Бугенвиль Л. А. Кругосветное путешествие на фрегате „Будез“ и транспорте „Этуаль“ в 1766, 1767, 1768 и 1769 годах. — М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1961/Пер. с фр. В. И. Ровинской и В. Б. Блаженовой. — *Прим. ред.*.)

взаимных приветствий мы принесли из шлюпок сухари и немного свежего хлеба и разделили среди них; они ели с жадностью. С каждой минутой число их росло. Вскоре собралась толпа человек в тридцать. Среди них было несколько молодых людей и один ребенок 8—10 лет. Все подходило к нам доверчиво, с теми же приветствиями, что и первая группа. Они не выражали никакого удивления при виде нас и, подражая звуку ружейного выстрела, дали нам понять, что это оружие им уже знакомо. Они внимательно следили за тем, что нам может понравиться. Господин де Коммерсон¹ и некоторые из наших офицеров стали собирать растения; несколько патагонцев также принялись за это занятие и приносили нам такие же травы, какие рвали мы. Один из них, заметив за этим занятием шевалье де Бушаж², показал ему на свой больной глаз, спрашивая его знаками, не может ли он ему указать растение, которое его вылечит. Значит, они имеют представление о лекарственных свойствах трав. Это была медицина Макаона³, целителя богов; среди канадских индейцев имелся также не один такой Макаон.

Мы обменяли несколько безделушек, драгоценных на их взгляд, на шкуры гуанако и вигони. Они знаками просили нас дать им курительного табаку; и, по-видимому, им очень нравился красный цвет: как только они замечали на нас что-либо красное, то сейчас же притрагивались к нему рукой и проявляли большое желание иметь эту вещь. Кстати, каждая вещь, которую мы им дарили, малейшая любовь с нашей стороны вызывали оглушительные крики, и снова начиналось бесконечное „шауа“. Мы решили дать им водки, каждому не больше одного глотка. Проглотив свою порцию, они постукивали себя рукой по горлу и издавали какой-то нечленораздельный звук, который заканчивали, вытягивая губы. Все проделали одну и ту же церемонию; это показалось нам забавным.

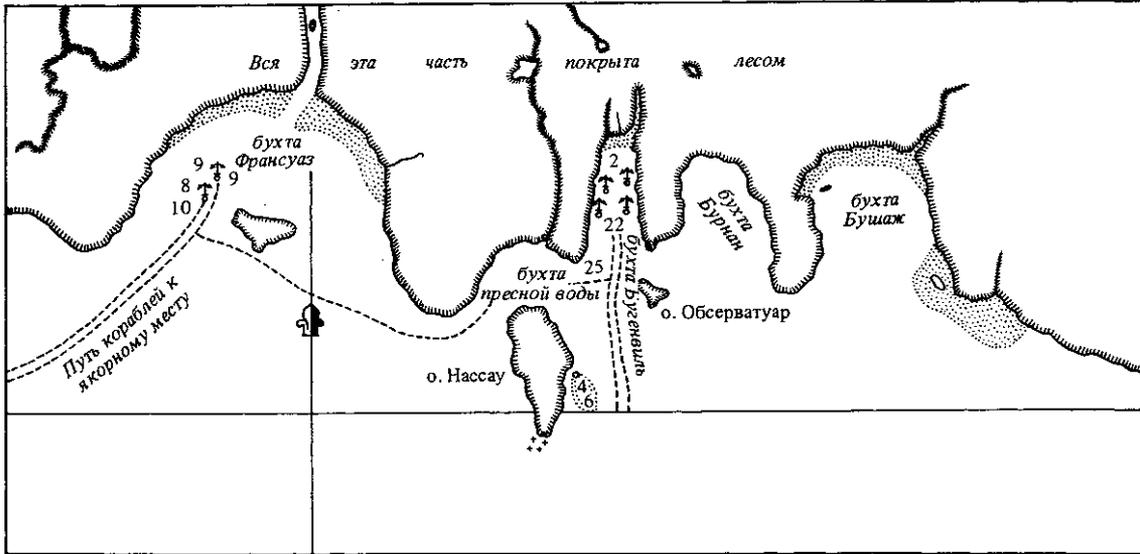
Между тем приближался вечер, и пора было подумать о возвращении на корабль. Как только они увидели, что мы собираемся уезжать, они огорчились, стали делать нам знаки, чтобы мы подождали, так как скоро должны подойти еще люди. Мы старались объяснить им, что вернемся на следующий день и принесем им все, что они захотят; но патагонцы настаивали, чтобы мы ночевали на берегу. Когда они поняли, что мы все же уходим, то проводили нас до самого берега. Во время этого шествия один из патагонцев пел. Некоторые вошли в воду по колено, чтобы подольше побыть с нами. Но когда мы подошли к шлюпкам, пришлось внимательно следить за ними. Они хватали все, что им попадалось под руку. Один из них завладел серпом; когда это было замечено, он немедленно вернул его. Отходя, мы видели, как во весь опор мчались к берегу новые группы патагонцев. На прощание мы не преминули затянуть „шауа“, на что раздался ответный крик с берега.

Это были те самые американцы, которых экипаж транспорта „Этуаль“ видел в 1766 г. Один из матросов, находившийся тогда на транспорте, узнал одного патагонца; он запомнил его во время первого посещения этой земли. Патагонцы высокого роста; среди тех, которых мы видели, не было ни одного ниже 5 футов и 5—6 дюймов и выше 5 футов 9—10 дюймов. Мне показались гигантскими ширина их плеч, величина головы и толщина рук и ног. Они сильны и хорошо упитанны, их нервы крепки, тело выносливо. Живя на лоне природы и хорошо питаясь, эти люди достигали исключительного физического развития. Нельзя сказать, что их лица неприятны или жестоки, они круглы и несколько плоски; некоторые из них даже красивы. Глаза живые, быстрые; их зубы исключительной белизны, но в Париже они показались бы слишком большими; длинные черные волосы завязаны на макушке. У некоторых из них длинные, но не очень густые усы. Цвет лица бронзовый, и в этом отношении они не составляют исключения по сравнению со всеми американцами, живущими как в жарком поясе, так и в умеренных и холодных странах. У некоторых щеки окрашены в красный цвет; их речь показалась нам мягкой, и вообще ничто в них не могло служить признаком жестокости. Нам не удалось видеть их женщин; возможно, они собира-

¹ Коммерсон, Филибер — врач (натуралист), участвовавший в экспедиции. — *Прим. ред.*

² Бушаж — лейтенант фрегата, „Будез“. — *Прим. ред.*

³ Макаон (правильнее Махаон) — врач греков при осаде Трои, сын Эскулапа (из „Илиады“). Ни у техуэльче, ни у индейцев Канады аналогичной фигуры в мифологии нет. Однако Бугенвиль совершенно правильно говорит о развитии народной медицины у коренных жителей Америки.

Бугенвиль „Кругосветное путешествие . . .“, 1771, рисунок 5. (Фотография Национальной Библиотеки)

лись прийти, так как американцы все время просили нас подождать; они послали одного из своих людей к большому костру, около которого на расстоянии 1 лье от места, где мы находились, по-видимому, был расположен их лагерь; они показывали нам, что кто-то должен оттуда прийти.

Одежда этих патагонцев почти такая же, как у индейцев с реки Ла-Платы: широкие кожаные штаны и большой плащ из шкуры гуанако или суриллос, закрепленный вокруг талии поясом; плащ спускается почти до пят, при этом обычно та часть плаща, которая покрывает плечи, забрасывается назад, так что, несмотря на суровый климат, верхняя часть тела до пояса почти всегда обнажена. Привычка, очевидно, сделала их нечувствительными к холоду. Хотя мы были здесь летом, термометр Реомюра только один раз поднялся до 10° выше нуля. На ногах у них нечто вроде башмаков из лошадиной кожи, открытых сзади. На двух или трех патагонцах я видел ниже колен медные обручи шириной около двух дюймов. Некоторые из наших офицеров обратили также внимание на то, что многие молодые патагонцы носят стеклянные бусы.

Единственное оружие, которое мы у них видели, — это два круглых камня, привязанных к концам плетеного из жил ремня, похожего на те, которыми обычно пользуются в этой части Америки. У них имелись также маленькие железные ножи с лезвием от 1½ до 2 дюймов ширины. Эти ножи, явно английского производства, были, очевидно, получены от английского мореплавателя Байрона¹. Лошади патагонцев, маленькие и очень худые, были оседланы и вьюзданы так же, как это делают обитатели берегов Ла-Платы. У одного патагонца было седло, украшенное золотыми гвоздиками, деревянные стремена, покрытые медными пластинками, уздечка из кожи.

Главная их пища — это, кажется, мясо и мозг гуанако и вигони. У некоторых из них были привязаны к лошадям куски мяса, и мы видели, как они ели его сырым. Они имели с собою собак — маленьких и некрасивых, которые, так же как и люди, пьют морскую во-

¹ Байрон, Джордж (1723—1786) — английский мореплаватель; потерпел крушение в 1740 году и скитался по Патагонии; в 1764 — 1766 годах совершил кругосветное плавание, во время которого посетил Фолклендские острова. — *Прим. ред.*

ду. Пресная вода очень редко попадает на побережье и даже на остальном пространстве суши.

У нас создалось впечатление, что у них нет начальников: двум или трем старикам, бывшим в их группе, не оказывали никаких знаков уважения. Весьма примечательно, что некоторые из них обратились к нам со следующими испанскими словами: „*Magnana, tu-chacho, bueno chico, capitan*“¹.

Я думаю, что это племя ведет такой же образ жизни, как и татары: кочуя по необозримым равнинам Южной Америки, мужчины, женщины и дети не слезают с лошадей, преследуя дичь или бродящий здесь скот. Укрываясь шкурами зверей и ночуя в кожаных шатрах, они имеют еще одну общую с ними черту: грабят путешественников.

Закончу это описание тем, что мы впоследствии встретили в Тихом океане народ еще более рослый, чем патагонцы.

Встреча с кауашкарами

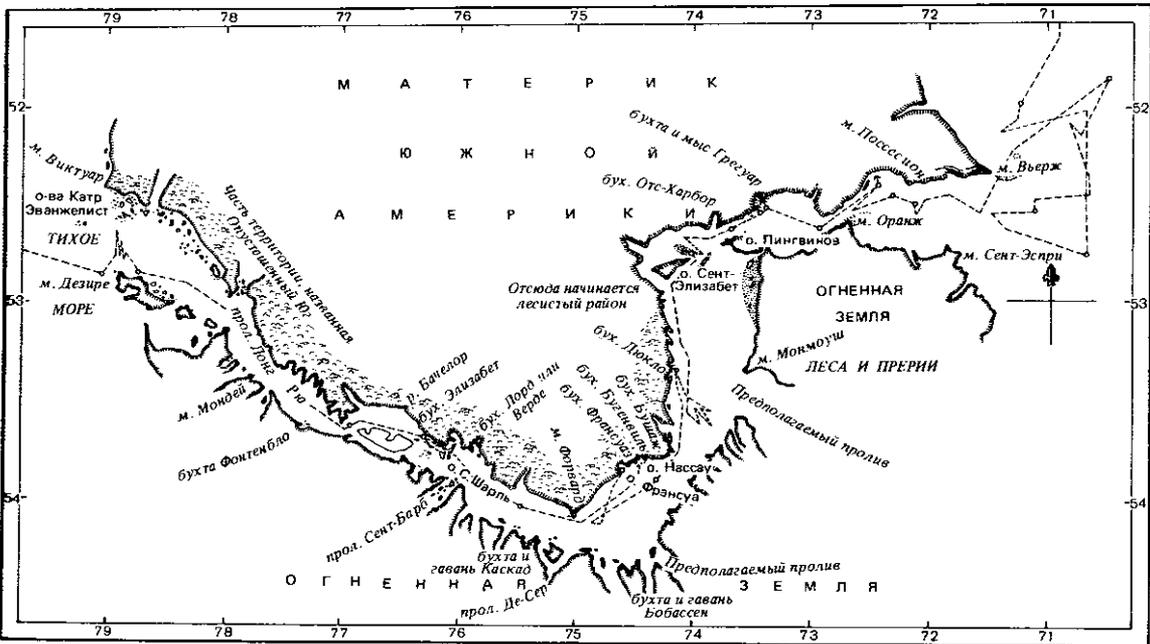
6 января после полудня у нас была короткая передышка. Казалось, с зюйд-веста (225°) вот-вот подует ветер, и мы соблаись было сняться с фертоинга и уйти, как вдруг снова задул ветер от вест-норд-веста (292 1/2) со шквалами, и нам пришлось тотчас же снова стать фертоинг. В этот день у нас на борту побывало несколько дикарей. Утром из-за оконечности мыса Галант показались четыре пироги; они остановились там на некоторое время, затем три из них продвинулись в глубь бухты, а одна направилась к фрегату. Помедлив с полчаса, эта пирога подошла к борту нашего корабля, причем находившиеся в ней дикари громко кричали „пешерз“², „пешерз“. В лодке сидели мужчина, женщина и двое детей. Женщина осталась в пироге, а мужчина доверчиво поднялся на борт. Вид у него был довольно бодрый. Еще две пироги последовали примеру первой, и мужчины с детьми поднялись на фрегат. Скоро они почувствовали себя здесь как дома: пели, танцевали, слушали музыку, а больше всего ели, причем аппетит у них был исключительный. Все им нравилось: хлеб, солонина, сало; они съедали все, что им предлагали. Нам даже стоило большого труда избавиться от этих беспокойных и противных гостей, заставить их вернуться в свои пироги. Это удалось лишь после того, как мы спустили туда куски солины. Их не удивляли ни корабль, ни различные предметы, которые они видели впервые; да это и понятно: чтобы удивляться произведениям искусства, нужно иметь об этом хотя бы элементарное представление. Эти грубые люди воспринимали шедевры техники с тем же безразличием, с каким относились к законам природы и ее явлениям. В течение нескольких дней, пока эти люди находились в гавани Галант, мы часто видели их на корабле и на берегу.

Очень маленького роста, худые, некрасивые и распространяют вокруг себя невыносимый запах. Ходят они почти нагишом, едва прикрытые грубо выделанными шкурами морского волка³, слишком короткими, чтобы ими укрываться. Из таких же шкур они делают крыши для своих хижин и паруса для пирог. У них имеются также шкуры гуанако, но в незначительном количестве. Их женщины уродливы, и мужчины, кажется, уделяют им мало внимания. Женщины управляют пирогами, следят за ними; нередко им приходится, невзирая на холод, добираться вплавь до зарослей морских водорослей, чтобы вычерпать воду из лодок; эти заросли находятся довольно далеко от берега и служат укрытием, где стоят их пироги. На берегу женщины собирают хворост, раковины; мужчины не принимают в этом никакого участия. Даже женщины, имеющие грудных детей, не свободны от работ. Детей они носят за спиной завернутыми в шкуры, служащие им одеждой.

¹ В переводе: „Утро, мальчик, хороший мальчик, капитан“.

² „Пешерз“ — приветственное восклицание огнеземельцев. Точный перевод его неизвестен. Есть мнение, что это слово означает „друзья“. Одно время жителей Огненной Земли даже называли „пешерз“ или „пешереями“.

³ Неизвестно, какого зверя имел в виду Бугенвиль. Скорее всего, речь идет о морском леопарде. — *Прим. ред.*

Бугенвиль „Кругосветное путешествие . . .“, 1771, рисунок 1. (Фотография Национальной Библиотеки)

Пирог сделаны из кусков коры, кое-как скрепленных между собой тростником; в пазы вбивают мох. Посреди лодки находится небольшой очаг на песке, где постоянно поддерживается слабый огонь.

Их оружие составляет лук, сделанный, так же как и стрелы, из колючего барбариса и остролистника. Тестиву они делают из жил, а на концы стрел прикрепляют довольно искусно выточенные из камня наконечники. Но это оружие они применяют для охоты на мелкую дичь, а не против неприятеля; оно так же неможно, как и руки людей, им пользующихся.

Мы видели у них рыбы кости длиной не менее фута, один конец которых заострен и имеет зазубрины. Но это, конечно, не кинжалы, а скорее орудие рыбной ловли. Прикрепив такую кость к длинному шесту, они пользуются им как гарпуном.

Женщины, мужчины и дети живут все вместе, в хижинах, посреди которых всегда горит огонь. Питаются они преимущественно ракушками. У них имеются собаки; пользуются они и силками, сделанными из китового уса. Я заметил, что у них у всех испорченные зубы, и полагаю, что это оттого, что они едят обожженные, но полусырые ракушки.

Впрочем, они кажутся добродушными людьми, но жалкими и слабыми; они суеверны и верят в злых духов; заклинатели духов являются одновременно жрецами и врачами. Из всех дикарей, которых я видел в своей жизни, пещерэ — самые обездоленные: они лишены всего и находятся, что называется, в первобытном состоянии. В самом деле, если мы нередко сочувствуем человеку свободному, живущему без обязанности и забот и довольствующемуся тем, что он имеет, лишь потому, что не знает лучшего, то как не пожалеть людей, лишенных простейших жизненных удобств и к тому же страдающих от самого сурового в мире климата!

Этот народ весьма малочислен и объединяет наименьшее число людей, которое я встречал в любой части света. Как вы это увидите в дальнейшем, среди них есть и шарлатаны. Ведь как только люди собираются вместе в количестве большем, чем семья, — я по-

дразмеваю под семьей отца, мать и детей, — интересы усложняются, отдельные индивидуумы хотят силой или обманом подчинить себе других; понятие семья превращается тогда в понятие общество, и живет ли эта семья среди лесов, состоит ли из единокровных родичей, в ней всегда можно обнаружить в зародыше все те пороки, которые создают, движут и способствуют падению самых могучих империй. Отсюда же следует и то, что в так называемом цивилизованном обществе проявляются добродетели, к которым люди, близкие к первобытному состоянию, невосприимчивы.

7 и 8 января была такая плохая погода, что не было возможности сойти с корабля. В ночь на 9-е мы дрейфовали на якоре и были вынуждены отдать еще один якорь с крамбола. Слой снега на нашей палубе достигал порой 4 дюймов; при свете занимающегося дня мы увидели, что снегом покрыта вся земля, кроме низких мест, где влажность не дает снегу задерживаться. Термометр оказывал 5° — 4° и опускался даже до 2° ниже точки замерзания. 9 января после полудня погода немного улучшилась.

Пешерэ направились к нам, чтобы подняться на корабль. Они даже принарядились, то есть разрисовали себе тело красной и белой краской. Однако, увидев, что наши шлюпки отошли от кораблей и направились к их хижинам, они последовали за нами. Лишь одна пирога осталась у борта транспорта „Этуаль“, но она оставалась там недолго, а затем ушла, чтобы поскорее присоединиться к остальным, с гребцами которых наши офицеры успели уже завязать дружбу.

Все женщины собралась в одной хижине, и дикари выражали недовольство, когда кто-либо из наших офицеров пытался туда войти. И наоборот, они приглашали гостей зайти в другие жилища, где их угощали ракушками, предварительно пососав их.

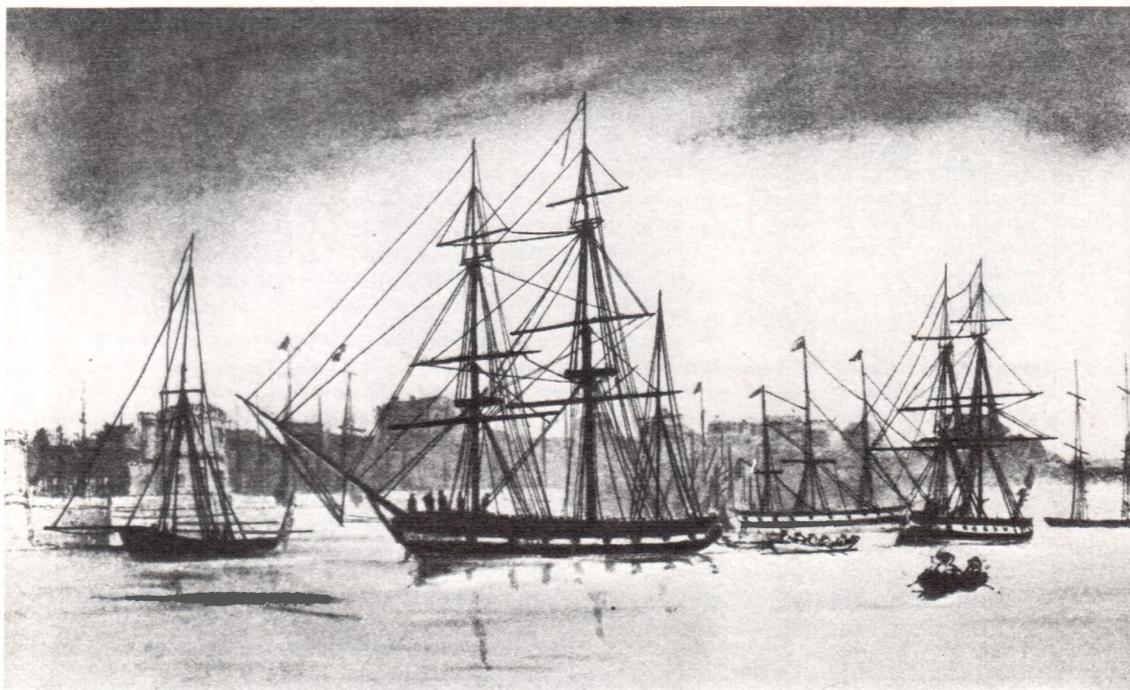
Мы сделали им небольшие подарки, которые были охотно приняты. Они пели, танцевали и проявляли больше веселости, чем можно было предположить у этих диких людей, внешний вид которых обычно суров.

Но радость их продолжалась недолго. У двенадцатилетнего мальчика, единственного из всей толпы, показавшегося нам интересным, внезапно началось кровотечение, сопровождавшееся сильными конвульсиями. Когда этот ребенок был на транспорте „Этуаль“, ему подарили кусочек зеркала и стекла, не думая о тех роковых последствиях, которые может вызвать этот подарок. Дикари эти имеют обыкновение засовывать в горло и ноздри маленькие кусочки талька. Вероятно, из суеверия они считают, что этот талисман обладает силой, которая предохраняет от различных несчастий. Ребенок, очевидно, нашел такое же применение подаренным стекляшкам. Его губы, десны и небо были изрезаны и кровоточили. Этот случай вызвал среди туземцев недоверие к нам и поверг их в уныние. Они заподозрили нас в том, что мы напустили на ребенка порчу. Шаман, который немедленно занялся больным, прежде всего быстро снял с пострадавшего подаренную ему полотняную куртку и хотел вернуть ее французам. Когда же те отказались взять ее, он бросил ее им под ноги. Правда, другой дикарь настолько заинтересовался этой вещью, что не побоялся злых чар и тотчас же поднял куртку. Шаман положил ребенка на спину в одной из хижин и, став у него между ногами на колени, наклонился над ним и, беспрерывно что-то выкрикивая, стал головой и руками изо всех сил давить ему живот. Время от времени он вскакивал и, делая вид, что держит злого духа в сложенных ладонях, раскрывал их и дул, как бы прогоняя его.

Во время этой процедуры одна старая женщина оглушительно кричала над ухом больного. Между тем несчастный мальчик, казалось, страдал от лечения не меньше, чем от болезни. Шаман сделал небольшую передышку, чтобы надеть церемониальный убор. Украсив голову двумя белыми крыльями и посыпав волосы каким-то белым порошком, он снова стал давить и мять ребенка, но все напрасно. Мальчику становилось хуже, и наш священник украдкой благословил его крестом.

Вернувшись на корабль, офицеры рассказали о том, что произошло на берегу, и я тотчас отправился туда вместе с нашим хирургом господином де ла Портом, который захватил с собой молоко и мягчительный отвар. Когда мы подходили к хижине, больного вынесли из нее, и к первому шаману присоединился второй, разукрашенный таким же образом. Манипуляции возобновились. Они давили ребенка живот, бока и спину. Больно было смотреть, как они мучили это несчастное создание, страдавшее молча. Мальчик был уже почти мертв, а дикари все продолжали свои варварские действия, время от времени выкрикивая заклинания. Горе отца и матери, их слезы, живое сочувствие всех соплеменни-

ков не могли не тронуть наши сердца. Пешерэ, очевидно, заметили, что мы разделяем их горе, и нам показалось, что их недоверие к нам уменьшилось. Они пропустили нас к больному, и врач осмотрел его окровавленный рот, из которого отец и другой пешерэ по очереди отсасывали кровь. С большим трудом мы убедили их дать ребенку молока; предварительно нам самим пришлось несколько раз попробовать его. Несмотря на сильное противодействие шаманов, отец наконец дал ребенку молока. Он даже согласился принять в подарок кофейник с мягчительным отваром. Шаманы ревниво смотрели на нашего хирурга, которого они в конце концов признали искусным колдуном. Они даже открыли для него кожаный мешочек, который у них всегда подвешен сбоку и содержит колпак из перьев, белый порошок, тальк и другие средства их профессии. Но как только врач бросил взгляд на мешочек, они тотчас же закрыли его. Мы заметили также, что пока один из шаманов заклинал болезнь, другой, отгоняя, заклинал злых духов, которых, как они подозревали, мы навлекли на них.

Корабль „Бигль“ уходит в экспедицию. На борту корабля Фицрой — капитан, Дарвин — натуралист. (Фотография Морского музея)

Магелланов пингвин.

приложение II

ИЗБРАННЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ДАРВИНА

«путешествие натуралиста
вокруг света
на корабле „бигль“ в 1831—1836 годах»
лондон, 1845¹

Патагонский пересмешник

Один пересмешник (*Mimus orpheus*), называемый местными жителями каландрией, замечателен тем, что поет много лучше всех прочих здешних птиц; в самом деле, это почти единственная птица Южной Америки, которая, по моим наблюдениям, садится с намерением петь. Пение ее можно сравнить с пением нашей камышевки, но оно гораздо громче, — несколько резких нот, несколько очень высоких, и все это сочетается с приятным щебетанием. Поет она только весной. В остальное время года крик ее резок и далеко не мелодичен. Близ Мальдонадо эти птички были доверчивы и смелы; они постоянно летали во множестве вокруг сельских домов, чтобы поклевать мяса, которое развешивают для просушки на шестах или по стенам; если к пиршеству присоединялась какая-нибудь другая маленькая птичка, каландрии вскоре отгоняли ее прочь. На обширных необитаемых равнинах Патагонии водится другой близкий вид *Orpheus patagonica d'Orbigny*, который часто попадает в долинах, поросших колючим кустарником; эта птица пугливее, и голос ее звучит чуть-чуть иначе. Мне представляется любопытным следующее обстоятельство, свидетельствующее о некотором различии в повадках этих птиц: когда я впервые увидел этот второй вид, то исходя из одного только различия в повадках решил, что это не тот вид, который водится в Мальдонадо. Впоследствии я раздобыл экземпляр из Патагонии и сравнил оба вида, правда довольно поверхностно; они показались мне настолько сходными, что я изменил свое мнение; но в настоящее время м-р Гульд² считает, что это, безусловно, различные виды, — вывод, согласующийся с незначительным различием в повадках, о чем Гульд, однако, не был осведомлен.

¹ Цитируется по книге: Дарвин Ч. «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле „Бигль“». — 3-е изд. — М.: Мысль, 1976/Пер. с англ. С. Л. Соболя.

² Гульд, Джон (1804—1881) — английский орнитолог; описал птиц, собранных Ч. Дарвином в кругосветном путешествии на „Бигле“. — *Прим. ред.*

Нанду

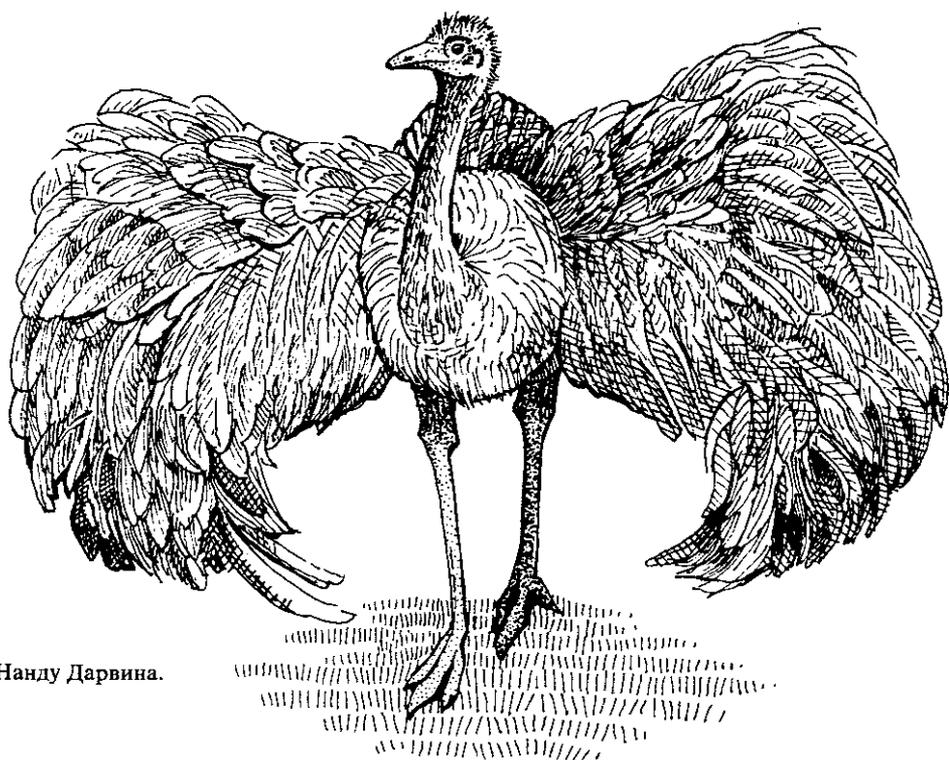
Теперь я расскажу о нравах некоторых наиболее интересных птиц, встречающихся на безлюдных равнинах северной Патагонии, и прежде всего самой большой из них — южноамериканского страуса. В общих чертах образ жизни страуса всем известен. Они едят растительную пищу — корни, траву; но в Баия-Бланке я не раз видел, как три-четыре страуса спускались во время отлива к обширным илистым отмелям, в то время высохшим, для того, чтобы, как говорят гаучосы, поесть рыбешки. Хотя страус по нраву своему птица пугливая, осторожная и любящая уединение и хотя он быстро бегаёт, индейцы и гаучосы, вооруженные боласами, ловят его без особого труда. Если несколько всадников обступает его полукругом, он теряется и не знает, куда бежать. Большей частью страусы предпочитают бежать против ветра, но, трогаясь с места, распускают крылья и пускаются, точно корабль, „на всех парусах“. Раз в ясный жаркий день я видел, как несколько страусов зашло в заросли высокого тростника и село там, притаившись; они сидели так, пока я не подошел совсем близко. Не всем известно, что страусы охотно идут в воду. М-р Кинг¹ сообщает мне, что в заливе Сан-Блас и в бухте Вальдес в Патагонии он видел, как эти птицы несколько раз переплывали с одного острова на другой. Они бросались в воду как в том случае, когда их загоняли к берегу, так и сами по себе, когда их никто не пугал; в воде они покрывали расстояние около 200 ярдов. При плавании их тело очень мало высовывается из воды, а шею они вытягивают несколько вперед; в общем продвигаются они медленно. Дважды видел я, как несколько страусов переплывали реку Санта-Крус в том месте, где ширина ее около 400 ярдов, а течение быстрое. Капитан Стёрт², плывя вниз по реке Мёррембиджи в Австралии, видел там двух плававших эму.

Местные жители даже издали легко отличают самца страуса от самки. Самец крупнее и темнее цветом, и голова у него больше. Страус, и я думаю, что именно самец, издает своеобразный низкий свистящий звук; когда я впервые услышал его, стоя среди песчаных бугров, то подумал, что это кричит какой-то дикий зверь. Потому что нельзя было понять, с какого направления и расстояния доносится этот звук. Во время нашего пребывания в Баия-Бланке в сентябре и октябре в окрестностях повсюду находили огромные количества страусовых яиц. Они бывают разбросаны поодиночке и в этом случае никогда не высиживаются (испанцы их называют *уачо*); или же они собраны кучкой в неглубокой впадинке, которая служит гнездом. Из тех четырех гнезд, которые я видел, в трех было по 22 яйца, а в четвертом 27. За день охоты верхом я нашел 64 яйца; из них 44 лежали в двух гнездах, а остальные 20 были разбросанные по равнине уачо. Гаучосы единодушно утверждают, и нет причины в том сомневаться, что самец один высиживает яйца и затем некоторое время водит молодых. Самец лежит в гнезде, тесно прижавшись к земле, и раз я сам чуть не наехал на одного. Уверяют, что в такие периоды они бывают свирепы и даже опасны; известны случаи, когда они нападают на человека, сидящего верхом на лошади, стараясь ударить его ногой и прыгнуть на него. Человек, рассказывавший об этом, показал мне старика, которого, как он сам видел, поверг в ужас гнавшийся за ним страус. В книге Бёрчелла о путешествиях по Южной Африке я обратил внимание на следующее замечание: „Когда у убитого самца страуса перья оказались грязными, готтентоты сказали, что это была птица, высиживавшая яйца“. Мне известно, что самец эму в зоологических садах берет гнездо на свое попечение; следовательно, эта особенность является общей для всего семейства.

Гаучосы единодушно утверждают, что в одно гнездо кладут яйца несколько самок. Меня решительно заверяли, что видели, как в середине дня четыре или пять самок подошли одна за другой к одному и тому же гнезду. Могу добавить еще, что и в Африке полагают, будто в одно гнездо кладут яйца две или больше самок. Хотя такая привычка на пер-

¹ Кинг, Филипп-Паркер (1793—1856) — английский моряк, занимался съемкой берегов Австралии, затем Патагонии и Огненной Земли (на кораблях „Адвенчер“ и „Бигль“ в 1826—1830 годах). (Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, цитируется по книге: Дарвин Ч. «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле „Бигль“» — 3-е изд. — М.: Мысль, 1976/Пер. с англ. С. Л. Соболя. — *Прим. ред.*)

² Стёрт, Чарлз (1795—1869) — английский путешественник, исследовал Австралию (1828—1830 и 1844—1846).

Нанду Дарвина.

Вый взгляд кажется очень странной, я думаю, что можно просто объяснить ее причину. Число яиц в гнезде колеблется от 20 до 40 и даже до 50, а согласно Азара ¹, иногда до 70—80. Исходя из того, что количество яиц, находимых в одном районе, так необычайно велико по сравнению с числом взрослых птиц, а также судя по состоянию яичника у самок, вероятнее всего предположить, что самка за сезон может откладывать большое количество яиц, но для этого требуется очень длительное время. Азара отмечает, что одна прирученная самка снесла 17 яиц с промежутками в три дня между отдельными кладками. Если бы самке пришлось самой высидывать яйца, то, прежде чем было бы снесено последнее, первое, наверно, успело бы уже испортиться; но если бы каждая самка откладывала несколько яиц через последовательные промежутки времени в разные гнезда и несколько самок, как то и показала действительность, объединялись бы, то в одном гнезде собирались бы яйца примерно одинакового возраста. Если число яиц в одном из таких гнезд в среднем, как я полагаю, не больше числа яиц, откладываемых одной самкой за сезон, тогда гнезд должно быть столько же, сколько и самок, и каждому самцу достается равная доля труда по высидыванию, как раз в тот период, когда самки, вероятно, высидывать не могут, так как продолжают нестись. Я упоминал выше о большом количестве уачо — брошенных яиц; так, за день охоты я нашел таких 20 штук. Кажется странным, что так много яиц пропадает впустую. Не происходит ли это из-за трудности соединения вместе нескольких самок и подыскания самца, готового принять на себя обязанность высидывания? Очевидно, что для начала должно существовать в какой-то степени объединение хотя бы между двумя самками, иначе яйца останутся разбросанными по просторам равнин на расстояниях слишком больших для того, чтобы самец имел возможность собрать их в одно гнездо; некоторые авторы полагают, что взврос яйца кладутся для того, чтобы ими питались молодые птицы. Но едва ли так обстоит дело в Америке, потому что уачо часто находят испорченными и протухшими, но почти всегда целыми.

¹ Азара, Фелис (1746—1811) — испанский офицер, занимавшийся в течение 13 лет топографической съемкой в бассейне Парагвая — Параны; оставил чрезвычайно ценное естественноисторическое описание исследованной области.

За время моего пребывания в Рио-Негро в северной Патагонии я неоднократно слышал от гаучосов рассказы об очень редкой птице, которую они называли *авеструс петисе*. По их описаниям, она меньше обыкновенного страуса (который водится там в изобилии), но с виду очень похожа на него. Они говорят, что эта птица темного цвета, в крапинку, и ноги у нее короче и покрыты перьями ниже, чем у обыкновенного страуса. Ловить ее боласами легче, чем другие виды. Те немногие местные жители, которые видели обеих птиц, утверждают, что они могли бы отличить издали одну от другой. Яйца этого меньшего вида попадались, кажется, чаще, чем сами птицы; те, кто их видел, с удивлением отмечали, что они лишь чуть-чуть меньше яиц обыкновенного американского страуса, но несколько иной формы и бледно-голубого цвета. Вид этот крайне редко встречается на равнинах по берегам Рио-Негро; но одним-полтора градусами южнее их уже довольно много. В бухте Желания в Патагонии (48° широты) м-р Мартенс застрелил страуса; я взглянул на него и, самым непостижимым образом позабыв в тот момент все, что знал о *петисе*, решил, что это просто молодая птица обычного вида. Мы изжарили и съели ее, прежде чем я опомнился. К счастью, голова, шея, ноги, крылья, много крупных перьев и значительная часть кожи уцелели, и из этих остатков я почти полностью восстановил экземпляр, выставленный ныне в музее Зоологического общества. Описывая этот новый вид, м-р Гульд оказал мне честь, назвав его моим именем.

В Магеллановом проливе мы встретили среди патагонских индейцев одного полуиндейца, который жил несколько лет со здешним племенем, но родился в северных областях. Я спросил его, слышал ли он когда-нибудь об авеструсе петисе. Тот отвечал: „Да ведь здесь, на юге, других и не бывает“. Он сообщил мне, что число яиц в гнезде петисе значительно меньше, чем у другого вида, а именно в среднем не больше пятнадцати, но утверждал, что их кладет не одна самка. На реке Санта-Крус мы видели несколько этих птиц. Они чрезвычайно осторожны; мне кажется, они видят приближающегося человека на таком большом расстоянии, с которого тот сам еще не может их разглядеть. Поднимаясь вверх по реке, мы видели мало этих птиц, зато когда быстро и без шума стали спускаться вниз по течению, то наблюдали их в большом количестве парами и по четыре — по пять. Мы обратили внимание, что эта птица, трогаясь с места полным ходом, не распускала крыльев подобно северному виду. В заключение замечу, что *Struthio Rhea*¹ обитает в провинциях Ла-Платы до местности несколько южнее Рио-Негро — до 41° широты, *Struthio Darwinii* живет в южной Патагонии, а часть страны по Рио-Негро остается нейтральной территорией. Г-н А. д'Орбиньи², находясь на Рио-Негро, прилагал все усилия к тому, чтобы раздобыть эту птицу, но это ему не удалось. Добрицгоффер³ уже давно знал о существовании двух видов страусов; он говорит: „Надо вам сказать еще, что они в разных местах страны различаются ростом и повадками; ибо те, что водятся на равнинах Буэнос-Айреса и Тукумана, больше, и перья у них черные, белые и серые; те же, что близ Магелланова пролива, меньше и красивее, — их белые перья черны на концах, а черные перья подобным же образом оканчиваются белым“.

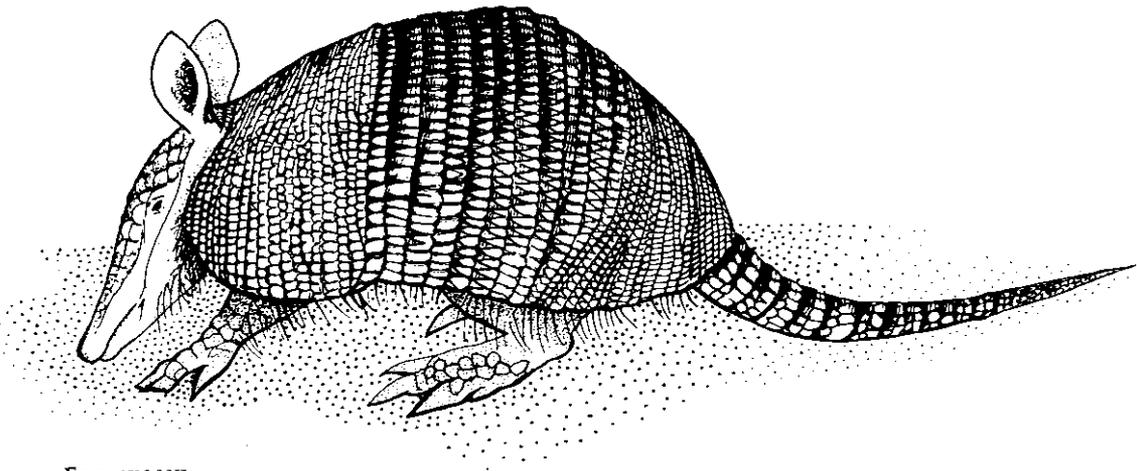
Броненосцы

Я уже упомянул почти обо всех млекопитающих, какие водятся в этой местности. Из броненосцев встречаются три вида, а именно *Dasyurus minutus*, или *пичи*, *D. villosus*, или *пелудо*, и, наконец, *апар*. Первый вид распространен на десять градусов дальше к югу, чем все другие; четвертый вид, *мулита*, не заходит на юг до Баия-Бланки. Повадки у всех четы-

¹ По современной систематической номенклатуре *Struthio Rhea* называется *Rhea americana*, или северный нанду, а другой вид *Struthio Darwinii* — *Rhea darwinii* (*Rhea pennata*), или нанду Дарвина. — Прим. ред.

² Орбиньи, Альсид (1802—1857) — французский натуралист, изучавший Южную Америку; ученик и последователь Кювье.

³ Добрицгоффер, Мартин (1717—1791) — австрийский иезуит; провел в качестве миссионера 18 лет среди парагвайских индейцев.

Броненосец.

рех видов примерно одинаковы; правда, пелудо — ночное животное, между тем как остальные бродят по открытым равнинам днем, питаются жуками, личинками, корнями и даже маленькими змеями. Апар, обычно называемый *матако*, замечателен тем, что у него только три подвижных пояса, остальная же часть его мозаичного покрова почти не сгибается. Он обладает способностью свертываться в правильный шар, как одна из английских мокриц. В таком состоянии ему не страшны нападения собак, потому что собака, не имея возможности схватить целиком его зубами, старается укусить зверька сбоку, и шар ускользает прочь. Гладкий и твердый покров матако дает ему еще лучшую защиту, чем острые иглы ежу. Пичи предпочитает очень сухой грунт, и излюбленным местом его являются песчаные дюны на побережье, где в течение долгих месяцев он может обходиться без воды; он часто старается стать незаметным, плотно прижимаясь к земле. Разъезжая верхом в окрестностях Баия-Бланки, за день мы обычно встречали несколько пичи. Чтобы поймать одного из них, нужно было, как только его заметишь, чуть не кувырксом соскакивать с лошади: животное так быстро зарывалось в мягкий грунт, что не успеешь оказаться на земле, а уже и задней половины его почти что не видно. Убивать таких милых зверьков просто жалко, потому что, как говорил один гаучо, оттачивая нож о спину пичи: „*Son tan mansos!*“ (они такие безобидные).

Ржанки и чибисы

Ржанка, которая выглядит так, точно стоит на ходулях (*Himantopus nigricollis*), встречается здесь обычно большими стаями. Ее напрасно обвиняют в том, что она не изящна: когда она шагает по мелкой воде — это ее излюбленное местопребывание, — походку ее никак нельзя назвать неуклюжей. Птицы эти в стае испускают крик, удивительно похожий на лай своры маленьких собак в пылу погони; просыпаясь среди ночи, я не раз приходил в недоумение от этого доносившегося издали крика. Теру-геро (*Vanellus cayanus*) — другая птица, часто нарушающая ночную тишину. Своим видом и нравами она во многих отношениях походит на наших чибисов; крылья ее, однако, снабжены острыми шпорами вроде тех, что имеются на ногах у обыкновенного петуха. Теру-геро, как и наш чибис, получил название по звуку своего голоса. Всякого, кто проезжает по покрытым травой равнинам, постоянно преследуют эти птицы, по-видимому, питающие ненависть к роду человеческому и, по моему убеждению, сами заслуживающие ненависти за их неумолкающие, однообразные и режущие слух крики. Охотнику они досаждают всего более, извещая всех птиц

Гуанако.

и зверей о его приближении; путнику же они, быть может, как говорит Молина ¹, приносят пользу, предупреждая его о полуночных разбойниках. В период высиживания они подобно нашим чибисам стараются, притворившись ранеными, отвести собак и других врагов от своих гнезд. Яйца этой птицы считаются большим лакомством.

Гуанако

Типичное четвероногое патагонских равнин — гуанако, или дикая лама; он играет в Южной Америке роль верблюда Востока. В диком состоянии гуанако — изящное животное с длинной стройной шеей и тонкими ногами. Он широко распространен во всем умеренном поясе материка и заходит на юг до островов у мыса Горн. Живет он по большей части небольшими стадами, от полудюжины до тридцати животных в каждом; но на берегах Санта-Крус мы видели стадо, в котором было, должно быть, не меньше пяти сотен голов.

Обыкновенно они дики и крайне осторожны. М-р Стокс² рассказывал мне, что однажды увидел в подзорную трубу стадо этих животных, которые, очевидно, испугались и убежали со всех ног, хотя расстояние до них было так велико, что невооруженным глазом он не мог их разглядеть. Охотник часто узнает об их присутствии, заслышав издали своеобразное пронзительное ржание — сигнал тревоги у гуанако. Пристально взглядевшись, он,

¹ Молина, Джованни-Иньяче (1740—1829) — итальянский иезуит, изучал и описал естественную историю Чили.

² Стокс, Джон — штурман „Бигля“. — Прим. ред.

вероятно, увидит стадо, выстроившееся в ряд на склоне какого-нибудь отдаленного холма. Если подойти поближе, они издают еще несколько взвизгиваний и пускаются как будто не спеша, но на самом деле довольно быстрым галопом по узкой проторенной тропе к соседнему холму. Но если случайно встретить одно только животное или нескольких вместе, то они обыкновенно стоят неподвижно и пристально смотрят на охотника, затем отойдут на несколько ярдов, оборачиваются и снова смотрят. Чем вызывается такое различие в их поведении? Не принимают ли они ошибочно человека издали за своего главного врага — пума? Или же любопытство в них побеждает страх? Что они любопытны, в этом нет сомнений, потому что, если лечь на землю и выделывать необыкновенные телодвижения, например вскидывать ноги вверх, они всегда потихоньку подходят, чтобы рассмотреть человека. Эту проделку не раз успешно повторяли наши охотники, причем им удавалось, кроме того, произвести несколько выстрелов, которые животные принимали, очевидно, за часть представления. В горах Огненной Земли я не раз видел, как гуанако при моем приближении не только ржал и визжал, но и поднимался на задние ноги и прыгал во все стороны самым забавным манером, очевидно не считаясь с опасностью. Животные эти очень легко приручаются; в северной Патагонии я видел возле одного дома несколько прирученных гуанако, которым была предоставлена полная свобода. В прирученном состоянии они очень смелы и часто бросаются на человека, ударяя его сзади коленками. Уверяют, будто они делают это из ревности к своим самкам. Вместе с тем дикие гуанако не имеют никакого понятия о защите: даже одна только собака может удерживать одного из этих крупных животных до прихода охотника. Многими своими повадками они походят на овец в отаре. Так, если они видят, что к ним с нескольких сторон приближаются всадники, они сразу теряются и не знают, куда бежать. Это обстоятельство особенно благоприятствует охоте по индейскому способу, ибо таким образом животных сгоняют к некоторому центральному пункту и тут охрубают.

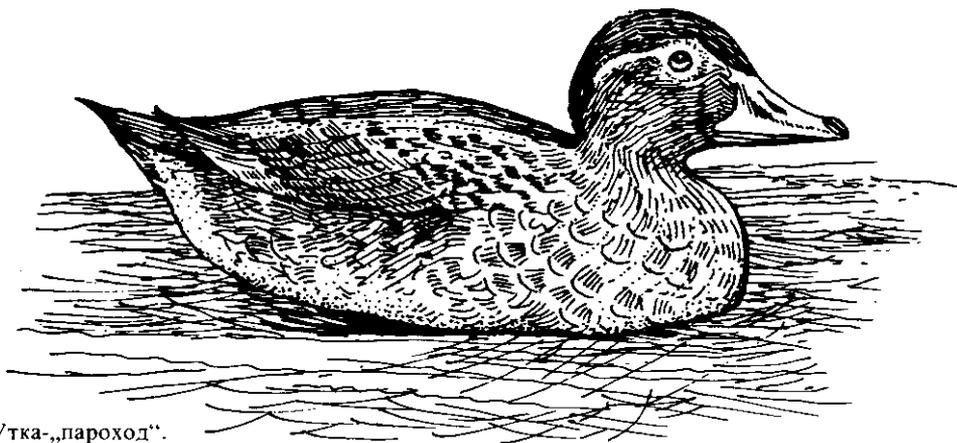
Гуанако охотно идут в воду; в бухте Вальдес я несколько раз видел, как они переплывали с острова на остров. Байрон говорит, что он во время своего путешествия видел, как они пили соленую воду. Некоторые из наших офицеров точно так же видели стадо, пившее, по-видимому, соленую влагу из солины близ мыса Бланко. Я полагаю, что в некоторых частях страны им попросту больше нечего пить, кроме соленой воды. Среди дня они часто катаются в пыли в неглубоких выемках.

Самцы дерутся между собой; однажды двое из них, проходя мимо меня совсем близко, визжали и старались укусить друг друга; у некоторых из убитых самцов кожи были глубоко изборождены. Иногда стада гуанако отправляются, по-видимому, в разведку; в Баия-Бланке, где в полосе на 30 миль от берега эти животные попадаются крайне редко, я однажды видел следы трех или четырех десятков гуанако, прошедших прямо к илистому солонководному заливу. Должно быть, они поняли, что приблизились к морю, потому что с правильностью кавалерийского отряда развернулись и ушли обратно по такой же прямой линии, по какой пришли.

У гуанако есть одна странная привычка, совершенно для меня непонятная: они многие дни подряд откладывают свои экскременты в одну и ту же определенную кучу. Я видал одну из таких куч, которая имела 8 футов в диаметре и содержала большое количество помета. Согласно А. д'Орбиньи, это — привычка, общая всем видам данного рода; она очень выгодна перуанским индейцам, которые таким образом избавляются от труда по сборанию этого помета, служащего им топливом.

У гуанако есть, по-видимому, излюбленные места, куда они отправляются умирать. На берегах Санта-Крус в некоторых определенных местах, по большей части поросших кустарником и, как правило, расположенных поблизости от реки, земля сплошь бела от костей. В одном таком месте я насчитал от десяти до двадцати черепов. Особенно внимательно я осмотрел кости: они выглядели совсем не так, как те разбросанные кости, что я видел прежде, — обглоданные или в обломках, как будто их стащили в одно место хищные звери. В большинстве случаев животные перед смертью должны были пробираться сюда под кустами или между ними. М-р Байно¹ сообщает мне, что в одно из своих прежних путешествий он видел то же самое на берегах Рио-Гальегос. Мне совершенно непонятна причина этого явления, но могу заметить, что на Санта-Крус раненные гуанако неизменно уходили к реке.

¹ Байно, Бенджамин — врач на корабле „Бигль“. — *Прим. ред.*

Утка-„пароход“.

Утки-„пароходы“

На этих островах в изобилии водится крупная большоголовая утка, или гусь (*Anas brachyptera*), которая весит иногда до 22 фунтов (10 кг). В прежние дни этих птиц за их необыкновенную привычку хлопать по воде и брызгаться называли скаковой лошадкой; теперь же им дали более подходящее название „пароходов“. Крылья у них слишком малы и слабы для полета, но с их помощью, частью плавая, частью хлопая ими по поверхности воды, птицы движутся очень быстро. Эта манера чем-то похожа на движения нашей обыкновенной домашней утки, когда ее преследует собака; но я почти уверен, что „пароход“ действует своими крыльями попеременно, а не обонми сразу, как прочие птицы. Эти неуклюжие большоголовые утки производят такой шум и плеск, что создается очень странное впечатление.

Итак, мы находим в Южной Америке трех птиц, употребляющих свои крылья не для полета, а для других целей: пингвин пользуется ими как плавниками, „пароход“ — как веслами и страус — как парусами; кроме того, у новозеландского бескрыла (*Apteryx*), как у его гигантского прототипа — вымершего динорниса, вместо крыльев имеются только их рудименты. „Пароход“ способен нырять только на очень небольшую глубину. Питается он одними моллюсками с бурых водорослей и с камней, омываемых приливом; поэтому его клюв и голова, приспособленные для разламывания раковин, необыкновенно тяжелы и крепки; череп до того крепок, что мне едва удалось раздробить его своим геологическим молотком; все наши охотники вскоре обнаружили, как живучи эти птицы. Когда по вечерам, собравшись стайей, они чистят свои перья, то производят шум, представляющий собой точно такую же странную смесь звуков, какую издают лягушки-быки в тропиках.

Встреча с кауашкарами

Направляясь однажды в шлюпке к берегу близ острова Уолластона, мы повстречались с челноком, в котором находилось шестеро огнеземельцев. Это были самые жалкие и убогие создания, каких я когда-либо видел. На восточном берегу у туземцев, как мы видели, есть плащи из шкур гуанако, на западном они имеют тюленьи шкуры. Здесь же у племен, живущих посредине, мужчины носят обыкновенно выдровую шкуру или какой-нибудь маленький лоскуток, примерно с носовой платок, едва достаточный, чтобы прикрыть спину до пояса. Эта накидка стягивается на груди тесемками и, смотря по тому, откуда дует ветер, передвигается из стороны в сторону. Но те огнеземельцы, которых мы встретили в челноке, были совсем нагие, и даже одна взрослая женщина была совершенно в таком же виде. Шел сильный дождь, и по ее телу струилась дождевая вода вместе с морскими брыз-

гами. В другой бухте, неподалеку отсюда, женщина, кормившая грудью новорожденного ребенка, подошла однажды к кораблю и оставалась на месте просто из любопытства, в то время как мокрый снег падал и таял на ее обнаженной груди и на теле ее голого младенца! Эти жалкие бедняги были какими-то недоростками, их безобразные лица были вымазаны белой краской, кожа была грязная и засаленная, волосы спутаны, голоса неблагозвучны, а жесты порывисты. Глядя на таких людей, едва можно поверить, что это наши ближние, живущие в одном мире с нами. Весьма часто строят предположения по поводу того, какую радость может доставлять жизнь некоторым нашим животным; но куда уместнее было бы поставить тот же вопрос относительно этих дикарей! Ночью эти люди, голые и едва защищенные от ветра и дождя здешнего бурного климата, спят по пяти, по шести часов на сырой земле, свернувшись подобно животным. Как только наступит отлив, зимой ли, летом, ночью или днем, они должны подниматься, чтобы набрать моллюсков на камнях; женщины же либо ныряют за морскими ежами, либо терпеливо сидят в своих челноках и волосьяными удочками с приманкой, но без всякого крючка, время от времени резким движением вытаскивают мелкую рыбку. Если убьют тюленя или найдут в море гниющий труп кита, то это уже праздник; к такой жалкой пище присоединяются еще немногочисленные безвкусные ягоды и грибы.

Они часто страдают от голода; я слышал любопытный рассказ м-ра Лоу, капитана тюленепромышленного судна, который был близко знаком с туземцами этой страны, о положении живших на западном берегу ста пятидесяти туземцев, очень истощенных и бедствовавших. Непрерывные штормы не позволяли женщинам собирать моллюсков на камнях, а выйти на своих челноках в море за тюленями они тоже не могли. Однажды утром небольшая группа этих людей ушла, и остальные индейцы объяснили Лоу что те отправились в четырехдневное путешествие в поисках пищи; по их возвращении Лоу вышел к ним навстречу: они выглядели чрезвычайно усталыми; каждый нес большой прямоугольный кусок вонючей китовой ворвани, просунув голову через дыру в середине куска, подобно тому как гаучосы надевают свои пончо (плащи). Как только ворвань внесли в вигвам, один старик разрезал ее на тонкие ломтики и, бормоча над ними, поджаривал их с минуту, а затем роздал голодному племени, которое все это время хранило глубокое молчание. М-р Лоу полагает, что, когда кита выбросит на берег, туземцы зарывают большие куски его в песок про запас на голодное время; один туземный мальчик, находившийся у него на борту, однажды нашел зарытый таким образом запас. Различные племена, воюя между собой, становятся людоедами. На основании совпадающих, но совершенно независимых показаний мальчика, нанятого м-ром Лоу, и Джемми Баттона¹ можно считать совершенно несомненным, что зимой, побуждаемые голодом, огнеземельцы убивают и поедают своих старых женщин раньше, чем собак; когда м-р Лоу спросил мальчика, почему они так поступают, тот отвечал: „Собачки ловят выдр, а старухи нет“. Мальчик описывал, как умерщвляют старух, держа их над дымом до тех пор, пока они не задохнутся; он в шутку передразнивал их вопли и показывал, какие части их тела считаются особенно вкусными. Как ни ужасна должна быть подобная смерть от рук своих друзей и родственников, еще ужаснее подумать о том страхе, который должны испытывать старухи, когда начинает подступать голод; нам рассказывали, что они тогда часто убегают в горы, но мужчины гонятся за ними и приводят обратно на бойню у их собственных очагов!

Капитану Фиц-Рою так и не удалось убедиться в том, что у огнеземельцев есть сколько-нибудь ясная вера в загробную жизнь. Иногда они хоронят своих покойников в пещерах, иногда в горных лесах, и мы не знаем, какие обряды они при этом совершают. Джемми Баттон не ел наземных птиц, потому что они „едят мертвых людей“; огнеземельцы даже вспоминают неохотно о своих умерших друзьях. У нас нет никаких оснований предполагать, что у них имеются какие-нибудь религиозные обряды, хотя бормотанье старика перед раздачей вонючей ворвани голодным туземцам могло бы, пожалуй, быть чем-нибудь в этом роде. В каждом семействе или племени есть свой колдун, или знахарь, функции которого мы так и не смогли ясно определить. Джемми верил в сны, хотя, как я уже сказал, не верил в дьявола; я не думаю, чтобы наши огнеземельцы были намного суевернее неко-

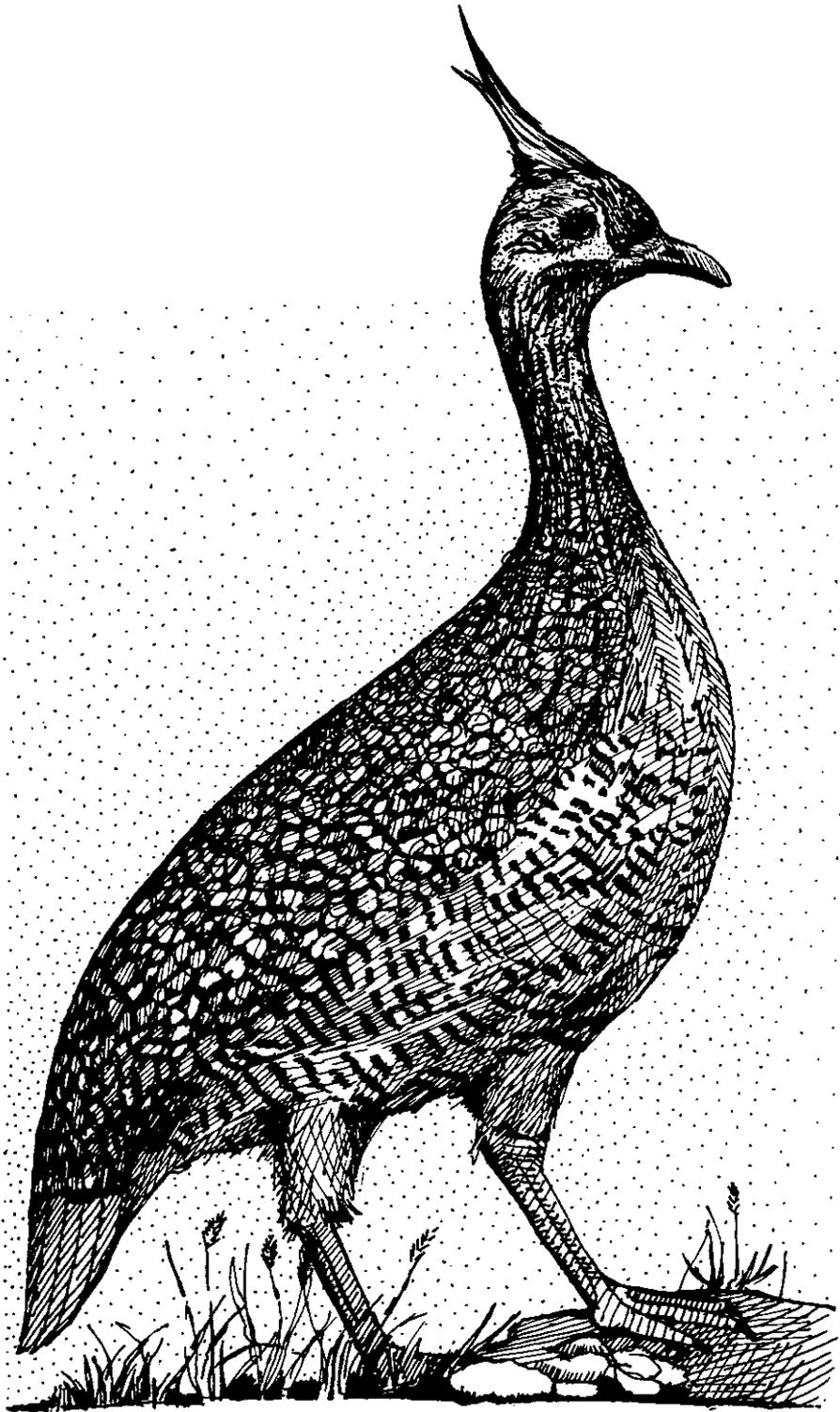
¹ Баттон, Джемми — юноша-огнеземелец, проживший три года в Англии и вернувшийся на корабле „Бигль“ на родину. — *Прим. ред.*

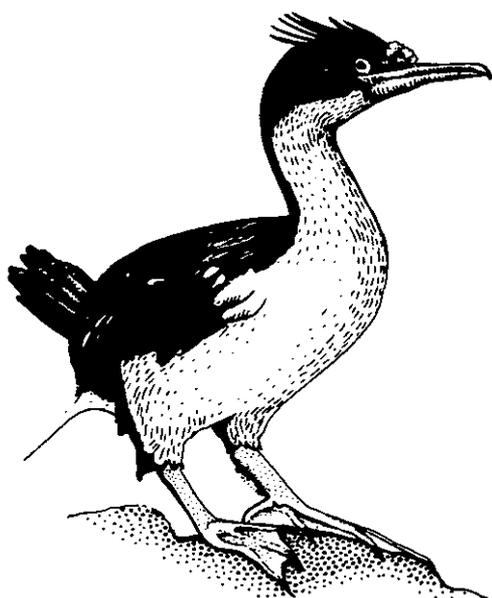
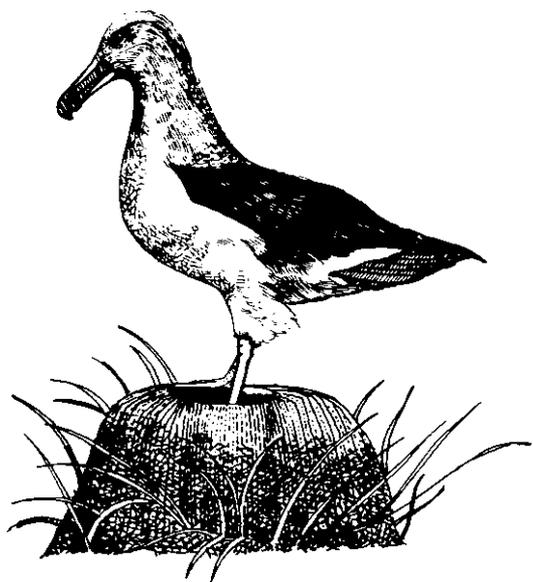
торых матросов: один старый рулевой твердо верил в то, что непрерывные сильные штормы, которые встретили нас у мыса Горн, были вызваны присутствием у нас на борту огнеземельцев. Изю всего того, что я слышал от этих людей, ближе всего к религиозному чувству стоял взгляд Йорка Минстера¹, который, когда м-р Байно застрелил нескольких молодых утят в качестве образчиков для нашей коллекции, самым торжественным образом заявил: „О, м-р Байно, много дождя, снега, ветра много“, — что, очевидно, означало возмездие за напрасную порчу человеческой пищи. Он взволнованно рассказывал также, что его брат, возвращаясь однажды, чтобы подобрать убитых птиц, оставленных им на берегу, заметил носимые ветром перья. Брат сказал (Йорк подражает его манере): „Что такое?“ — прополз вперед и, посмотрев с обрыва, увидел „дикого человека“, ощипывающего его птиц; он подполз поближе, швырнул вниз большой камень и убил человека. Йорк объяснял, что долгое время после того бушевали бури и шло много дождя и снега. Сколько мы могли понять, он смотрел на самые стихии как на силы отмщения: это, между прочим, показывает, как естественно то обстоятельство, что у народа, ушедшего несколько дальше в культурном отношении, стихии уже персонифицируются. Что собой представляют „плохие дикие люди“, всегда оставалось для меня загадочным; из того, что сказал Йорк, когда мы наткнулись на похуже на заячью нору убежище, где накануне спал одинокий человек, я подумал было, что это воры, изгнанные своими племенами, но другие неясные высказывания заставили меня усомниться в этом; иногда я склонялся к мысли, что, вероятнее всего, то были душевнобольные.

Различные племена не имеют ни общего правительства, ни вождя; наоборот, каждое окружено другими, враждебными племенами; племена говорят на разных наречиях и отделены друг от друга только необитаемой пограничной полосой — нейтральной территорией; причиной их войн являются, по-видимому, средства существования. Страна представляет собой хаотическое нагромождение диких скал, высоких гор и бесполезных лесов, и все это видно лишь сквозь туманы да бесконечные бури. Обитаемы только прибрежные скалы; в поисках пищи огнеземельцы вынуждены беспрестанно копать с места на место, а берег до того крут, что передвигаться они могут только на своих убогих челноках. Им неизвестна привязанность к дому и еще менее того — привязанность к семье, ибо муж относится к жене как жестокий хозяин к трудолюбивому рабу. Совершалось ли когда бы то ни было деяние более ужасное, чем то, чему был свидетелем на западном берегу Байрон? Он видел несчастную мать, поднимавшую окровавленного умирающего маленького сына, которого муж ее безжалостно швырнул на камни за то, что тот уронил корзину с морскими ежами! Как мало в этой стране возможностей для упражнения высших духовных способностей: что здесь рисовать воображению, что сравнивать и решать рассудку? Чтобы сорвать блюдечко с камня, не требуется даже хитрости, этой низшей умственной способности. Ловкость дикарей в некоторых делах можно сравнить с инстинктом животных, потому что она не совершенствуется опытом: челнок — самое замысловатое их создание, — как он ни убог, оставался в продолжение последних 250 лет таким же, каким мы знаем его по описанию Дрейка.

Глядя на этих дикарей, невольно задаешь себе вопрос: откуда они пришли? Что могло их привлечь? Или какая перемена заставила целое племя людей покинуть прекрасные северные области, спуститься вниз по кордильерам, этому позвоночному столбу Америки, изобрести и построить челноки, не употребляемые племенами, населяющими Чили, Перу и Бразилию, и, наконец, вступить в одну из самых гостеприимных стран на всем земном шаре? Хотя сначала подобные мысли и приходят неизбежно на ум, но можно с уверенностью сказать, что они отчасти ошибочны. Нет никаких оснований полагать, что численность огнеземельцев падает; следовательно, мы должны допустить, что на их долю достается достаточно счастья, какого бы рода оно ни было, чтобы жизнь имела цену в их глазах. Природа, сделав привычку всемогущей, а результаты ее действия наследственными, приспособила огнеземельца к климату и естественным произведениям его скудной родины.

¹ Минстер, Йорк — огнеземелец; как и Джемми Баттон, три года прожил в Англии, возвращался на родину на корабле „Бигль“. — *Прим. ред.*

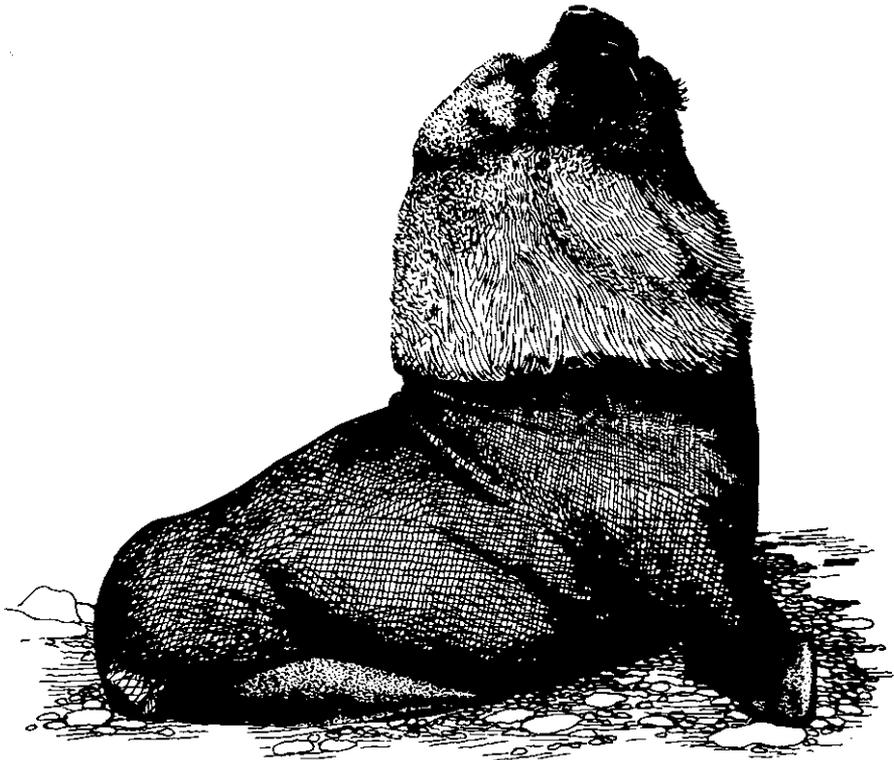
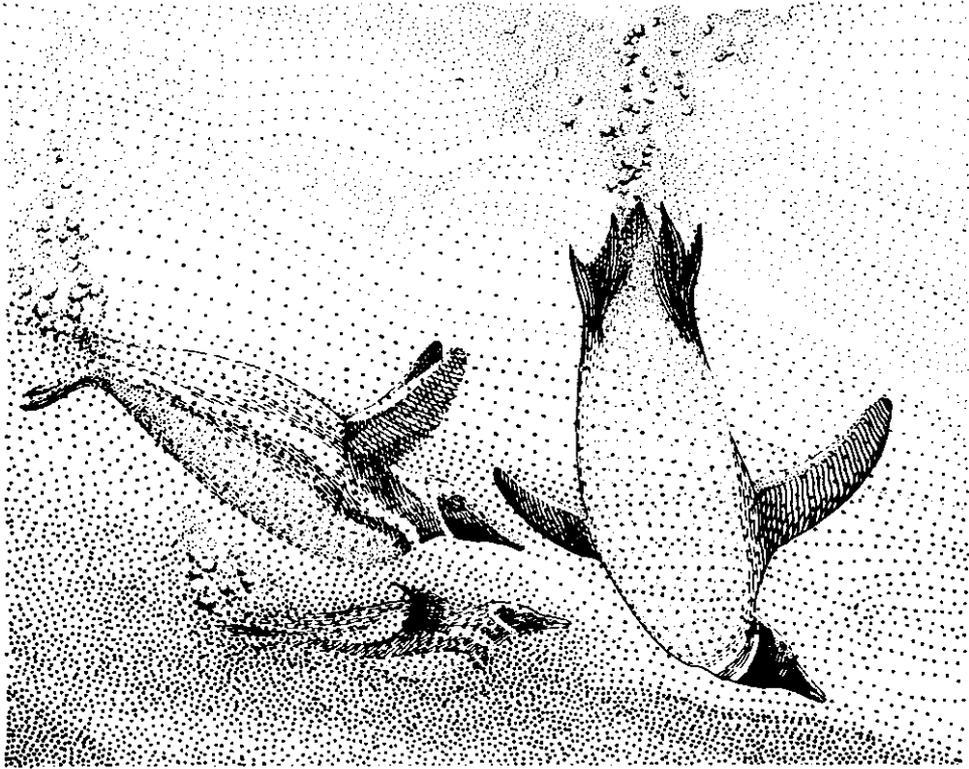
Чернобровый альбатрос
в гнезде.

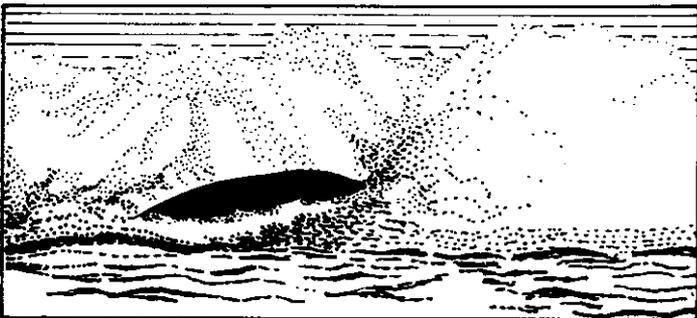
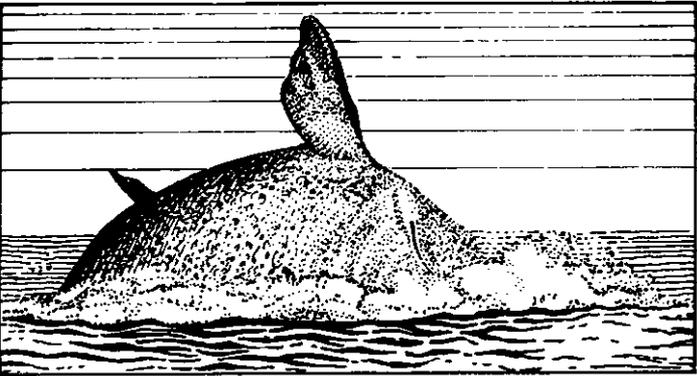
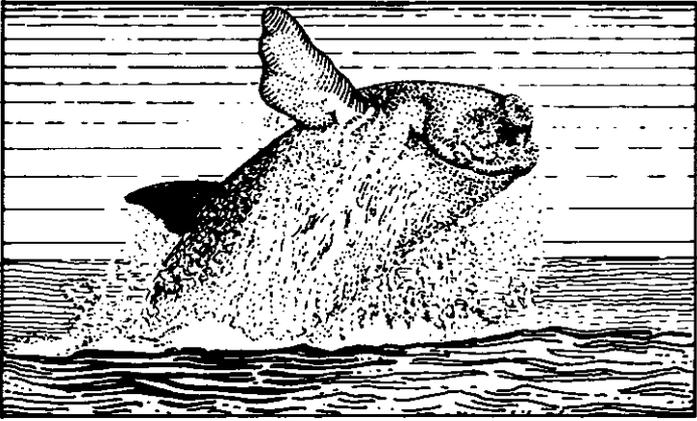
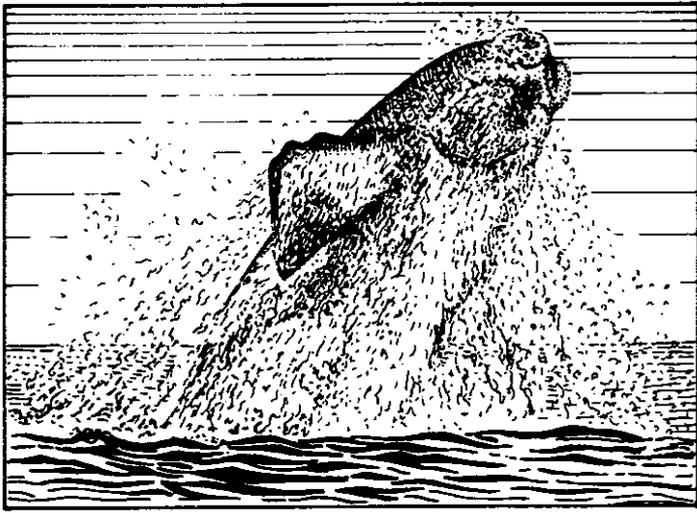
Чернобровый альбатрос
в полете.

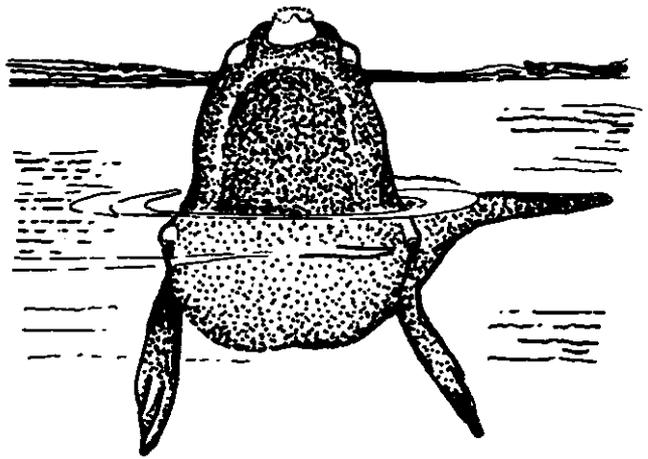
Белобрюхий баклан.

Магеллановы пингвины под
водой.

Котик „*dos pelos*“, взрослый
самец.

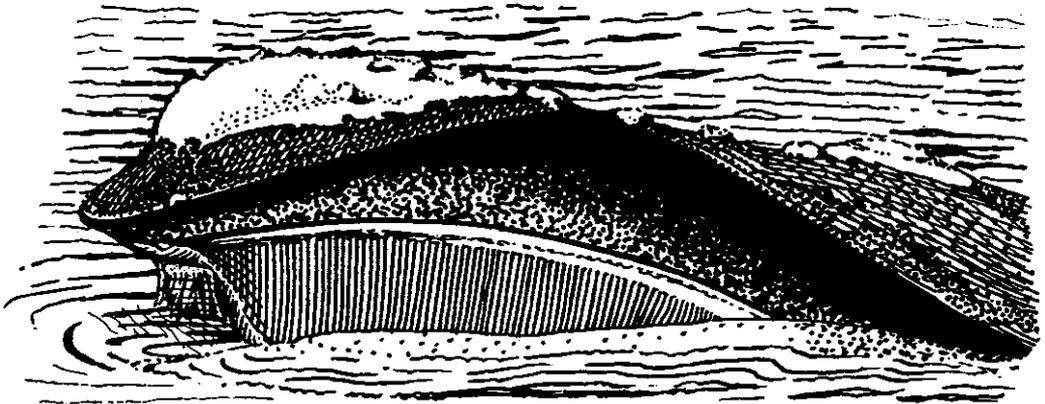

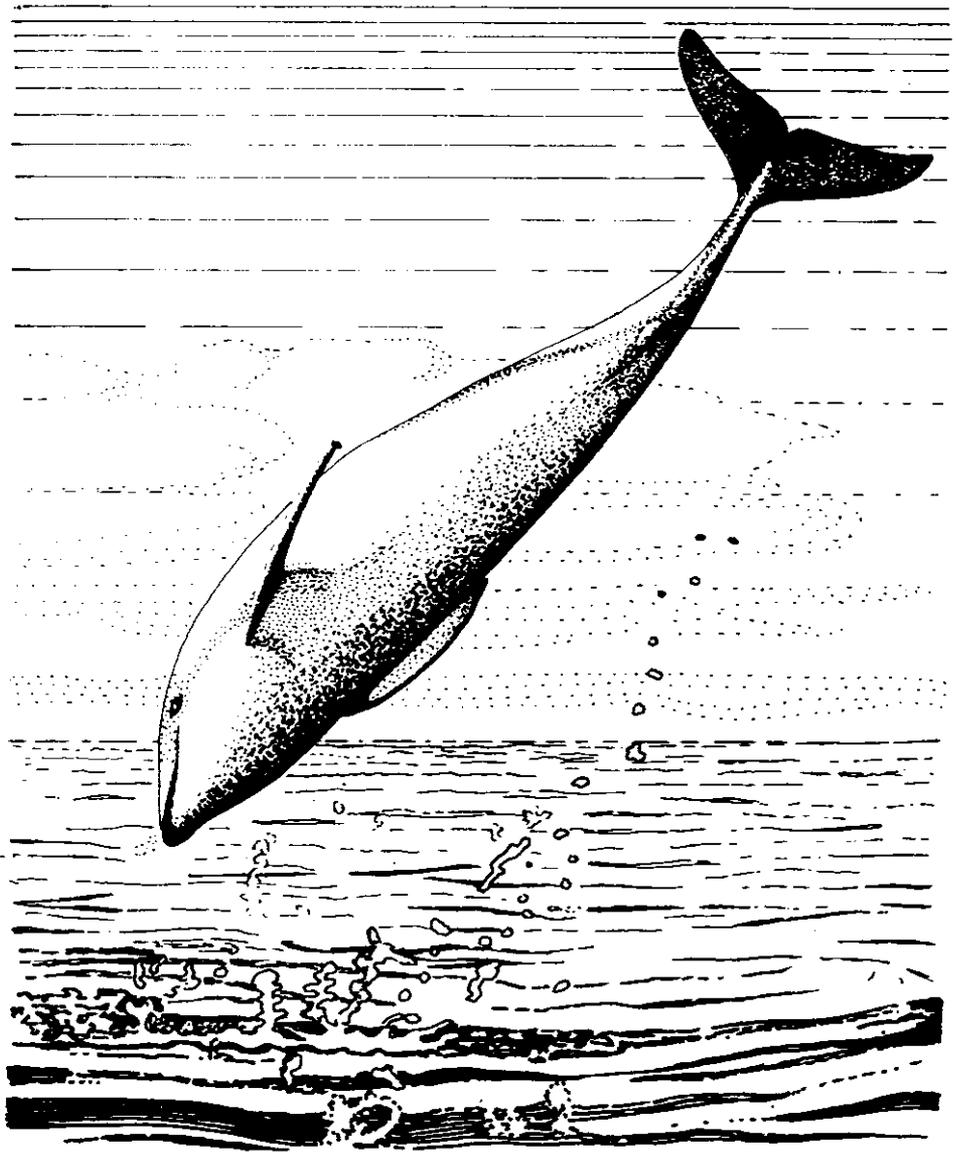

Характерная поза „разведки“ („*spying*“) южного кита. Рисунок миссис Пэйн.

А), Б), В), Г). Четыре фазы выпрыгивания („*breaching*“) южного кита.

Всплывающий южный кит.

Темный дельфин в прыжке. (По фотографии Д. и Дж. Бартлетт)

Из историй и легенд о южном ките: „Глубины моря“. По рисунку из рукописи XIII века.
(Фотография Жана-Лу Шарме)

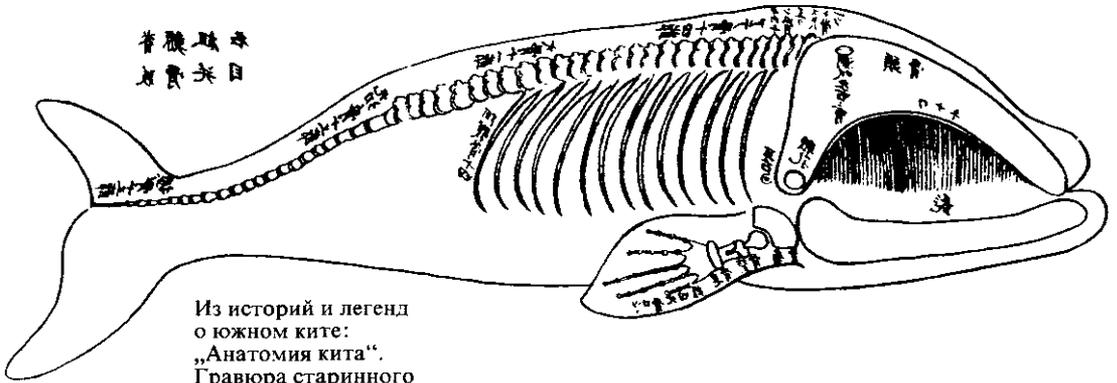

Из историй и легенд о южном ките: „Разделка кита“. Гравюра из „Истории животных“ Конрада Геснера (XVI век). (Фотография Жана-Лу Шарме)

Из историй и легенд о южном ките: „Охота на кита“. Гравюра XVIII века. (Фотография Жана-Лу Шарме)

Из историй и легенд о южном ките: „Охота на кита“. Гравюра XVIII века. (Фотография Жана-Лу Шарме)

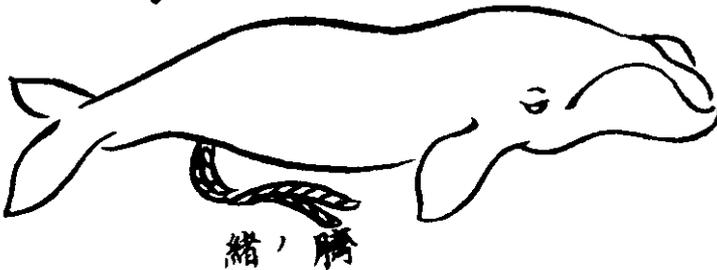
脊 髓 頭 骨
肩 胛 骨 目

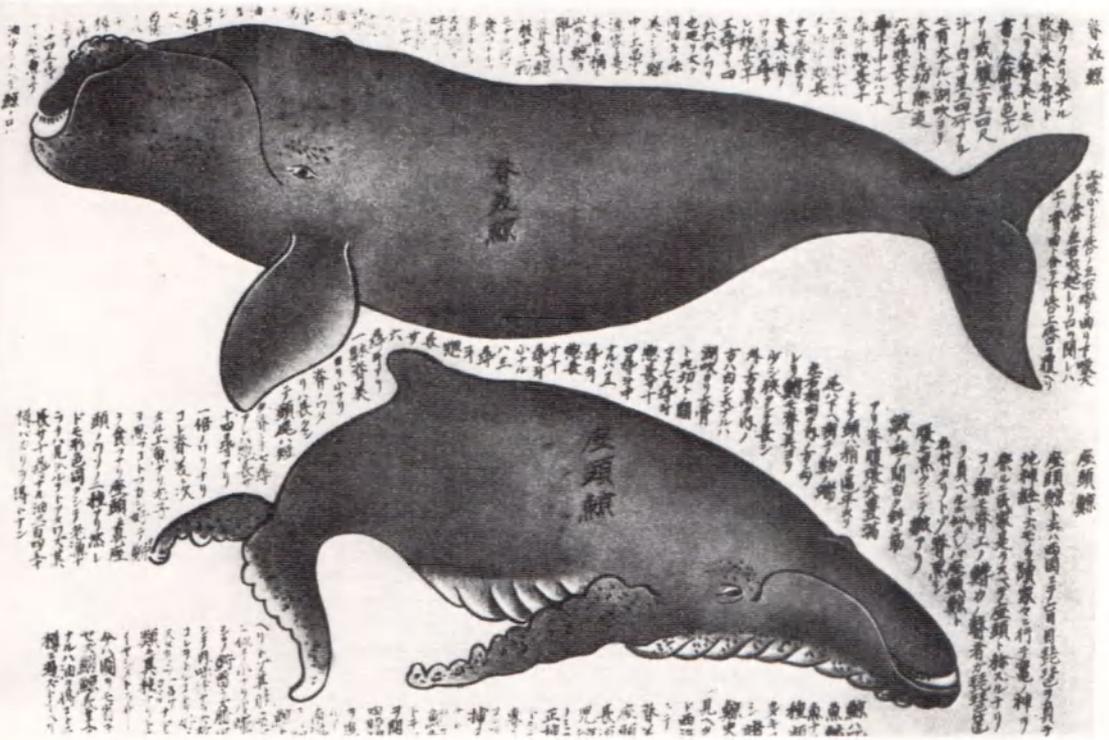

Из историй и легенд о южном ките: „Анатомия кита“. Гравюра старинного китайского художника. (Фотография Библиотеки Парижского музея естественной истории)

脊 養 鯨 子
四 月 許 腹
籠 之 圖 ナリ
惣 長 サ 一 尺 六
寸 ハ 有 リ 廻 リ
二 尺 半 有 リ
鼻 先 目 ノ 下
ナリ 氣 色 ソノ
外 ハ 桃 色 ナリ
鯨 ハ スベラニ 子
胎 生 ナリ

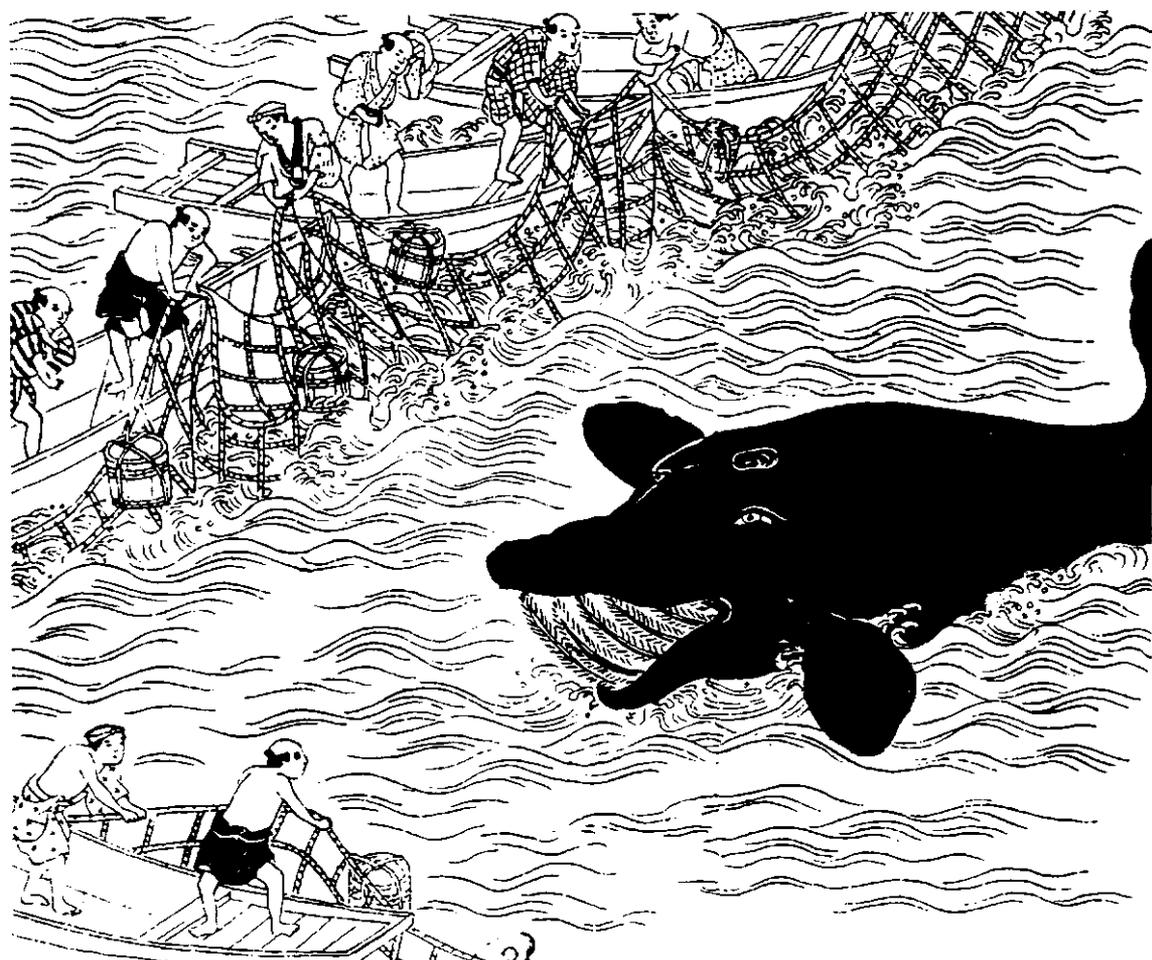
Из историй и легенд о южном ките: „Зародыш кита“. Гравюра старинного китайского художника. (Фотография Библиотеки Парижского музея естественной истории)

Из историй и легенд о южном ките: „Гладкий кит и полосатик“. Гравюра старинного китайского художника. (Фотография Библиотеки Парижского музея естественной истории)

**словарь
терминов**

Из историй и легенд о южном ките: „Охота на кита с помощью сети“. Старинная китайская гравюра. (Библиотека декорационного искусства. Фотография Жана-Лу Шарме)

АБОРИГЕН. Человек, обитающий в местах своего рождения. Синонимы: туземец, коренной житель, автохтон.

АМФИБИОНТНОЕ ЖИВОТНОЕ. Животное, которое может обитать в двух средах — воздушной и водной.

АНТРОПОМОРФИЗМ. В узком первоначальном смысле — доктрина, имеющая религиозное происхождение, согласно которой бог представляется в образе человека. В широком смысле — образ мысли, склонность разума человека наделять человеческими чертами и особенностями внешнюю природу — точка зрения, особенно неприемлемая, когда речь идет об изучении поведения животных.

АРРОЙО. Испанское слово, в тропических странах обозначает естественный или искусственный проток, соединяющий две реки. В широком смысле — река, образованная несколькими рукавами.

БЕСКИЛЕВЫЕ. Подкласс класса птиц. У бескилевых грудина лишена киля, недоразвиты крылья, и потому они неспособны летать. Бескилевых

разделяют на два отряда¹: страусообразные (страусы, нанду, эму, казуары) и киви (новозеландский киви).

БЕСПОЛОЕ РАЗМНОЖЕНИЕ. Способ воспроизводства некоторых растений и животных, в котором не участвуют специальные воспроизводящие (половые) клетки с полным набором хромосом. Например, у растений — почкование, размножение отводками, корневищами и т.д., а у животных — деление, почкование, партеногенез...

БИОТОП. Местообитание (синоним: среда) вида. Биотоп характеризуется абиотическими (неживыми) факторами (вода, почва, температура, свет и т.д.) и биотическими (наличие других видов — безразличных, конкурирующих, симбионтов, паразитов и т.д.).

БРОНЕНОСЦЫ. Семейство отряда неполнозубых млекопитающих, имеющее характерный покров из костных

¹ В настоящее время орнитологи не выделяют подкласс бескилевых птиц; страусы, нанду, казуары и эму подразделяются соответственно на три отряда. — *Прим. ред.*

и роговых пластин — так называемый панцирь.

БРЮХОНОГИЕ. Класс типа моллюсков, характеризующийся уплощенной ногой в форме подошвы с чувствительными щупальцами и ртом, снабженным шероховатым языком (так называемой радулой, или теркой); остальные внутренние органы помещаются в раковине, закрученной в спираль. Различают три подкласса брюхоногих: переднежаберные (морские ушки, улитки-блюдечки, литорины, стромбусы, букцинумы, пурпурные улитки, конусы и т.д.), легочные (прудовики, катушки, слизняки, улитки и т.д.) и заднежаберные моллюски (аплизии, голожаберные и т.д.).

ВЕРБЛЮДОВЫЕ. Семейство¹ отряда парнокопытных млекопитающих. Верблюдовые характеризуются главным образом двупальными конечностями и тем, что при ходьбе опираются на пальцы. В семейство входит два рода: верблюды (двугорбый, или бактриан, и одногорбый, или дромадер) и ламы (лама, гуанако, вигонь, или викунья, альпака).

ГАУЧО. Испанское слово, заимствованное из языка индейцев кечуа: пастих, охраняющий стадо в аргентинской пампе.

ГЕН. Основная составная часть дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК), окруженная различными протеинами и являющаяся главным элементом хромосомы. Каждый ген является носителем какого-либо наследственного признака.

ГОЛОВОНОГИЕ. Класс типа моллюсков, характеризующийся ясно обособленной головой и венцом из щупалец с присосками, образованными из так называемой „ноги“, у некоторых примитивных головоногих четыре жабры (четырёхжаберные) — это наутилусы. У большинства две жабры (двужаберные); в зависимости от числа щупалец двужаберных подразделяют на десяти-

ногих (каракатицы, кальмары) и восьминогих (осьминоги, аргонавты).

ГРЫЗУНЫ. Отряд класса млекопитающих, характеризующийся главным образом развитыми резцами. У зайцеобразных¹ на верхней челюсти четыре резца (два крупных спереди и два мелких за ними) — это кролики и зайцы. У всех остальных грызунов по два резца на верхней челюсти. Основные семейства: беличьи (белки, сурки, суслики), сонсообразные (лесная соя, соя-полчок, садовая соя), мешотчатые крысы (гофер, кенгуровая крыса), тушканчиковые (тушканчики), мышинные (хомяки, полевки, водяные крысы, ондатра, серая крыса, или пасюк, черные крысы, мыши), дикобразные (дикобразы), бобровые (бобры), слепышевые (слепыш, цокор). В Южной Америке весьма своеобразная фауна грызунов: морские свинки, мары, паки, шиншиллы, вискачи, нутрии, агуты и т.д.

ЗАЩИТНЫЙ ПОКРОВ. Производное эпидермиса кожи; предназначен для защиты тела от внешних воздействий: чешуя рыб, перья птиц, волосистой покров, когти и копыта млекопитающих.

ЗЛАКИ. Семейство однодольных растений с очень мелкими цветками, обычно собранными в колосок; включает, кроме зерновых (пшеница, ячмень, рожь, рис, кукуруза, просо и т.д.), большинство степных трав.

ЗУБАТЫЕ КИТЫ. Китообразные, характеризующиеся наличием зубов в отличие от усатых китов. См. китообразные.

ИГЛОКОЖИЕ. Тип морских беспозвоночных животных, характеризующихся во взрослом состоянии радиальной симметрией и шероховатым покровом или покровом из игл разной длины. В настоящее время существует лишь пять классов иглокожих (их расцвет пришелся на палеозойскую эру): морские лилии (стебельчатые и бессте-

¹ Зайцеобразные (кролики, зайцы, пищухи) выделены в особый отряд зайцеобразных (*Lagomorpha*). — Прим. ред.

¹ См. примечание к стр. 27. — Прим. ред.

бельчатые), голотурии (голотурии и морские огурцы), офиуры, морские ежи и морские звезды.

КИЛЬ. Сильно развитый гребень грудной кости у большинства птиц (исключая бескилевых). На этой широкой костной поверхности крепится мощная грудная мускулатура, приводящая в движение крыло птиц.

КИТОВЫЙ УС. Роговые пластины, растущие на верхней челюсти и служащие для процеживания планктона. Каждый вид имеет характерные для него длину, цвет и форму китового уса. Это основной отличительный признак так называемых усатых, или беззубых, китов в отличие от зубатых китов.

КИТООБРАЗНЫЕ. Отряд класса млекопитающих, полностью приспособленный к жизни в воде (обтекаемая форма тела, передние конечности превращены в ласты, задние атрофированы, носовые отверстия (дыхало) открываются на темени и т.д.). Подразделяются на два подотряда: зубатые киты и усатые. Зубатые киты характеризуются наличием зубов, это: речные дельфины, дельфиновые (обыкновенный дельфин, бутылконосый дельфин, или афалина, гринда, косатка), морские свиньи, белуховые (белуха, нарвал), кашалотовые (кашалот) и клюворылые (клюворыл, бутылконос). Беззубые, или усатые, киты характеризуются наличием китового уса, это: серые киты, гладкие киты и полосатики (малый полосатик, горбач).

КИШЕЧНОПОЛОСТНЫЕ. Старое название одного из типов беспозвоночных, который в настоящее время подразделяется на два различных типа: гребневники (этот тип состоит из небольшого числа видов) и собственно кишечнополостных. Для последнего характерны стрекательные клетки, или книдобласты. Этот тип разделяется на три класса: гидроидные (пресноводные гидры, обелии, физалии, парусник), сцифоидные (медузы) и коралловые (известковые кораллы, горгонарии, морские перья, актинии, мадрепоровые).

КОЛЬЧАТЫЕ ЧЕРВИ. Обширный тип червей, главной отличительной чертой которого является тело, образованное последовательными кольцами, или метамерами. Некоторые кольчатые черви обитают на суше, например дождевой, или земляной, червь. Другие обитают в воде, как, к примеру, nereida — самый известный морской кольчатый червь. Тип кольчатых червей подразделяется на три основных класса: полихеты, или многощетинковые черви, на каждом членике которых расположены выросты с многочисленными щетинками, эти выросты играют роль органов движения; олигохеты, или малощетинковые черви, у которых таких щетинок мало; и пиявки, у которых их нет вообще. Полихеты бывают подвижными (nereida, червь-палоло, силлиды и др.) или оседлыми (ареникола, сабелла, серпула). Олигохеты обитают в болотах (трубочник и др.) или в земле (дождевой червь). Пиявки — паразиты: они сосут кровь.

КРИЛЬ. Норвежское слово, обозначающее огромные скопления в полярных водах эуфазиевых рачков (в частности *Euphasia superba*), которые служат источником питания для многих животных, в том числе для усатых китов.

КСЕРОФИТ. Растение или животное, приспособившееся к жизни в сухих и пустынных регионах. Синоним: сукхолобивый.

ЛАСТОНОГИЕ. Отряд класса млекопитающих, близкий к наземным хищным и приспособленный к жизни в воде (обтекаемое тело, передние и задние конечности превращены в ласты и т.д.). Состоит из трех семейств: ушастые тюлени (морские котики, морские львы, сивучи), моржовые (моржи) и настоящие тюлени (тюлени и морские слоны).

МЕЖДУНАРОДНАЯ КИТОБОЙНАЯ КОМИССИЯ. Международная организация, основанная в 1946 году в Вашингтоне, официальной целью которой является "... использовать, не уничтожая, охранять на пользу будущих поколений естественные ресурсы, представленные китообразными".

МКК может только давать рекомендации, у нее нет прав вменять жестко в обязанность промысловикам соблюдение „квоты“ добычи, которые она дает (и которые чаще всего и так очень высоки). Было бы большой ошибкой, если бы те, кто обеспокоен судьбой китов, стали рассчитывать только на нее в деле защиты китообразных от уничтожения.¹

МОЛЛЮСКИ. Тип животных, наиболее характерной чертой которых является мягкое тело, одетое в мантию, способную выделять вещества, строящие раковину. Различают пять основных классов: панцирные (хитоны), брюхоногие (улитки, морское ухо и т.д.), лопатоногие (морской зуб), пластинчатожаберные, или двустворчатые (мидии, устрицы и т.д.), и головоногие (кальмары, каракатицы, осьминоги и т.д.).

НАСА (NASA). Аббревиатура, образованная из слов *National Aeronautical and Space Administration* (Национальное управление по авиации и исследованию космического пространства США).

НАСТОЯЩИЕ ТЮЛЕНИ. Семейство отряда ластоногих, наиболее полно приспособившееся к плаванию и нырянию; в него входят различные виды тюленей и морские слоны.

НЕПОЛНОЗУБЫЕ. Отряд класса млекопитающих, в который ранее объединяли животных со слабо развитыми либо совсем отсутствующими зубами, отчего им и дали такое название. В настоящее время зоологи разделяют эту группу на два разных отряда: ящеров, или панголинов, и собственно неполнозубых, в который входят ленивцы, муравьеды и броненосцы.

¹ Основной задачей Международной китобойной комиссии является установление мер охраны китов вплоть до введения запрета на добычу, организация заповедных (закрытых для промысла) акваторий Мирового океана, определение не только сроков и способов добычи, но и ее размеров („квоты“) — различных для разных видов китов и разных районов промысла. — *Прим. ред.*

ПАЛЬЦЕХОДЯЩИЕ. Животные, которые при ходьбе опираются только на пальцы, — в отличие от *стопходящего* животного, которое ставит на землю всю стопу.

ПАМПА. Обширная травянистая равнина в Южной Америке, занимающая, в частности, значительную часть Аргентины.

ПАМПЕРО. Холодный ветер в аргентинской пампе, дующий с Анд.

ПАЗАРИТ. Организм, существующий за счет питательных веществ другого организма; последний (так называемый „хозяин“) не обязательно погибает от истощения.

ПЕОН. В Южной Америке этим словом называют сельскохозяйственного рабочего или бедного крестьянина.

ПИНГВИНООБРАЗНЫЕ. Отряд класса птиц, входящий в подотряд плавающих (*Impennes*). Пингвинообразные характеризуются хорошо развитым килем (в отличие от бескилевых), превратившимися в ласты крыльями и очень плотным перьевым покровом, напоминающим чуть ли не чешую. Основные роды: *Aptenodytes* (императорский пингвин, королевский пингвин); *Pygoscelis* (пингвин Адели, пауа), *Eudyptes* (хохлатый пингвин, золотоволосый), *Eudyptula* (малый пингвин).

ПИЩЕВАЯ ЦЕПЬ. В экологии означает совокупность видов, последовательно использующих питательные вещества. Типичная пищевая цепь состоит из производителей (хлорофилловых растений), травоядных животных, хищников (потребителей травоядных), плотоядных (потребителей других плотоядных) и, наконец, редуцентов, которые возвращают в кругооборот органических веществ питательные вещества, использованные в этой пищевой цепи.

ПЛАНКТОН. Совокупность организмов, обитающих в пресной и соленой водах и пассивно в них передвигающихся или, по крайней мере, не спо-

собных противостоять течениям. С точки зрения природы этих организмов, различают фитопланктон (растительный планктон) и зоопланктон (животный планктон). С точки зрения размеров — микропланктон, мезопланктон и макропланктон.

ПОЛОВОЙ ДИМОРФИЗМ. Совокупность вторичных половых признаков, которые отличают самца от самки в рамках одного и того же вида.

ПРИЛИПАЛЫ (РЕМОРЫ). Костные рыбы отряда прилипалообразных, насчитывающие около десятка видов. Самый характерный их признак состоит в том, что первый спинной плавник у них преобразовался в овальный диск, который выполняет роль присоски. Прилипалы прикрепляются к другим рыбам (особенно к акулам), морским черепахам, китам и т.д. Они используют их в качестве средства передвижения, но иногда также питаются остатками их трапезы или выполняют роль чистильщиков.

РАКООБРАЗНЫЕ. Класс типа членистоногих животных, характеризующийся наличием жаберного дыхания, антенн, панциря и появлением во время процесса размножения плавающей личинки, называемой науплиусом. Подразделяются на несколько подклассов (жаброногие раки, ракушковые, веслоногие рачки, карпоеды, усонogie, высшие ракообразные и т.д.), многочисленные отряды и десятки тысяч видов. Самые развитые — десятиногие высшие ракообразные, к которым относятся раки, креветки, омары, лангусты, крабы.

РЕЦЕССИВНЫЙ. В генетике — наследственный признак, который проявляется только в отсутствие противоположного гена, называемого доминантным.

СОНАР (SONAR). Аббревиатура, образованная из английских слов *SOund Navigation Ranging*, обозначающих прибор для обнаружения подводных лодок. В настоящее время слово „сонар“ употребляется для обозначения всех эхолокационных систем (то есть

для обнаружения объектов под водой с помощью эха от испускаемых волн) — в частности для систем, которыми природа снабдила некоторых животных (китообразных, различные виды ластоногих).

СПЕРМАЦЕТ. Научное название высококачественного и очень чистого жироподобного вещества, имеющегося в передней части головы кашалота и других крупных зубатых китов. Спермацет находит самое разное применение: для смазки точных приборов, в фармацевтической промышленности, в производстве косметических изделий и т.д.; однако при желании его можно было бы заменить растительными маслами, в частности добываемыми из некоторых южноамериканских растений (рода *Simondsia*, *Limnanthes*).

СТАДНЫЙ. Вид, живущий стадом. Виды бывают живущие стадом постоянно и периодически — например, собирающиеся во время размножения.

СУМЧАТЫЕ. Отряд примитивных млекопитающих. У сумчатых слабо развита плацента, связывающая мать с развивающимся эмбрионом. Детеныш появляется на свет едва ли не в виде зародыша и, чтобы продолжить развитие, должен самостоятельно добраться до выводковой сумки, куда открываются соски молочных желез. Большинство сумчатых обитает в Австралии, некоторые — в Южной Америке. Основные представители: двуутробки, опоссумы, сумчатые куницы, сумчатые кроты, сумчатые волки (в настоящее время исчезающие), кускусы, коалы, вомбаты, валлаби, кенгуру.

ТИП. Систематическая категория. Синоним: филум.

УСАТЫЕ, ИЛИ БЕЗЗУБЫЕ, КИТЫ. Китообразные, характеризующиеся наличием китового уса, в отличие от зубатых китов. См. китообразные.

УШАСТЫЕ ТЮЛЕНИ. Семейство отряда ластоногих, характерной чертой

которых являются внешне заметные ушные раковины. Они могут подгибать задние конечности вперед под туловище, что позволяет им довольно свободно передвигаться по суше. В зависимости от происхождения и внешнего вида ушастые тюлени называются морскими львами, морскими котиками, сивучами и т.д.

ФЕРОМОН. Гормональное вещество, испускаемое телом животного, которое влияет (обычно через посредство обоняния) на поведение особей одного и того же вида. Феромоны зачастую играют существенную роль во время начальных фаз размножения, обеспечивая встречу особей разного пола.

ХИЩНИК. Любое животное, которое питается добычей, убиваемой им самим. (*Травоядные* едят растения. *Паразиты* питаются лишь за счет части питательных веществ, получаемых от „хозяина“. *Трупоядные* поедают мертвые организмы, которых сами не убивали.)

ЦЕТОЛОГ. Зоолог, специализирующийся на изучении китообразных.

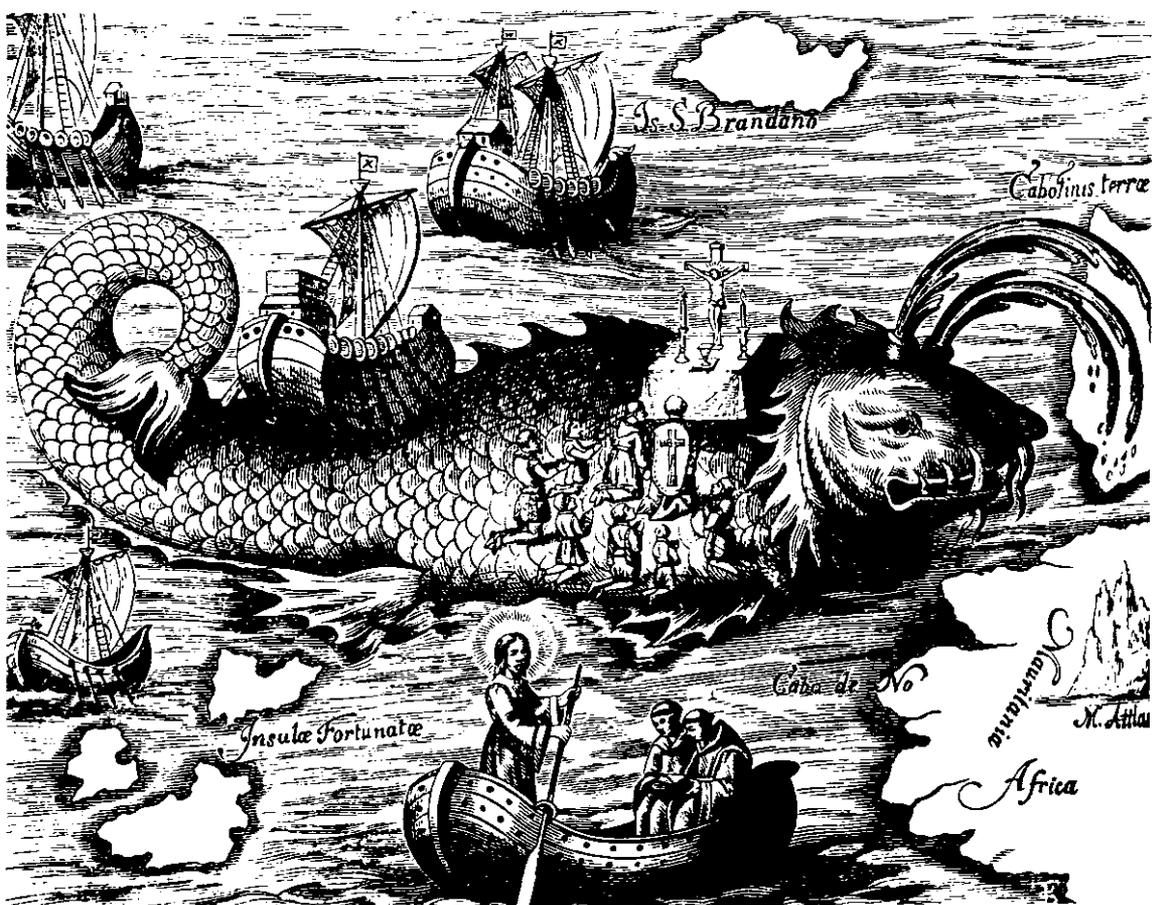
ЭКОСИСТЕМА. Основная „единица“ в экологии. Под ней понимается совокупность естественной среды и населяющих ее живых организмов. Различают гигантские экосистемы, или макроэкосистемы (например, Средиземное море), средние экосистемы, или мезоэкосистемы (например, Ниццкая бухта), и малые экосистемы, или микроэкосистемы (например, подводная скала в Ниццкой бухте).

ЭНДЕМИЧЕСКИЙ. Первоначально этим словом определяли болезнь, характерную для определенной местности. Экологи приняли этот термин для обозначения растений и животных, обитающих только в данном регионе.

ЭСТАНСИЯ. Крупная ферма, как правило, животноводческая, в Южной Америке.

ЭУФАЗИЕВЫЕ РАЧКИ (ЭУФАЗИИДЫ). Семейство высших ракообразных, объединяющее небольших креветок длиной не более 5 см, часто составляющих огромные сезонные скопления. В эти периоды ими питаются рыбы, морские птицы, ластоногие и китообразные. Основные роды: *Euphausia*, *Nyctiphanes*, *Thysanoessa*.

библиография

Из историй и легенд о южном ките: „Чудо Сен-Мало“. Гравюра XVI века. (Фотография Жана-Лу Шарме)

H. des Abbayes et Coll.,
BOTANIQUE,
Masson et Cie, 1963.

H. Boué et R. Chanton,
ZOOLOGIE,
4 volumes, Doin, 1966.

Louis-Antoine de Bougainville,
VOYAGE AUTOUR DU MONDE
PAR LA FRÉGATE DU ROY
„LA BOUDEUSE“ ET LA FLÛTE
„L'ÉTOILE“ EN 1766, 1767,
1768 ET 1769,
Paris, 1772.

John Byron,
THE NARRATIVE OF THE
HONOURABLE JOHN BYRON . . . ,
London, 1768.

Comité Consultatif de la
Recherche sur les Ressources
de la Mer,
LES MAMMIFÈRES MARINS.
Rapport du Groupe Ad Hoc I
sur les grands Cétacés,
février 1976.

IBID,
Rapport du Groupe Ad Hoc II
sur les petits Cétacés et
Siréniens,
mai 1976.

IBID,
Rapport du Groupe Ad Hoc III
sur les Pinnipèdes et loutres
de mer,
mai 1976.

James Cook,
CAPTAIN COOK'S JOURNAL
DURING HIS FIRST VOYAGE
ROUND THE WORLD
MADE IN H. M. BARK
„ENDEAVOUR“,
1768—1771,
London, 1893.

Charles Darwin,
VOYAGE D'UN NATURALISTE
AUTOUR
DU MONDE,
trad. Barbier,
Paris, 1875.

Jean Dorst,
LA VIE DES OISEAUX,
Bordas, La Grande
Encyclopédie de la Nature,
11 et 12.

J. Empereire,
LES NOMADES DE LA MER,
Gallimard, 1955.

Fitzroy,
NARRATIVE OF THE SURVEYING
VOYAGES OF H. M. S.
„ADVENTURE“
AND „BEAGLE“ BETWEEN
THE YEARS 1826 AND 1830,
London, 1839.

François Gohier,
DANS LES ANDES DE PATAGONIE,
La Vie des Bêtes, n° 241,
août 1978.

Miguel de Goicueta,
VIAJE DEL CAPITAN
JUAN LADRILLERO
(1557—1558) AL
DESCUMBRIMIENTO
DEL ESTRECHO DE MAGALLANES,
in anuario hidrografico
de la Marina de Chile, VI, 1880.

L. Harrison Matthews,
LES MAMMIFÈRES,
Bordas, La Grande
Encyclopédie de la Nature, 14.

L. Harrison Matthews,
LA VIE DES MAMMIFÈRES,
Bordas, La Grande
Encyclopédie de la Nature,
15 et 16.

N. B. Marshall,
LA VIE DES POISSONS,
Bordas, La Grande
Encyclopédie de la Nature,
7 et 8.

Richard Martin,
LES MAMMIFÈRES MARINS,
Elsevier Sequoia, 1978.

Roger Payne,
AT HOME WITH RIGHT WHALES,
National Geographic, vol. 149,
n° 3, march 1976.

ЖАК-ИВ КУСТО, ИВ ПАККАЛЕ. ЖИЗНЬ НА КРАЮ ЗЕМЛИ

Редактор А. Лушик. Художественные редакторы: Б. Денисовский, В. Быков. Технический редактор Л. Шишкова. Корректоры: И. Жмакина, Л. Хромова. ИБ № 1353. Сдано в набор 14.03.83. Подписано в печать 03.02.84. Формат 70 × 100 ¹/₁₆, бумага мелованная и офсетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,7. Усл. кр.—отт. 95,71. Уч.—изд. л. 26,9. Тираж 200 000 экз. Индекс ЦЛ-55. Заказ № 430094. Цена 5 р. 30 к. Гидрометеиздат, 199053. Ленинград, 2-я линия, 23. Свобода. Прага. ЧССР.

ЖАК-ИВ КУСТО

Жак-Ив Кусто посвятил свою жизнь исследованию моря. Он родился в 1910 г. в Сент-Андре-де-Кюбаксе (департамент Жиронда). В 1930 г. окончил Морскую школу. В 1943 г. совместно с инженером Эмилем Ганьяном изобрел автономный скафандр с аквалангом, который впервые дал человеку возможность свободно передвигаться под водой.

В 1950 г. Кусто переоборудовал старый минный тральщик в научно-исследовательское океанографическое судно „Калипсо“. На его борту им были проведены многочисленные экспедиции с участием ученых из разных стран. Во время этих экспедиций им были сняты подводные фильмы, получившие широкое признание: „Мир безмолвия“, „Мир без солнца“ и четыре двенадцатисерийных фильма, показанных по телевидению, — „Подводная одиссея команды „Кусто““.

Именно Кусто мы обязаны многочисленными подводными аппаратами: SP-350, SP-1000, SP-4000 (в США ее называют „Deep Star“) и SP-3000.

В 1957 г. Кусто избирается директором Океанографического музея в Монако. Им написаны книги: „Мир безмолвия“ в содружестве с Фредериком Дюма, „Живое море“ с Джемсом Дагеном, „Мир без солнца“, „Акулы“ с сыном Филиппом, „Жизнь и смерть кораллов“, „Затонувшее сокровище“, „Наши друзья киты“, „Осьминоги: конец недоразумению“, „Три приключения „Калипсо““, „Товарищи по подводному погружению“ и „Дельфины и свобода“ с Филиппом Диоле, наконец, „Лососи, бобры и каланы“ с Ивом Паккале.

Сейчас, когда создано в целом около пятидесяти фильмов и снят еще один большой фильм в Антарктике, капитан Кусто еще больше расширил программу своих исследований. Отлично понимая, что море — резервуар всевозможных загрязнений, провоцируемых человеком, и что оно в смертельной опасности, всю свою энергию он отдает борьбе за то, чтобы наша Земля была обитаема и прекрасна.

Фото из фонда Кусто

ИВ ПАККАЛЕ

Ив Паккале, родившийся в 1945 г. в Бозеле (департамент Савоя), принадлежит к тому новому поколению авторов, которое не боится сочетать научную строгость с некоторой долей романтизма. В Высшей нормальной школе он слушал курс по философии и параллельно занимался биологией (ботаникой и зоологией), но в конце концов полностью посвятил себя этим последним дисциплинам.

Увлеченный самыми разными проблемами природы, ботаник (он редактировал тексты для серии „Растительность провинций Франции“), фотограф растений и животных, он внес свой вклад в развитие движения экологов во Франции, особенно при составлении „Досье ядерной энергии (Краткое —?— пребывание в аду)“ (1975).

Он встретился с капитаном Кусто, работая с ним над двадцатитомной „Энциклопедией океанов“. Их объединила общая страстная любовь к морю и озабоченность опасностью загрязнений всех видов. Только что они закончили вместе три книги (которые скоро выйдут в свет) по китам, по философии, искусству и поэзии окружающей среды и по энергии моря. Книга „Жизнь на краю земли“ — вторая (после книги „Лососи, бобры и каланы“) из серии „Одиссея“, написанная им в соавторстве с Ж.-И. Кусто.

Фото Кэтлин Паккале